

Джейн ван Лавик-Гудолл Гуго ван Лавик-Гудолл
Невинные убийцы

«Невинные убийцы»: «Мир»; Москва; 1981

Аннотация

Сборник, составленный из издававшихся ранее научно-популярных произведений

известных ученых-этологов и писателей Фарли Моуэта (Канада), Джейн и Гуго ван Лавик-Гудолл (Англия) и Конрада Лоренца (Австрия), посвященных проблеме поведения животных и их взаимоотношению с человеком.

Джейн и Гуго ван Лавик-Гудолл Невинные убийцы

Предисловие I

Разные сюжеты, разные авторы... и все же есть общая нить, позволяющая объединить эти три столь несхожих произведения в единую книгу, собрать их «под одной крышей». Эта нить — главный «герой»: все животные, о которых идет речь, относятся к одному семейству отряда хищных — семейству собак. Исключение представляет только пятнистая гиена, но и она в экологическом плане в известном смысле близка к собакам. А все собаки — и дикие, и домашние — животные трудной судьбы.

Отношение человека к волку, к гиеновым собакам, да и к нашим спутникам, домашним собакам, неоднозначно. Оно не раз менялось, причем резко, переходя из одной крайности в другую. Поэтому представляется исключительно важным абстрагироваться от эмоций, которые всегда субъективны, и попытаться разобраться в этой противоречивой оценке с научной точки зрения, с научных позиций.

Вражда между человеком и волком имеет древние и глубокие корни. Начало ее следует искать в эпохе перехода человечества от собирательства и охоты к скотоводству. Уже с тех отдаленных времен до самых последних лет с волком велась беспощадная война, в которой все средства были хороши: ружья, капканы, хитроумные ловушки, яды, специально выведенные породы собак, а в наше время и авиация. Война велась на всем огромном ареале волка — в Европе, Азии, Северной Америке. На борьбу с ним истрачены колоссальные деньги. В сотнях книг рассказывается, как и где лучше истреблять волков. Скотоводы жаловались на миллионные убытки, охотники — на сокращение численности диких копытных: оленей, лосей. Популяризаторы-волконенавистники особенно подчеркивали «жестокость» волков. Один из них, охотник и торговец туристическим снаряжением, американец М. Бейтс в своей книге «Всегда кричи: «Волки!» писал, например: «Брюхо искалеченной оленухи было распорото и два эмбриона вырваны и съедены на глазах умирающей матери. Как обычно, волки заканчивали трапезу теплым телом еще живой жертвы». Именно в ответ на это произведение и была написана книга Ф. Моуэта.

Человек в войне с волком победил. В Англии, например, волки были полностью уничтожены уже в начале XVI в. В XVIII — XIX вв. они практически исчезли во всех странах Западной Европы. В Северной Америке к середине XX в. небольшие изолированные популяции сохранились только на севере Канады, а в Соединенных Штатах — на Аляске. И только в нашей стране, на необъятных просторах Восточной Европы и Северной Азии, популяции волков продолжали оставаться многочисленными.

Была ли оправдана война с волком с экономической, научной и моральной точек зрения? В определенном смысле — да. Волки действительно изымают значительное количество копытных животных, причиняют серьезный ущерб скотоводству и охотниччьему хозяйству, служат источником заражения многими опасными заболеваниями, в первую очередь — бешенством. Правда и то, что они часто поедают свои жертвы живьем — не от «жестокости», а от поспешности, от стремления поскорее утолить голод.

Однако в середине XX в. отношение к волку начинает меняться. Главной причиной этого пересмотра отношений были научные данные о роли волка в балансе экосистем, о его роли регулятора численности копытных животных, роли санитара и селекционера. Многочисленными и безупречно документированными исследованиями было показано, что волки изымают из природы преимущественно неполноценных животных, которых им легче

добыть. Такие животные либо обречены на гибель, либо, что еще хуже, могут закрепить свои физические пороки в потомстве. Изымая их из популяции, волки улучшают ее генетические качества, ее жизненный уровень, способствуют поддержанию оптимальной численности, снижают конкуренцию за пищу, что особенно важно в многоснежные суровые зимы. Естественно, такая роль в экосистемах отнюдь не исключительная прерогатива волка, она характерна для всех хищников. Не случайно сейчас проблема взаимоотношений хищника и жертвы стоит в ряду наиболее актуальных проблем экологии.

Второе, что серьезно подорвало веру в необходимость борьбы с волком, — это более близкое знакомство с ним как с «личностью». В определенном смысле волки исключительно привлекательны. Они красивы, сильны, обладают высокоразвитой психикой, крайне индивидуальны в проявлении чувств. Под пером талантливых писателей-анималистов волку нетрудно было стать этаким непонятным, всеми гонимым героем. Так оно по сути дела и получилось: широкая общественность резко выступила в защиту волка. Немалую роль в этом сыграла и книга Ф. Моуэта.

И наконец, третье. Численность волка упала настолько, что в Европе и Америке возникла действительная угроза его полного истребления. А сейчас мимо этого не проходят, и волк был занесен в Красную книгу Международного союза охраны природы. Со всеми вытекающими отсюда последствиями — запретами отстрела, ограничением продажи шкур, проектами реинтродукции в места былого обитания. Таково положение и сейчас.

Иначе складывалась ситуация с волком в нашей стране. У нас волк никогда не был малочислен и всегда причинял значительный ущерб. Особенно много волков развелось в годы, следующие за потрясавшими страну событиями, — в периоды после гражданской и Великой Отечественной войн. Борьба с волком всегда велась интенсивно, и мы заготавливали ежегодно *десятки тысяч* волчьих шкур. Волк вне закона, его можно стрелять всегда и везде, за добычу волка полагается премия. И это оправдано: если в Канаде и на Аляске, где нет оленеводства и домашние животные в рационе волка являются замещающими, суррогатными кормами, а основную пищу составляют карibu (дикий северный олень) и лось, то в нашей стране волк, наоборот, живет в основном за счет домашнего скота. Особенno ощутимый ущерб он наносит в районах отгонного животноводства, на юге страны, и оленеводам тундр. Государственная позиция в отношении волка бескомпромиссна.

В конце 60-х — начале 70-х годов у нас, как и за рубежом, наметился отчетливый перелом в отношении к волку. В научной и популярной литературе все чаще стали появляться статьи в его защиту. Не последнюю роль сыграли переведенные в то время книги Л. Крайслер «Тропами карibu» (М.: Мысль, 1966) и Ф. Моуэта «Не кричи, волки!» (М.: Мир, 1968). Но главным было, что к тому времени интенсивной охотой удалось заметно снизить численность волка, и это ослабило внимание к нему со стороны охотничих организаций. В результате родились своего рода благодушие, самоуспокоенность, поддерживаемые с одной стороны некомпетентными высказываниями популяризаторов науки, с другой — пассивной позицией охотников.

Это благодушие очень скоро принесло свои плоды. К концу 70-х годов численность волка возросла в несколько раз и жалобы на него посыпались лавиной. И снова была допущена крайность: началась реклама широкой кампании против зверя. Были созданы специальные отряды истребителей-волчатников, интенсифицирована система поощрительных премий, охотничьи организации получили снегоходную технику, на помощь пришла авиация, массовым тиражом выпускались плакаты, призывающие к истреблению волка. И уже в 1979 г. слова «санитар» и «селекционер» по отношению к волку никто не произносил иначе как в кавычках, как особое издевательство над достижениями науки. Оправдано ли все это? Вопрос сложный и спорный, но мне как ученному представляется, что не оправдано.

На мой взгляд, мы должны выработать свою позицию по отношению к волку раз и навсегда, и выработать ее на основе научных данных. Прежде всего мы должны твердо

усвоить, что волк всегда и при любых обстоятельствах остается хищником, питающимся дикими копытными или домашним скотом, быстро приспосабливающимся к самым разным условиям, умеющим прекрасно уходить от опасности и обладающим высоким потенциалом размножения. Достаточно вспомнить, как быстро, почти на глазах, волк восстанавливает численность даже в густо заселенных людьми районах, как легко он научился уходить из оклада, игнорируя флаги, или затаиваться при отдаленном звуке самолетного мотора, как он может за одну ночь уничтожить результаты многолетних усилий по разведению в охотничьем хозяйстве или заповеднике косуль или оленей, чтобы понять всю сложность и трудоемкость мер по контролю и регулированию численности этого животного. Поэтому контроль должен быть постоянным, а регулирование численности — эффективным и жестким. Нигде на нашей территории волк в обозримом будущем не будет находиться под угрозой полного исчезновения, и контроль должен быть повсеместным, в том числе и в заповедниках. Нет и не было необходимости заносить волка в Красную книгу СССР.

И еще одно, о чем мы также должны твердо помнить: о роли волка в экосистемах. Волк действительно санитар и селекционер в полном смысле этих слов. То, что мы при исследовании трупов животных, убитых волком, часто не находим видимых патологических изменений (травм, следов заболевания, признаков истощения и т. п.), еще ни о чем не говорит. Они вообще могут быть неуловимы для человеческого глаза: порок сердца, ослабление слуха, зрения или обоняния, психологические аномалии, дефекты состава крови — как их обнаружить? Но хищники из многих животных выбирают и убивают одно, наиболее для них доступное и чем-то отличающееся от других. Я не говорю, конечно, о тех случаях, когда волки в стаде домашних животных режут несколько жертв — это противоестественное действие стимулируется столь же противоестественными обстоятельствами.

Обычное возражение противников признания селективной роли волка заключается в том, что человек, дескать, сам может проводить такую селекцию. Опыт показал, что пока еще не может!

Оценка роли волка в экосистемах диктует нам необходимость сохранения его как компонента экосистем. Это положение не входит в противоречие с тезисом о жестком, эффективном и повсеместном регулировании его численности. Важно подчеркнуть, однако, что речь может идти именно о регулировании и контроле, а не об истреблении, не об уничтожении. Уместно будет добавить, что в принятом недавно в нашей стране Законе об охране и использовании животного мира нигде не используется слово «истребление», как не используются и понятия «вредное» или «полезное» животное. Это полностью соответствует одному из основных принципов Закона — принципу сохранения всего видового многообразия животного мира.

Итак, сформулируем нашу окончательную позицию по отношению к волку: не идеализация, не охрана, но и не истребление, не уничтожение, а разумное регулирование численности, постоянное поддержание ее на уровне, обеспечивающем наименьший ущерб народному хозяйству и вместе с тем не снижающем экологической роли волка в естественных экосистемах.

Судьба гиеновых собак в Африке очень схожа с судьбой волка в Голарктике. Долгое время они были одним из самых многочисленных «средних» хищников Африканского континента и подвергались гонению со стороны охотников и фермеров-европейцев. Причины нам уже знакомы: люди видели в гиеновых собаках конкурентов, и оскудение запасов диких копытных охотно «сваливали» на хищников, в том числе на гиеновых собак. К тому же они гораздо менее «привлекательны», чем волки, и поэтому защитников нашли гораздо позже. Только во второй половине XX в. ученые забили тревогу по поводу резкого сокращения численности этих животных, а этологи показали, что и гиеновые собаки могут быть предметом симпатии человека (Лавик-Гудолл, Дж. и Г., ван. Невинные убийцы. — М.: Мир, 1977). Вообще нетрудно заметить, что именно этологи — специалисты, изучающие поведение животных, — оказываются лучшими пропагандистами их охраны. Ничто так не

связывает человека и животное, как познание его психической жизни.

Если волк — один из древнейших врагов человека, то собака — самый старый его друг. О собаках написано много, так много, что, казалось бы, найти какую-то новую тему, какой-то новый аспект просто невозможно. И все же лауреат Нобелевской премии Конрад Лоренц сумел это сделать. Мне кажется, после его чудесной книги (*Человек находит друга*. — М.: Мир, 1971, 1977) собака нашла среди людей новые миллионы друзей. Но как раз здесь кроются серьезные сложности.

«Собака — друг человека». Эта банальная фраза в последние годы перестает быть аксиомой. Рост народонаселения и его концентрация привели к появлению поистине сонма бездомных собак. Часть их живет в городах, кормясь на свалках, у мусорных ящиков или выпрашивая пищу около магазинов, столовых, больниц. Другая же часть вернулась к жизни предков, переселилась в леса и полностью порвала дружбу с человеком. Эти собаки стали настоящими дикими животными. Они объединяются в сообщества, успешно загоняют и убивают диких копытных — оленей, косуль, особенно молодняк. Постоянных нор не имеют и только для выкармливания щенков обосновываются в развалинах брошенных домов или в естественных укрытиях. Борьба с ними крайне трудна, так как они прекрасно знают «повадки» человека, умеют его избегать и извлекать пользу из соседства с ним. Да человеку порой и невдомек, что встретил он в лесу не собаку, а дикое животное, оборотня. Одичавшие собаки исключительно молчаливы и скрытны. На охоте, преследуя жертву, они никогда не подают голоса, что в общем-то характерно для собак.

Некоторые собаки сделали еще больший шаг к своим предкам: в местах, где волки остались в ничтожном количестве, собаки стали образовывать с ними брачные пары. И вот в ряде областей появились волко-собачьи гибриды. По внешнему виду они ближе к волкам, но по повадкам во многом напоминают собак и, в частности, меньше, чем волки, боятся человека, хотя и очень осторожны. Кстати, в местах, где волков много, нет не только гибридов, но и одичавших собак: волки вылавливают их очень быстро.

(Еще один пример, подтверждающий, как важно правильно построить отношение к волку!)

Проблема бродячих собак — трудная проблема. Истребление их — дело не простое, и прежде всего по моральным соображениям. Поэтому главным здесь следует считать ответственность владельцев собак. Беря в дом щенка, нужно заранее быть уверенным, что хватит и терпения, и времени, и любви на то, чтобы его вырастить и сделать другом на всю жизнь. Иначе он может пополнить многострадальную армию бездомных собак. К сожалению, такой финал отнюдь не редкость.

В заключение мне хотелось бы сказать несколько слов об авторах своеобразной «трилогии», которую вы держите в руках. Все они неоднократно переводились на русский язык и хорошо известны советскому читателю. Всех их объединяет бескорыстная любовь к животным, желание помочь им, рассказать о них правду, раскрыть глаза на их внутренний мир. Удалось это им по-разному, но во всех трех произведениях — живо и талантливо.

Д-р биол. наук проф. В.Е. Флинт

Предисловие II

Имя Джейн ван Лавик-Гудолл стало широко известно благодаря интереснейшим наблюдениям за шимпанзе, проведенным ею в естественных для них условиях обитания, в национальном парке Гомбе, в Танзании. Ее муж Гуго знаменит своими замечательными фотографиями диких животных — именно они были использованы для иллюстраций статей и книг Джейн; он же снимал телевизионные и широкоэкранные фильмы о шимпанзе.

В этой новой книге их роли несколько изменились. Гуго, научившийся у Джейн методике наблюдения за дикими животными, пока они вместе изучали шимпанзе, самостоятельно написал две чрезвычайно интересные главы — о гиеновых собаках и

обыкновенных шакалах. Работа Джейн на этот раз посвящена исследованиям пятнистых гиен.

Те, кто только поверхностно знаком с этой областью исследований, могут спросить, что же нового и интересного еще можно узнать о животных, которыми достаточно занимались многие ученые. Но Джейн и Гуго — незаурядные наблюдатели животных: мало кто может сравниться с ними в терпении и настойчивости при полевых исследованиях, а когда к этому прибавляются еще и исключительные операторские способности, получается книга, по сравнению с которой почти все ранее изданное об этих животных кажется несколько легковесным.

Книга задумана как первый том большого труда, посвященного описанию поведения хищников Восточной Африки, и адресована широкому кругу читателей. Для специалистов же на основе последних наблюдений авторов будут составлены и опубликованы научные отчеты.

Вряд ли найдется человек, который пройдет мимо книги, насыщенной совершенно новыми сведениями о трех видах диких животных и иллюстрированной отличными фотографиями, а для этологов и зоопсихологов она явится своего рода возбуждающей аппетит закуской, предшествующей научным отчетам, которые будут выходить в свет по мере накопления новых данных.

Издатели уже запланировали ввести во второй том материал о львах, леопардах и гепардах, но я думаю, что читатели потребуют издания и третьего тома, в котором рассказывалось бы о другом виде гиен — полосатой гиене, совершенно непохожей на пятнистую, а также о других видах шакалов, каждый из которых отличается присущими только ему интереснейшими чертами поведения. В третий том можно было бы включить наблюдения о редко встречающемся (хотя не столь уж малочисленном) земляном волке, который ведет ночной образ жизни. Если кому-нибудь и удастся собрать действительно ценные сведения об этом животном, то ими, несомненно, будут Джейн и Гуго.

А пока — и я в этом твердо уверен — первая совместная книга Джейн и Гуго ван Лавик-Гудолл доставит огромное удовольствие не только ученым, но и всем читателям. Приведенные в ней новые, а подчас и уникальные сведения подкреплены выразительными фотографиями.

Л.С.Б. Лики

Охотничьи угодья днем и ночью

Метрах в пятидесяти от нас мчался галопом самец антилопы гну — его черная тень мелькала на фоне освещенной луной выгоревшей травы африканской саванны. За ним неслась пять гиен, и расстояние между преследователями и жертвой с каждой минутой сокращалось. Вот самая первая из гиен вцепилась в хвост гну, и мгновение спустя остальная четверка уже металась вокруг, хватая жертву за бока и за ноги. Бык развернулся мордой к своим мучителям и затряс головой, делая выпады изогнутыми острыми рогами. Но ночная тьма высыпала все новых и новых гиен, и не прошло и двух минут, как гну был сбит с ног и его уже едва можно было разглядеть за клубком рычащих и грызущихся теней.

Гуго подвел машину поближе и включил фары; кое-кто из пирующих поднял голову — глаза сверкают, морда и шея залиты алой кровью. Двадцать минут спустя охватке при лунном свете напоминало лишь темное пятно вытоптанной земли.

Это была первая охота гиен, которую нам с Гуго довелось наблюдать, и мы долго не могли прийти в себя от ужаса, когда увидели воочию, как они рвут живую жертву на куски. С тех пор мы наблюдали такие кровавые драмы не один раз, потому что гиеновые собаки и шакалы убивают добычу тем же методом — молниеносно разрывая ее на части. Жертва погибает в течение двух минут, не более, и при этом находится в таком остром шоковом состоянии, что едва ли способна почувствовать боль. А ведь львы, леопарды и гепарды,

которых считают «аккуратными охотниками», зачастую душат свою жертву минут десять — да и нам ли судить о том, какой смертью легче умирать? Поэтому мы не встанем в ряды тех, кто заклеймил гиен и гиеновых собак кличкой кровожадных убийц и собирается истреблять их без всякого снисхождения, — эти животные убивают ради пропитания, пользуясь тем единственным способом, который выработался у них в процессе эволюции.

И верно, из всех живых существ лишь человек убивает, зная о причиняемых страданиях, значит, только человеку можно предъявить обвинение в сознательном мучительстве. Вся история человечества, если над ней призадуматься, полна, как это ни парадоксально, бесчеловечных деяний — мучительства по отношению ко всему живому без разбора.

Не случайно почти все наблюдения над африканскими хищниками касались именно их хищнических повадок, в особенности методов расправы с добычей. Нас с Гуго, однако, интересовало нечто большее: мы решили наблюдать за этими животными не потому, что они убивают, а потому, что они — умнейшие существа и их взаимоотношения в стае захватывающе интересны. Мы наблюдали за ними и говорили о них много лет подряд, прежде чем решились всерьез заняться изучением их поведения.

Собственно говоря, Гуго и фотографом-то стал только потому, что это давало ему возможность быть ближе к животным. Первую свою фотографию он сделал, понятия не имея о том, как обращаться с фотоаппаратом. Будучи вместе с двумя приятелями в одном из национальных парков Голландии, он набрел на стадо ввезенных из-за границы пугливых муфлонов. Друзья решили сфотографировать животных. Но если товарищи Гуго знали толк в фотографии, то Гуго больше знал о самих животных. Один из друзей сунул камеру в руки Гуго и сказал, что диафрагма и расстояние уже установлены, так что если он сумеет подкрасться вон к тому дереву, то останется только нажать на кнопку. Гуго взял камеру и сделал снимок. С тех пор он достиг многого, потому что всегда старался снять животных в движении: как они играют или сражаются, преследуют или удирают, как вылизывают друг друга или занимаются любовными играми, как кормятся или защищают своих детенышей.

Подобно Гуго, и я начала свой путь исследователя поведения животных самым непрофессиональным образом. В 1960 году знаменитый палеонтолог Л.С.Б. Лики, известный своими удивительными находками ископаемых предков человека, предложил мне изучать поведение диких шимпанзе в резервате Гомбе-Стрим (теперь это национальный парк Гомбе). Я приняла предложение с энтузиазмом, хотя в то время единственное, что могло послужить мне рекомендацией, было то, что я с детства интересовалась дикими животными, особенно африканскими. С восьми лет я зачитывалась книгами о животных и старалась записывать все, что видела, когда наблюдала за птицами, зверями и насекомыми, водившимися в окрестностях нашего дома на юге Англии. В конце концов у меня собралось достаточно новых данных, чтобы получить разрешение писать диссертацию в Кембриджском университете.

Там, в Гомбе-Стрим, среди шимпанзе, мы и познакомились с Гуго. Я сразу поняла, что он не просто один из многих фотографов-анималистов. Это человек, который любит и глубоко понимает животных, — родная душа. Луис Лики знал нас обоих задолго до того, как мы повстречались. Еще до приезда Гуго в Гомбе, профессор написал моей маме, что ему удалось отыскать подходящего молодого человека, который сумеет не только снять шимпанзе для Джейн, но и будет для нее прекрасным мужем!

Поженившись, мы еще целый год работали в Гомбе-Стрим — Гуго собирал бесценные киноматериалы о поведении шимпанзе по поручению Национального географического общества (США), которое и финансировало всю работу почти с самого начала. По истечении этого срока Обществу представилось невыгодным держать в лагере шимпанзе полностью оплачиваемого профессионального оператора, и Гуго поручили снимать других животных в разных национальных парках и резерватах Восточной Африки.

Мы с Гуго решили никогда не расставаться, но не менее твердым было и наше решение продолжать наблюдение за шимпанзе. Поэтому мы построили лагерь для группы студентов,

которые должны были под нашим руководством продолжать исследование поведения обезьян, и сами старались хоть несколько месяцев в году уделять работе с шимпанзе. В настоящее время научно-исследовательский центр Гомбе-Стрим — одно из немногих мест на Земле, где ученые постоянно изучают поведение определенной группы диких животных.

Когда я начала ездить вместе с Гуго в его фотосафари, я все яснее стала понимать, как важно для меня изучать не только шимпанзе. Чем больше я наблюдала за поведением живых существ в Серенгети и других национальных парках, тем отчетливее представлялось мне место шимпанзе в ряду других животных; мои знания о поведении шимпанзе углублялись. В самом начале мы сделали для себя удивительное открытие: оказалось, что стервятник в естественных условиях пользуется орудиями — а таких видов животных на Земле совсем немного. Когда я изучала шимпанзе в Гомбе-Стрим, меня поражало, какое множество предметов используют шимпанзе для разнообразных целей: травинки и прутики для выуживания муравьев и термитов из их гнезд, комочки мятых листьев — в качестве губок, впитывающих воду, когда до нее нельзя дотянуться губами, листья — чтобы стереть с себя грязь, палки и камни — как оружие против павианов или людей. И вот, не успели мы уехать из Гомбе, как нам попался еще один «природный умелец».

Мы ведем лендровер по земле, почерневшей после недавнего пожара. Кое-где еще тлеют, курятся дымом в полуденной жаре повалившиеся деревья. Мы совсем одни на равнине — почти все туристы заняты ленчом. Вдруг Гуго заметил вдалеке пикирующих грифов и погнал в ту сторону машину. Скоро мы увидели покинутое гнездо страуса: примерно пятнадцать яиц раскатилось по земле, и вокруг них уже сутились сварливые грифы. Должно быть, огонь заставил птицу бросить гнездо, но яйца чудом уцелели — пламя едва тронуло скорлупу. При нашем приближении метнулась в сторону гиена, и мы подумали, что она-то и разбила яйцо, из-за которого препирались птицы. Продолжая наблюдать эту сцену, мы вдруг увидели, как один из двух стервятников, участвовавших в ней, взял в клюв камень и направился к ближайшему яйцу. Подойдя к нему, он поднял голову и, резко опустив ее, бросил камень вниз на толстую белую скорлупу. Мы хорошо слышали удар. Потом он снова поднял камень и бросал его так до тех пор, пока скорлупа не треснула и содержимое яйца не разлилось по земле.

Минут пятнадцать мы наблюдали, как стервятники разбивали одно яйцо за другим — на них налетали более крупные грифы, и им приходилось удирать; они едва успевали ухватить глоток содержимого. Нам было не до разговоров — Гуго снимал, а я вспыхах записывала наблюдения на магнитофон. Когда пара «умельцев» наконец наелась и улетела, мы остались наблюдать за грифами. Как они ни старались, пуская в дело клюв и когти, им так и не удалось разбить хотя бы одно яйцо, и в конце концов они разлетелись несолено хлебавши.

До сих пор нам были известны только четыре вида животных, использующих орудия в естественной обстановке. Два из них относятся к млекопитающим — шимпанзе и морская выдра (калан). Выдра берет в передние лапы раковины моллюсков и разбивает их о «наковальню» — плоский камень, который она достает со дна и кладет себе на грудь, плывя при этом на спине. Два других вида — птицы: галапагосский выорок и шалашник. Галапагосский выорок, взяв в клюв кактусовую колючку, выковыривает ею насекомых из трещин в коре, а шалашник пучком волокон из коры размалевывает свой шалашик глиной во время брачных игр.

Опыты, проведенные нами со стервятниками в разных местообитаниях, показали, что эти птицы везде отличаются умением бросать камни. В случаях когда мы подкладывали им более мелкие яйца, они предпочитали взять само яйцо в клюв и бросить его на землю. Возможно, именно это и привело к развитию способа «метания камня».

Нас вообще очень интересовало использование орудий дикими животными, и мы решили узнать, могут ли другие животные, которым яйцо страуса оказывается «не по зубам», справиться с ним. Из всех животных, перед которыми мы ставили эту задачу, с ней справилась только полосатая виверра мунго. Но провести опыты с мунго в естественных

условиях нам так и не удалось — возможно, их отпугивал запах, который оставляли наши руки на скорлупе яйца. Две ручные мунго, пойманные еще малышами, сразу же попробовали уронить яйцо на камень себе под ноги (так они обычно разбивают маленькие яйца), а потом стали бросать в яйцо камни. Как и стервятники, мунго использовали прием, генетически заложенный в их поведении.

То новое, что открылось нам в поведении стервятников, еще раз доказало, как мало еще известно о жизни многих диких животных Африки. Правда, в Восточной Африке изучение животных двинулось вперед семимильными шагами, охватывая все большее и большее число видов. Однако эти исследования в основном касаются экологии популяций, и речь идет о громадных количествах животных на необозримых пространствах. Эти работы проводятся в Научно-исследовательском институте национального парка Серенгети в Серонера, и начало им положено благодаря содействию Джона Оуэна, директора национальных парков Танзании. Объединенными усилиями всех работающих там ученых в ближайшие годы будет создана наиболее полная картина экологических взаимоотношений в одном из наиболее известных национальных парков Восточной Африки, и значение этой работы трудно переоценить.

Но нас с Гуго с самого начала интересовало поведение отдельных особей внутри вида. Для того чтобы получить достоверные данные о жизни и взаимоотношениях животных, необходимо подолгу наблюдать за одним семейством или группой животных. И само собой разумеется, что прежде всего надо постараться приучить их к присутствию человека, а это совсем не так просто, как кажется. Если вы хотите добиться успеха, вы должны в какой-то мере научиться понимать чувства животных, за которыми наблюдаете. Я уже столкнулась с этим во время работы в Гомбе-Стрим — ведь то, что шимпанзе терпели мое присутствие, еще не означало, что я могла постоянно ходить за ними по пятам. Проходил час — другой, иногда больше — в зависимости от характера шимпанзе, — и обезьяна вдруг, то и дело оглядываясь, пускалась наутек. Для меня это было сигналом: пора оставить животное в покое.

Случай, который произошел с одним студентом, — прекрасный пример того, к чему может привести неосторожное навязывание животным своего общества. Животные, которых он изучал, поначалу отнеслись к его присутствию очень спокойно, так что недели через две он уже мог подходить к ним на расстояние нескольких метров. Преисполнившись уверенности, студент стал сопровождать животных, часами неотвязно следя за ними, куда бы они ни двинулись. Животные начали проявлять беспокойство, и месяца через два уже видеть его не могли. Понадобилось еще три-четыре месяца бесконечного терпения, чтобы они снова подпустили его так же близко, как на второй неделе наблюдений.

Мы с Гуго несколько месяцев наблюдали за большеухими лисицами, маленькими изящными зверьками песочного цвета. У них большие темные глаза, темные лапки, темный кончик мордочки и хвоста. Эти лисички могут подпустить машину близко к своей норе, но сразу же начинать длительные наблюдения за ними нельзя. Если вы нарушите это правило, они попросту свернутся в клубок и заснут. Многие из вас сочтут это поведение доказательством полнейшей непринужденности, а дело обстоит как раз наоборот: лисицы скованы и напряжены. Вспомните прием страуса, ставший притчей во языцах: в момент опасности он прячет голову в песок; подобное поведение вовсе не так уж редко встречается в мире животных. Находящийся в неволе молодой шимпанзе, если ему дать задачу, с которой он не в силах справиться, или напугать незнакомой обстановкой, сворачивается клубком и засыпает на голом полу. Гэвин Максвелл в своей книге «Кольцо блестящих вод» тоже описывает это явление. Его ручная выдра, когда ей приходилось путешествовать в ненавистных для нее автомобилях, несколько минут выражала бурный протест, а потом, «свернувшись в тугой клубок, полностью отключалась от этого отвратительного мира». Максвелл в разное время наблюдал песца, барсука и обыкновенную домовую мышь — все они впадали в похожий на обморок глубокий сон, когда оказывались в ловушке. Известны случаи, когда солдаты во время войны засыпали глубоким сном в самый разгар боя — среди

свиста пуль и разрывов снарядов. В совершенно иной обстановке — но это тоже был рефлекс «отключения» — мне самой случалось сворачиваться и проводить в полудремоте то время, когда меня застигала гроза на равнинах Гомбе, а резкий ветер с заснеженных вершин превращал тропический ливень в ледяной душ.

Нам с Гуго удалось довольно близко познакомиться с семейкой большеухих лисиц. В норе было трое взрослых — две самки и один самец — и пятеро детенышней. Все члены этой семьи сначала показались нам «на одно лицо», но вскоре я научилась различать их по распределению темных пятен на мордочке, и тут выяснилось, что лисята — потомство обеих самок. Насосавшись молока у одной, они всем скопом бросались сосать другую. Подрастая, малыши стали все дальше и дальше отходить от норы, сопровождая взрослых на охоту за насекомыми. Однажды мы застали всю семью — и старших и младших, когда они играли со взрослым самцом газели Томсона. Лисицы молнией бросались к газели, начинали носиться то кругами у самых ее копыт, то где-то в стороне, то виляя хвостами, то распушив их, — они напоминали нам стайку юрких рыбешек. Газель, казалось, самозабвенно наслаждалась игрой — крутилась, тряслась острыми рожками, выделывала пирамиды на месте, оборачиваясь то к одному, то к другому зверьку в этой лисьей карусели. Несколько раз она делала вид, что гонится за каким-нибудь лисенком, а тот удирал от нее во все лопатки, но тут же поворачивалась и снова принималась носиться кругами. Нам не раз приходилось видеть, как лисицы играли с другими газелями, но такого увлеченного товарища по играм им встречать уже не приходилось.

Газели Томсона, тысячами бродящие по Серенгети, — одни из самых любимых нами животных. Ростом они чуть более полуметра, но как же хороши собой — золотисто-бурые сверху, с белым брюшком и с яркой черной полосой по бокам! Когда газели пасутся, их короткие хвостики непрерывно подергиваются из стороны в сторону; молодые животные то и дело перестают щипать траву и принимаются играть, носясь вокруг стада с невообразимой скоростью, а молодые самцы устраивают турниры, «фехтуя» изящно изогнутыми рожками. Нам порой кажется, что газели Томсона стремятся вовлечь в игру даже машину: несутся вдоль дороги, не отставая, а потом вдруг развиваются бешеную скорость и, обогнав машину, громадным прыжком перелетают через дорогу прямо у водителя под носом.

Когда вы видите, как взрослый самец мчится за ветреной самочкой, вам кажется что они летят, не касаясь земли; газели меняют направление так быстро, что глаза не успевают следить за ними — все еще глядишь туда, где они только что были. Кажется, даже самому быстроногому хищнику никак не угадаться за ними. И все же газели — излюбленная добыча гиеновых собак и гепардов на открытых равнинах, а львов и леопардов — в кустарнике или среди деревьев, где хищникам удается незаметно подкрасться и схватить намеченную жертву. А когда приходит пора размножения, жертв становится особенно много — в основном за счет беременных самок во время отела и новорожденных малышей.

Детеныш газели Томсона в первые дни своей жизни старается оставаться незамеченным: при приближении возможного врага он припадает к земле, а мать уносится прочь и возвращается, когда опасность проходит. Шкурка у малыша гораздо темнее, чем у взрослых, и камуфляж у него — лучше не придумаешь: не раз нам случалось поспешно облезжать крохотного газеленка, чуть не наехав на него, — настолько он сливаются с землей. И все же тысячи этих прелестных маленьких существ, напоминающих миниатюрных Бэмби, обречены на гибель, едва они появляются на свет. Главные их истребители — леопарды, гиеновые собаки, гепарды, гиены и шакалы, но и лев не откажется от лакомого кусочка, если ему подвернется такой малыш; нападают на них и павианы, крупные хищные птицы, сервалы и каракалы — небольшие, ростом с шакала, восточноафриканские кошки.

Мать готова постоять за своего детеныша и настойчиво отгоняет этих мелких хищников. Мы видели, как одна газель гналась за павианом, схватившим ее малыша, добрых двести метров, пока он не вспрыгнул на дерево, где ей уже было до него не добраться. Другая газель снова и снова бросалась на огромного воинственного орла, как только он снижался над ее затаившимся детенышем, так что хищник наконец признал свое поражение

и улетел. В другой раз мы видели, как газель прогоняла длинноногого секретаря — она гналась за низко летящей птицей, а когда та спускалась на землю, бросалась в бой, и птице приходилось поспешно взлетать. Достается и более мелким хищным птицам: газели почти всегда отгоняют их от своих детенышней — должно быть, один вид загнутого клюва и когтей вызывает у них реакцию защиты.

Как ни странно, но самки газели Томсона, по всей видимости, постепенно теряют рога в процессе эволюции. Вот почему так часто попадаются самки с перекрещенными рожками или рожками, торчащими в разные стороны, самки, у которых остался всего один рог, а то и вовсе безрогие. Нам, правда, ни разу не пришлось наблюдать, чтобы самка газели нанесла хищнику хоть какое-то повреждение своими рожками, но все же шакалы и хищные птицы относятся к этим острым маленьким вилам с подобающим уважением, поэтому непонятно, какую пользу приносит виду постепенная утрата рогов.

Другой мой любимец среди диких животных — гну. Длинномордый, увенчанный парой загнутых вверх рогов, со светлой «бородой», растущей от подбородка по всей груди, с блестящей черной гривой, он выглядит удивительно потешно, да и кривляется подчас как настоящий клоун. Я могу без конца смотреть на «тренировочные» стычки, вспыхивающие между быками перед началом короткого гона. Подчас достаточно проехать мимо двух мирно пасущихся животных — и драка спровоцирована. При вашем приближении быки внезапно одним прыжком поворачиваются друг к другу, начинают трясти головой, а то еще и роют землю передними копытами. Один из противников, иногда оба, опускаются «на колени» и вымазывают рога грязью. Потом, поднявшись, совершенно миролюбиво глядят друг на друга. И вдруг по какому-то, только им ведомому сигналу срываются с места, несутся навстречу друг другу и, упав «на колени», сталкиваются рогами так, что раздается громкий треск. На этом стычка обычно заканчивается, но иногда происходит более затяжной бой, причем сильнейший продвигается вперед «на коленях», а слабый таким же образом пятится назад, пока у него хватает сил. Наконец, не выдержав, он вскакивает на ноги и спасается бегством.

Порой от избытка сил гну вдруг ни с того ни с сего начинает носиться галопом, взбрыкивая и тряся головой, то и дело взвиваясь в воздух, словно его подбросили пружиной. Иногда за ним бросается другой бык, и дело кончается дружеской потасовкой. Но самое уморительное — смотреть, как один из них выделяет пируэты вокруг своего «соперника», прыгает как можно выше да еще и переворачивается в воздухе, неуклюже и удивительно забавно — точь-в-точь клоун, «представляющий» балет.

Во время гона быки схватываются не на шутку, и каждый норовит свернуть сопернику шею и свалить с ног. Но нам ни разу не приходилось видеть, чтобы эти битвы кончались чем-нибудь более серьезным, чем небольшие царапины на голове или на шее.

В жизни гну порой разыгрываются и трагедии: в период отела — в Серенгети он падает обычно на декабрь-февраль — в больших стадах теряется множество телят. Один-единственный хищник, погнавшийся за теленком или за взрослой антилопой, может распугать все стадо. Да и слишком быстро едущие машины с туристами или низко летящий самолет тоже обращают животных в паническое бегство. А когда все успокоится, вы непременно наткнетесь на несколько телят, блуждающих в поисках своих матерей. Некоторые счастливчики вскоре находят их, но везет далеко не всем, особенно в громадных скоплениях гну, ежегодно мигрирующих по равнинам Серенгети. Проходят минуты, а затем и часы, и потерявшиеся телята со все более отчаянным мычанием суются то к одной, то к другой антилопе, пытаясь дотянуться мордочкой до вымени. Но почти не было случая, чтобы самка приняла чужого теленка, даже если она потеряла своего собственного и вымя у нее чуть не лопается от молока. На следующий день осиротевший малыш мычит уже еле слышно, а на третий-четвертый день ложится на землю, чтобы больше не встать, — если ему вообще удастся так долго избегать зубов хищников.

Телята, неприкаянно бродящие вокруг стада, — довольно обычное зрелище; такие сироты часто пытаются взять себе в матери любой движущийся предмет. Мы видели,

например, как теленок настойчиво пытался увязаться за четырьмя гиенами. Каждый раз, как он подбирался метров на десять, гиены направлялись ему навстречу, но какой-то инстинкт заставлял теленка отбегать в сторону. Гиены были явно не голодны — как только малыш бросался бежать, они теряли к нему всякий интерес. Но вот он снова вернулся и пошел прямо на гиен. Ситуация была очень тревожной, и мы, не выдержав, решили подъехать поближе. Теленок вдруг заметил нашу машину и с громким мычанием бросился к нам. Стоило нам двинуться, как он побежал за нами. Такие сцены часто приходится наблюдать, и я давно уже вижу в своих мечтах — если бы это было возможно! — вместительный приют для потерявшихся малышей; ведь просто сердце переворачивается, когда приходится уезжать и бросать их на произвол судьбы, почти всегда — на верную смерть.

Но в тот раз мы с Гуго, не имея еще ни малейшего представления о том, что гну почти никогда не усыновляют чужого детеныша, решили сделать попытку заманить теленка в стадо. Поблизости виднелось целых три стада: одно — примерно в пятистах метрах к югу, два других — немного дальше, на север и на восток. Какое же из них выбрать? Остановив свой выбор на ближайшем, мы направили машину к нему. Теленок побежал за нами, вскоре нас отделяли от стада каких-нибудь полсотни метров. Увидев других гну, теленок с громким мычанием бросился к ним. Все стадо подняло головы, словно наблюдая, и вдруг одна антилопа галопом помчалась к нам, громко зовя теленка. Малыш кинулся к ней, они коротко обнюхали друг друга, антилопа повернула обратно и вместе с теленком, который не отставал от нее ни на шаг, затерялась в глубине движущегося стада. Неужели нам так неслыханно повезло и мы возвратили потерянного детеныша родной матери? Или это был один из редчайших случаев «усыновления»? Этого нам никогда не узнать, но антилопа вела себя как самая настоящая мать, так что мы уезжали от стада очень довольные собой.

В другой раз произошел случай, который кончился далеко не так счастливо. Мы ехали вдоль реки Серонера и вдруг сразу же за крутой излучиной наткнулись на только что ожеребившуюся зебру. Увидев нас, она вскочила и убежала, а на земле, пытаясь встать на ноги, бился новорожденный. Гуго резко дал задний ход, и мы отъехали метров на сто. Тем временем жеребенок ухитрился встать на непослушные ножки и высвободился из «рубашки», в которой родился. Но зебра, приставшая к небольшому табуну метрах в шестидесяти от этого места, и не думала возвращаться. Мы отъехали еще дальше, так что жеребенка едва-едва можно было разглядеть в бинокль, но его мать, постояв минут десять, отвернулась от малыша и пошла прочь. Ни тогда, ни теперь мы не могли объяснить такого поведения. Вероятно, то был у нее первый жеребенок, и мы спутнули ее, прежде чем она успела его облизать, а многие ученые считают, что вкус околоплодных вод — один из важнейших моментов, закрепляющих привязанность матери к потомству.

В надежде, что мать вернется, мы уехали, но, вернувшись через четыре часа, застали жеребенка по-прежнему в одиночестве. Он приился к поваленному дереву и то и дело пытался сосать небольшой вырост внизу ствола. Мимо проходили зебры, но жеребенок не обращал на них внимания и жался к своей древесной «маме». Когда стемнело, мы оставили его — он все еще пытался сосать, — но, признаться, ни я, ни Гуго не спали в эту ночь. Утром мы увидели львиный пир — два льва доедали жеребенка. Нам осталось только надеяться, что его настигла быстрая и безболезненная смерть.

В нормальных условиях детеныши зебры появляются в «семейной обстановке» — в группе тесно связанных между собой животных. В отличие от газелей или гну жеребец активно защищает свой табунок от таких хищников, как гиены и гиеновые собаки. Более того, если хищники преследуют группу зебр, особенно ночью, она обычно сливается с другими группами, так что образуется объединенный табун голов в двести, и жеребцы, находясь в арьергарде, свирепо бросаются на врага, пуская в ход и зубы и копыта. А это значит, что намеченная жертва — как правило, кобылка или жеребенок — остается в живых.

И в другом отношении зебры проявляют хорошо развитую взаимопомощь, благодаря чему все члены группы могут спокойно спать ночью, хотя бы по нескольку часов. Ганс Клингель и его жена, изучавшие зебр в течение семи лет, обнаружили, что члены одной или

нескольких групп укладываются спать поближе друг к другу. Пока большинство спит, отдельные особи стоят на страже и при появлении хищника тут же предупреждают своих сородичей. Одну такую группу мы наблюдали как-то лунной ночью, и нам врезалась в память явная настороженность часового и безмятежный сон остальных. В который раз нас поразил потрясающий камуфляж зебр при лунном свете. На открытом пастбище в ясный день зебры видны издалека, но на рассвете, в сумерках или при яркой луне зебра становится почти невидимкой в отличие от гну, чьи мощные темные тела хорошо заметны и при плохом освещении.

Быть может, оттого что зебры привыкли спокойно спать по ночам, спящую зебру иногда можно встретить и средь бела дня. Спят они настолько крепко, что раза два мы приняли их за мертвых — весь табун с громким топотом ускакал, а они лежали не шелохнувшись. Только когда машина почти наехала на них — оставалось не больше двух метров, — лошадки вскочили, ошалело оглянулись и со всех ног пустились догонять товарищей. Днем, когда спят отдельные особи, а не все сразу, мы никогда не видели часовых, и, возможно, чтобы пробудить зебру от крепкого сна, нужен особый сигнал, который подает именно такой страж.

Последние два года наше внимание все больше и больше стали привлекать хищники. Мы заинтересовались их приемами охоты после того, как я обнаружила, что шимпанзе — по крайней мере в Гомбе-Стрим — вполне успешно охотились на довольно крупных млекопитающих, таких, как молодые лесные антилопы бушбоки и обезьяны. Нас интересовали также падальщики — гиена и шакал, так как многие ученые полагают, что доисторический человек, прежде чем стать охотником, питался падалью и остатками чужой добычи. Шимпанзе из Гомбе-Стрим ни за что не прикоснутся к мясу животного, если оно не добыто одним из членов их собственной группы; и если уж эти обезьяны выходят на охоту, то чаще всего она бывает удачной. И вот теперь, когда перед нами разворачивалась панорама взаимоотношений хищника, жертвы и падальщиков, мы с Гуго уже яснее могли представить себе, как доисторический человек, чье поведение должно было хотя бы в некоторых чертах быть сходным с поведением шимпанзе, поддерживал свое существование.

Мне хотелось бы кратко остановиться на проблемах, которые появляются у гиен и шакалов в связи с их образом жизни. Доступная им пища — это трупы животных, погибших естественной смертью, остатки добычи других хищников и всякого рода отбросы, сконцентрированные вокруг человеческих поселений. Первая проблема для падальщика — найти пищу, для чего ему служат зрение, слух и обоняние; вторая проблема — если законный хозяин добычи еще не кончил свою трапезу — урвать кусочек и унести ноги подобру-поздорову; третья — поспеть на место как можно быстрее, пока не набежали и не налетели остальные падальщики — конкуренты. И я должна заметить, что падалью интересуются не только гиены и шакалы. Львы, леопарды, гепарды и гиеновые собаки, не считая множества более мелких хищников, охотно питаются мертвчиной, а подчас не прочь присвоить добычу более слабых собратьев.

Гиена во многих отношениях прекрасно приспособлена к роли падальщика. Зубы и челюсти у нее невероятно мощные, и когда от убитого животного почти ничего не остается — а так бывает чаще всего, — гиена перемалывает зубами и переваривает самые крупные кости и самую жесткую шкуру. Вдобавок у нее настолько тонкий слух, что она легко ловит на большом расстоянии звуки, которые издают другие хищники, препираясь из-за добычи. Бежать она может со скоростью до пятидесяти километров в час, а выносливость у нее невероятная. Терпения ей тоже не занимать: гиены могут по восемь часов кряду, если не дольше, слоняться вокруг добычи льва, хотя прекрасно знают, что хищные кошки оставляют от жертвы сущие крохи.

У шакала тоже прекрасный слух, но его главное преимущество — подвижность; он ухитряется молниеносно кинуться и выхватить кусок прямо из-под носа у льва или другого крупного хищника почти без риска оказаться у него в зубах. Однако ни гиена, ни шакал не являются исключительно падальщиками и пожирателями отбросов, разве что в некоторых

районах поблизости от человеческих жилищ, где все другие дикие животные истреблены и рацион гиены состоит почти целиком из отбросов. В кратере Нгоронгоро и на равнинах Серенгети гиена — умелый и самостоятельный охотник, а шакал гораздо больше времени посвящает охоте за насекомыми и грызунами, чем розыску падали или обедков.

Подлинными падальщиками можно считать лишь крылатых — грифов, марабу, некоторых орлов. Они не только способны без особых усилий преодолевать по воздуху большие расстояния, но и устраивают в небе настоящие наблюдательные посты, с которых могут обозревать своими всевидящими глазами широкие пространства равнин. Стоит им заметить мертвое животное или хищника, пожирающего добычу, и они с помощью мощных крыльев намного опережают любого четвероногого соперника. Собственно говоря, многие наземные хищники отыскивают себе пропитание, внимательно следя за поведением грифов в небе.

Теперь попытаемся представить себе в роли падальщика первобытного человека. Возможно, он неплохо бегал, хотя с уверенностью утверждать это мы не беремся — ведь он сравнительно недавно «встал на ноги». Несомненно был он и очень вынослив, но слух его, значительно более острый, чем у современного человека (по крайней мере у «цивилизованного»), вряд ли мог сравниться со слухом шакалов или гиен. Конечно, первобытный человек мог следить за движениями грифов в небе и бежать к указанному ими месту наперегонки с остальными падальщиками. Если он заставал у добычи только грифов или парочку гиен или гепардов — а то и одинокого льва, — возможно, ему и удавалось прогнать их и завладеть добычей. Но в те давние времена, когда человек стал есть мясо, он вряд ли владел какими-нибудь иными орудиями, кроме камней, вроде тех, которыми бросаются современные шимпанзе. Весьма маловероятно, чтобы небольшая кучка людей (считается, что древние люди охотились небольшими группами) сумела отогнать от добычи прайд львов или большую стаю гиен. А коль скоро человеку приходилось дожидаться, когда хищник расправится со своей добычей, то он, конечно, мог разбивать кости и есть костный мозг. Но вот удавалось ли ему, подобно гиене, переваривать кости и шкуру? Едва ли.

И наконец, попытаемся рассмотреть человека в свете его происхождения от приматов. Шимпанзе, как я уже говорила, едят мясо, и в некоторые сезоны в значительных количествах, но мы никогда не видели их в роли падальщиков и прихлебателей. Во многих местах павианы тоже едят мясо, иногда они даже пытаются стащить кусок-другой у шимпанзе. Но если они и пожирают падаль или куски с чужого стола, то, видимо, в редчайших случаях. Мы наблюдали бесконечное число звериных трапез в непосредственной близости от разных стай павианов, и обезьяны никогда не присоединялись к хищникам и их нахлебникам. Более того, приматы в подавляющем большинстве — дневные животные, они боятся темноты. А ведь именно ночью совершаются основные охотничьи подвиги, ночью гиены и шакалы получают большую часть своей ворованной добычи; первобытный же человек в это время, без сомнения, спал.

Я не пытаюсь утверждать, что первобытный человек никогда не прикасался к чужой добыче. Как теперь, так, видимо, и во все времена человек был склонен к компромиссам. Чтобы удовлетворить растущий аппетит к мясу, этот сын каменного века, несомненно, мог подбирать остатки, если они того стоили и риск был не слишком велик. Но мы все же думаем, что человек приобрел вкус к мясу, скорее всего самостоятельно охотясь на разных мелких тварей. В период размножения телята и ягнята становятся легкой добычей, если охотнику удается перехитрить мать. Попадались нам и взрослые животные, больные илиувечные, с которыми без особого труда могла справиться группа первобытных людей.

Вот почему мы сосредоточили свое внимание на поведении хищников. Однако очень скоро мы с головой ушли в наблюдение за самими животными, за их индивидуальными характерами, нас то и дело поражали несомненные проявления их интеллекта. Мы открыли, что нередко отдельных индивидуумов можно различать не только по окраске, но и по особым черточкам поведения. Животным, за которыми мы наблюдали, мы всегда давали имена, как только начинали с уверенностью отличать их друг от друга. Некоторые учёные

утверждают, что правильнее присваивать каждому животному свой порядковый номер, но, поскольку нас в первую очередь интересовали индивидуальные различия, мы решили, что имена — куда более подходящий для нашей цели и ничуть не менее научный способ обозначения.

Когда Гуго только еще замышлял длительное изучение хищников, я и не думала, что серьезно включусь в его работу: у меня и так еле хватало времени на наблюдение и описание поведения шимпанзе, да еще на воспитание нашего сынишки, Гуго-младшего (более известного под именем Лакомки¹). Но мне думается, что Гуго, зная меня достаточно хорошо, с самого начала не сомневался, что я стану его помощницей. Так уж сложилась наша совместная жизнь — что бы ни пришлось, мы все делаем вместе — и книжки пишем, и пеленки меняем.

Меня нетрудно было убедить, что гиены уступают в привлекательности только шимпанзе: они полны природного шутовства, каждая из них — совершенно определенная личность и живут они чрезвычайно сложными и отлично упорядоченными сообществами. Но мне было трудно представить, как же я сумею заниматься гиенами, если меня по рукам и ногам связывает младенец. Что ж, мне и вправду было нелегко, пока Лакомка не подрос, но, к счастью, гиены особенно активны по ночам, так что в ослепительном лунном сиянии африканских ночей я провела за наблюдениями долгие часы, а Лакомка тем временем мирно посапывал на кровати в закрытом кузове нашего фольксвагена.

Я совершенно ясно помню день перед началом нашей работы, когда мы прибыли в кратер Нгоронгоро, в Танзании. Мы выехали из нашего дома на окраине Найроби за день до этого и на ночь раскинули лагерь на просторах Серенгети. Утром нам оставалось преодолеть последний участок пути — пятьсот километров. На первой скорости мы взбирались по крутым откосам Нгоронгоро, и нас все сильнее начинал пробирать холод; потом мы въехали в облака, покрывающие склоны горы. Добравшись до гребня кратера, мы остановились напоить нашего девятимесячного сынишку. Стоило нам выключить мотор, как мы стали частью призрачного мира. Белые, медленно клубящиеся облака обволакивали машину, и нам были еле видны несколько размытых деревьев да мокрая высокая трава по краям дороги. Мы знали, что и справа и слева от нас круто обрываются вниз поросшие густым лесом склоны: с одной стороны — к холмистым просторам равнин Серенгети, с другой — к глубокой чаще кратера. Все великолепие нетронутой природы, раскинувшейся внизу, было совершенно скрыто туманом, и будь мы просто проезжими туристами, нам так и не пришлось бы никогда в жизни увидеть это потрясающее зрелище. И точно так же, если бы дорога нашей жизни повернула в другую сторону, мы никогда не узнали бы о таких ярких личностях, как Миссис Браун, престарелая гиена-родоначальница, или Ясон — обыкновенный шакал, или Чингизхан — предводитель стаи гиеновых собак. А ведь они были там, внизу, ниже облаков, они жили своей жизнью, отдыхали и играли, охотились и убивали, создавали семьи и рождали себе подобных.

Мы спускались на дно кратера, и немного погодя плотные облака остались позади, а зеленые равнины стали просвечивать далеко внизу сквозь истончавшуюся дымку. С такой высоты все двести пятьдесят квадратных километров дна кратера казались совершенно безжизненными. Но вот уж где нельзя было верить своим глазам! Первыми на фоне равнины четко обрисовались темные пятна — стада гну — и отдельные точки — одинокие носороги; затем стали различимы табуны зебр и наконец — окрашенные под цвет песка стада газелей Томсона и Гранта. Внизу, под нами, обрамленное бледно-розовым кружевом фламинго проплыло маленькое содовое озеро, и мы прекрасно знали, что за озером в небольшом лесу Лераи прячутся слоны, буйволы, павианы и мартышки. В более высокой траве пологих холмов на дальнем краю кратера пасутся, должно быть, остальные стада слонов и буйволов,

¹ Джейн Гудолл называет сына Grub («В тени человека») или Grubilia («Невинные убийцы»). В русском языке к этому прозвищу ближе всего слово «лакомка». — Прим. перев.

а также громадные стада канн, самых крупных африканских антилоп. Мы с Гуго собирались изучать хищников, и там, внизу, мы знали, нас ждут многочисленные хищники. В самом кратере постоянно обитали несколько прайдов львов, и среди них встречались самцы, украшенные великолепными черными гривами — красой и славой львов Серенгети. Пятнистых гиен в кратере такое же множество, как и в других районах Африки, — еще несколько лет назад служителям парка приходилось отстреливать по пятьдесят гиен в год, а то и больше, чтобы их не развелось слишком много. Теперь люди больше не трогают гиен, и, возможно, вследствие разрастания их популяций гиеновые собаки и гепарды, которые раньше встречались в основном лишь в кратере, переселились в другие места.

В кратере живут все три вида африканских шакалов — обыкновенный, чепрачный и более редкий полосатый. Большеухая лисица — она меньше европейской — водится на равнине во множестве, а удивительно красивый сервал — кошка ростом с шакала — попадается на высоких поросших травой обрывах вдоль рек и среди холмов. Леопард обитает на лесистых склонах, но порой спускается на дно кратера; в лесах и на равнинах водятся многие мелкие хищники — степной кот, циветта, грациозная генетта с длинным полосатым хвостом и несколько видов мунго.

Мы не торопясь ехали к деревянной хижине на отдаленном краю кратера, где должен быть наш лагерь. Везде буйно росла трава, и гну попадались буквально тысячами. Когда мы проезжали мимо одного, второго, третьего стада, наш сын приходил все в больший восторг и едва не вываливался из окна — так ему хотелось быть поближе к животным. Время от времени какой-нибудь шакал ставил уши торчком и разглядывал нашу машину, но при ее приближении подпрыгивал и отбегал в сторону. Один раз толстая уродливая гиена выкарабкалась из грязной лужи у самой дороги и затрусила прочь, оглядываясь на нас через плечо по свойственной всем гиенам привычке.

Хижина стала нашим домом, как только мы переступили ее порог. Она пряталась в тени гигантского фибрового дерева, в ней всегда было прохладно, ее обволакивал неяркий зеленоватый свет, постоянное щебетание и чириканье птиц и неумолкаемое журчание небольшого мутного ручейка. Ручеек этот, несколько претенциозно называемый рекой Мунге, начинался высоко за гребнем кратера, прокладывал себе путь по холмистым склонам позади хижины и, посмеиваясь, разбивался на струйки в корнях фибровых деревьев, растущих вдоль русла, пока наконец не впадал в озеро на дне кратера. Из хижины в обрамлении низко нависших ветвей открывался вид на бесконечные равнины, озеро и лес Лераи, позади которого вздымалась стена кратера, отсекая весь внешний мир. Сама хижина — примитивная однокомнатная деревянная постройка, в которой есть только самое необходимое: столы, шкафы, буфет и большая кровать. Пол вымощен камнем и покрыт тростниковой циновкой, окна маленькие, потолок низкий. Когда-то хижину построили для студента, изучавшего гну в кратере, а теперь отделение охраны животных в Нгоронгоро сдает ее ученым, которые хотели бы здесь работать.

В нескольких метрах от хижины стоит крохотная бамбуковая кухонька, но двое наших африканских слуг предпочитали готовить еду на костре под открытым небом.

Во время нашего пребывания в кратере хижина главным образом служила безопасной детской для Лакомки, хотя мы с Гуго тоже спали там по ночам. Но кроме того, мы поставили несколько палаток — для еды, для работы и т. д. Весь день Лакомка играл в хижины, и кто-нибудь из нас обязательно был поблизости, а если мы сидели в «столовой», откуда открывался вид на равнину, он ползал неподалеку от нас.

«Не повезете же вы с собой ребенка в такую глухомань», — говорили нам многие друзья, когда родился Лакомка. «Теперь-то вам придется немножко остепениться, а?» — со смехом замечали другие. Но мы с Гуго еще до появления ребенка решили: если нам это удастся — не менять из-за его рождения своего образа жизни. Гуго — натуралист, его специальность — фотографирование диких животных, ему необходимо выезжать в длительные экспедиции; оба мы считаем, что муж и жена, насколько это возможно, должны всегда быть вместе. К тому времени, когда мы переехали в кратер, Лакомка уже провел пять

из девяти месяцев своей жизни в джунглях, и, право же, трудно было найти малыша здоровее и жизнерадостнее.

Разумеется, мы соблюдали осторожность. У нас был с собой радиотелефон, и мы в любую минуту могли связаться с Найроби. Так что, если б Лакомка — как, впрочем, любой из нас — заболел или нуждался в срочной помощи, мы могли либо вызвать врача, либо заказать самолет, который доставил бы нас в больницу. Мы никогда не оставляли Лакомку без присмотра, а когда он спокойно спал в надежной хижине, специальные установки, проведенные в обеденную и рабочую палатки, доносили до нас все звуки, давая нам знать, как только он проснется. Для пущей безопасности мы отгородили хижину проволочной сеткой, так что если бы ему и удалось ускользнуть на несколько минут из-под нашего надзора, то уж далеко он не ушел бы.

Во время нашей экспедиции ветви фигового дерева два месяца подряд были усыпаны красными плодами, и банда павианов раз в день непременно являлась полакомиться ими. Вот уж когда нам приходилось держать Лакомку в хижине и не спускать с него глаз — крупные самцы ведут себя очень нагло, рассаживаются на земле вокруг хижины, подбирают падалицу и относятся к нашему присутствию буквально наплевательски. Как-то раз повар Моро, гигант из племени лао, чуть не попал в беду: два павиана затеяли драку на нижних сучьях дерева, а потом один из них взмыл да и свалился, как мешок с песком, чуть ли не на голову Моро. Он пролетел в нескольких сантиметрах, иначе африканец поплатился бы жизнью: даже если бы удар и не убил его на месте, то павиан, испугавшись столкновения с человеком, скорее всего напал бы на него. Клыки у павиана страшные, и укусы его так же опасны, как и укусы леопарда. Были, конечно, и другие неприятности — не столь опасные, сколь неаппетитные и зловонные, — которые подстерегали человека, неосторожно проходящего под деревом, где пировали павианы.

Но, пожалуй, главная опасность в нашем лагере на реке Мунге заключалась в том, что дикие животные могли подходить совсем близко под прикрытием густых зарослей, обрамляющих берега реки. Например, в одно прекрасное утро Гуго заметил льва, пробирающегося в высоком кустарнике рядом с нашей столовой. Мы подогнали туда лендровер и нашли льва в обществе шести отдыхающих львиц. Одна из них лежала в десяти метрах от бака с бензином, из которого Гуго и Моро только что брали бензин. Мы попытались отогнать львов, но они лишь отступили к реке, куда мы на машине подъехали не могли. Весь этот день до самого вечера, пока Гуго работал далеко на равнине, нам с Лакомкой пришлось просидеть в хижине, а Моро со своим помощником Томасом предпочел забраться на фруктовое дерево и нести там вахту до возвращения Гуго. Наутро львы ушли и больше не вернулись.

Припоминаю случай, когда Гуго едва не расстался с жизнью. Примерно в пятнадцати метрах от хижины приткнулась крохотная уборная, называемая «чу». Это просто-напросто яма в земле, прикрытая вместо сидения деревянным ящиком и окруженная ветхой круглой стеночкой из травы, в которой с задней стороны оставлено отверстие, служащее входом. Узкую тропку в чу с одной стороны теснит высокий кустарник и трава, а с другой — крутой обрыв к реке. Гуго беспечно топал по тропинке и уже завернуло было к «двери», как вдруг, почти не сознавая этого, заметил сквозь растрепанную стенку что-то желтое. Он на секунду задержался, и это его спасло. Раздался оглушительный рев, треск и хруст — какое-то крупное животное проломилось сквозь стенку и удалилось, сокрушая кусты на своем пути. Гуго промчался по тропинке, пулей влетел в хижину и только тогда, выглянув из надежного убежища, увидел львицу: она стояла, оглядываясь назад и слегка оскалившись, и хлестала себя хвостом по бокам. Должно быть, она устроилась передохнуть внутри чу — мы потом обнаружили огромные дыры в полу, где она оттолкнулась перед прыжком и проломила ветхие доски. Что ей там понадобилось? Очень скоро мы это узнали — остатки ее добычи были уложены у подножия дерева у реки, как раз под нашей чу. Мы оттащили ее припасы подальше — нам совсем не улыбалось, что по соседству будет бродить львица. Вечером мы с Лакомкой и два африканца видели, как она вернулась, чтобы доесть

свою добычу. Львица стояла, озираясь и хлеща себя хвостом, минут десять, а потом прокралась мимо хижины и отправилась искать обед в другом месте.

Но жизнь в сафари не так уж часто приправлена острыми ощущениями. В ней не больше опасностей, чем в жизни людей в более цивилизованных местах. Мы вообще считаем, что если не поддаваться успокаивающему и обманчивому чувству безопасности и всегда быть начеку, сознавая ежеминутную угрозу нападения дикого зверя, то за Лакомку здесь можно бояться не больше, чем если бы он рос где-нибудь в английском городе. У нас ни разу не было причины жалеть о том, что мы растим сына в африканских зарослях; зато сколько интересного он увидел и узнал о диких животных, за которыми мы наблюдали!

На первые месяцы работы в Нгоронгоро к нам приехала погостить мать Гуго, которую мы звали просто Музой. Как же она выручила нас, присматривая за Лакомкой! У Гуго тоже помощников хватало, с нами было еще трое студентов — Паркер, Бен Грэй и Патти Мэльмен, которые вызвались помочь нам. Они все вместе «набрали» сотни часов наблюдений за обычновенными шакалами, которых Гуго тогда изучал.

Исследования начались довольно мрачно, потому что трава на равнине кратера, обычно в это время года представлявшая собой щетину высотой не больше пяти сантиметров, на сей раз почти повсюду вымыхала на целых тридцать сантиметров. Ростом шакал не выше европейской лисицы, так что не только снимать, а и углядеть его в такой траве было трудновато. Но все же Гуго сказочно повезло — он отыскал логово в таком месте, где трава была гораздо ниже, чем на равнине. Правда, там торчали кое-где длинные травинки, которые так досаждают фотографам, но их удалось выполоть в полуденную жару, когда четверо щенят-ползунков спали в норе, а их родители отправились на охоту.

Мы собирались пробыть в кратере месяца три, потом предполагали перебазироваться в Серенгети и начать там работу с гиеновыми собаками, а в сентябре, вернувшись в Нгоронгоро, продолжить наблюдения за шакалами и как можно лучше изучить гиен. Но в Африке совершенно необузданная природа, которая опрокидывает даже самые продуманные планы. В данном случае это были дожди — из-за них наше пребывание в кратере затянулось на шесть месяцев. В период так называемых коротких дождей, с ноября по январь, пролилось столько воды, что и старожилы такого не упомнят, а затяжные дожди, продолжавшиеся до апреля — мая, наводили на мысль о потопе. К концу марта река Мунге несколько раз выходила из берегов и уровень озера катастрофически повышался. На большей части равнин солнце поблескивало в водах этого нового потопа; нечего было и думать о переездах с места на место.

Гуго, Паркеру и Бену приходилось прилагать титанические усилия, даже чтобы добраться до шакальей норы; они часами вытаскивали машину из одной грязевой ловушки, чтобы тут же угодить в другую. Собственно говоря, почти месяц мы были совершенно отрезаны от внешнего мира — обе дороги к гребню кратера скрылись под водой. Конечно, в случае острой необходимости мы сумели бы выбраться, но это означало, что пришлось бы идти пешком, бросив на произвол судьбы все наше имущество.

С прекращением дождей жаркое солнце быстро подсушивает короткую густую траву равнин и большинство травоядных начинают передвигаться к холмистым пастищам на восточном краю кратера. Первыми в путь обычно отправляются зебры, которые пасутся в высокой траве, за ними следуют гну, а после них на самую низкую траву переходят стада газелей Томсона и Гранта.

Животный мир кратера отнюдь не напоминает «затерянный мир». Стада животных часто длинными цепочками взбираются по крутым склонам, обновляя издавна проложенные звериные тропы. За пределами кратера встречаются крутые леса, гористые отроги и открытые степи, по которым кочуют немногочисленные группы племени масай. Это красивые люди, величавые и статные, с тонкими чертами лица и кожей бледно-медного цвета; традиции этого племени до сих пор успешно противостоят расслабляющему влиянию западной цивилизации. Как и многочисленные поколения их предков, они бродят по равнинам и предгорьям, и стада коров, овец и коз пасутся бок о бок с дикими животными.

Масаи издавна и вполне заслуженно славятся своим бесстрашием. В прежние времена — до того как это было запрещено законом — юноше нечего было надеяться раздобыть жену, прежде чем он не примет участие в охоте на льва, вооружившись только копьем и щитом. Конечно, сторонники охраны природы должны радоваться запрету этого древнего обычая, но всякий, кому случалось видеть атаку разъяренного льва, знает, какое мужество проявляет юноша, выходящий на поединок с ним.

Гуго и я подружились со многими охотниками-масаи, мы полюбили людей этого племени — они не только бесстрашны, но и очень приветливы, добры, великодушны и души не чают в своих детях. К тому же многие из них досконально знают местность и диких животных — это вполне естественно, потому что сами они живут в такой близости к природе. Мы непременно заезжали в деревню, когда искали где-нибудь в окрестностях редких животных, и часто получали от масаи неоценимые сведения.

К северо-западу от Нгоронгоро на сотни километров простираются покрытые травой степи, их прорезает тридцатикилометровое ущелье Олдувай, которое стало знаменитым после раскопок Луиса Лики и его жены. Там был найден *Zinjanthropus* (прозванный человеком-щелкунчиком) и позднее *Homo habilis*; земля сохранила его каменные орудия и остатки животных, на которых он охотился. Здесь же Лики откопал фундаменты и стены жилищ — несомненно, древнейших человеческих построек. За ущельем Олдувай снова тянутся равнины, где можно ехать километр за километром, не встречая ни единого деревца. Ближе к въезду в знаменитый национальный парк Серенгети низкая трава сменяется более высокой по мере того, как меняется характер почвы, но равнина простирается и дальше, и лишь километрах в ста от Нгоронгоро извивается среди акаций река Серонера.

Южная граница национального парка Серенгети узкой петлей захватывает включенное в территорию парка небольшое содовое озеро Лгарья. Здесь-то мы и устроили свой второй дом в зарослях, лагерь под тенистыми акациями, отражающимися в воде. Озеро Лгарья иногда называют Ндуту. Оба эти названия на языке масаи имеют очень сходное и очень славное значение — это мирное место, священная обитель, которую не смеют осквернять своим присутствием шумные люди. Мне непонятно, как можно так много выразить одним словом, но именно это объяснение дали нам местные жители.

Озеро лежит в нешироком кольце акаций и колючих кустарников, а за ними снова до самого горизонта тянутся равнины, по которым гуляет ветер. Когда мы приехали сюда, собираясь приступить к тщательному изучению гиеновых собак, — это было в феврале, — равнины вокруг просто кишили стадами мигрирующих зебр и гну. Нигде в целом мире в наше время не увидишь таких неисчислимых стад, как в Серенгети в период ежегодной миграции, когда стада за стадами движутся по свежей зелени равнин. Это движение начинается одновременно с наступлением периода дождей: стада, рассыпанные по зарослям на севере и западе парка близ постоянных запасов воды, объединяются и начинают двигаться несколькими плотными колоннами, которые тянутся по дороге к равнинам с более низкой травой. Там животные задерживаются, откармливаются и телятся; это продолжается до конца сезона дождей. Потом, когда земля подсыхает, стада откочевывают обратно в заросли и рассеиваются. В общем, в этих миграциях ежегодно участвуют более миллиона травоядных, примерно половина из них — газели Томсона и Гранта, около трехсот пятидесяти тысяч гну и сто восемьдесят тысяч зебр.

Несколько недель, пока стада паслись невдалеке от нашего лагеря, жизнь наша протекала под постоянный аккомпанемент басовитого мычания и фырканья гну и диких отрывистых криков зебр, которые напоминают учащенные истерические вопли осла. Великолепие и простор этой свободной, неоскверненной земли, простирающейся на сотни километров, закаты и восходы солнца над равнинами, черными от тысячных стад, львиный рык и жуткий воющий хохот гиен по ночам — этого я никогда не забуду.

Для хищников, обитающих на равнинах, появление стад возвещает о наступлении периода изобилия. И хотя некоторые львы, гепарды, гиены и шакалы чрезвычайно редко или вообще никогда не покидают своих четко очерченных охотничих территорий, другие

представители тех же видов извлекают максимальную пользу из благословенного периода миграций, провожая стада на каком-нибудь отрезке пути. В разгар миграции плотоядный хищник может вообще не утруждать себя охотой. Гну и зебры идут в таком множестве, что отдельные особи гибнут естественной смертью, и падальщики, пикирующие с неба, тут же выдают место, где можно пообедать на дармовщинку. Если и первобытный человек следовал за мигрирующими стадами, то он, конечно, довольно долго мог добывать себе пропитание таким образом.

И, тем не менее, среди всего этого изобилия хищник может умереть с голоду. Мне никогда не забыть искалеченной львицы, которая лежала под деревом в нескольких метрах от нашего лагеря. Она была так истощена, что не верилось, что она еще жива, но когда мы подъехали, она подняла голову и устремила на нас взгляд огромных, ввалившихся глаз. Когда солнце спустилось и его лучи, пробиваясь сквозь листву, стали припекать, она даже сумела перебраться в тень, то подпрыгивая, то волоча свои изувеченные задние ноги. Было совершенно ясно, что ей уже не подняться, и милосерднее всего было бы разом покончить с ее мучениями. Но ведь мы находились в национальном парке, а здесь действует строжайшее правило: никто не смеет вмешиваться в естественную жизнь природы.

Этой ночью мы подогнали машины как можно ближе к палаткам — одна мысль об изголодавшейся раненой львице возле самого лагеря наводила на нас ужас. Утром мы никак не могли отыскать ее, хотя колесили среди акаций почти целый час. И в этот, и на следующий день Лакомка играл в двух шагах от машин, а наши африканцы не спускали с него глаз. Еще через день Гуго увидел падальщиков, рвущих мертвую львицу. За эти дни она обошла лагерь и как-то сумела дотащиться до кустарника метрах в трехстах от него.

Как правило, мигрирующие стада задерживаются у озера Лгарья до конца мая — начала июня; в год, когда мы там были, несмотря на затяжные дожди, воды для всех стад оказалось недостаточно, и они внезапно двинулись в путь в самом начале марта. Если в прошлом году все наши планы нарушил потоп, то в этом нам угрожала засуха.

Три года подряд Гуго находил гиеновых собак с щенятами возле озера Лгарья в марте — апреле. Но когда мы разбили лагерь в этом районе с единственной целью изучать гиеновых собак, их нор там не оказалось! Это задало Гуго нелегкую работу, потому что гиеновые собаки остаются на месте только тогда, когда воспитывают маленьких щенят, а в остальное время свободно кочуют по необозримым просторам и редко задерживаются в одном месте даже на несколько дней. Газели Томсона и Гранта, которые в период миграций следовали за стадами гну и табунами зебр, паслись на равнинах возле озера Лгарья. Гуго и два его новых помощника — студенты Жан-Жак Мермод и Роджер Полк — наблюдали за несколькими стаями гиеновых собак. Отыскав собак, они втроем дежурили возле них, пока стая не исчезала в какую-нибудь безлунную ночь, словно растворившись в пространстве.

В апреле газели ушли следом за остальными стадами, и с тех пор разыскать собак стало почти невозможно, хотя Гуго и студенты, каждый в своей машине, разъезжались веером, осматривая в общей сложности тысячу триста квадратных километров ежедневно. Им еще помогал наш друг, охотник Джордж Доув. Свой палаточный лагерь он раскинул на берегу озера Лгарья и предупредил своих шоферов, что мы ищем собак: если кому-нибудь из них попадалась на глаза стая гиеновых собак, Джордж тут же посыпал сказать об этом Гуго.

И все же, несмотря на трудности и огорчения, Гуго сумел получить удивительно интересные и совершенно новые сведения о гиеновых собаках, и не только о них. В общем наш лагерь был счастливым лагерем. В особенности для Лакомки. К этому времени он стал чрезвычайно энергичным двухлетним сорванцом, и мы спокойствия ради прихватили с собой третьего африканского помощника, Алека. Моро, Томас и Алек посменно присматривали за Лакомкой. К нам в гости приехала моя мама, да и Джордж Доув тоже явно благоволил к нашему сыну, так что у Лакомки не было недостатка в друзьях. В те времена им владела всепоглощающая страсть к футболу (по его собственным правилам), и много потерял тот, кто не видел его в матче с Моро и Алеком — оба африканца были ростом чуть меньше двух метров.

Лакомка всегда приходил в восторг, когда возле нашего лагеря бродили дикие животные, а это случалось нередко, особенно когда стада паслись на берегах озера. Однажды всем нам пришлось укрыться в машине: между палатками носились два льва, гоняясь за теленком гну. Но и тогда, когда мигрирующие животные двинулись дальше, мы могли видеть стадо из восьми жирафов и небольшую группу газелей, которые никогда не уходили из окрестностей нашего лагеря. Иногда мимо важно шествовал старый носорог. Вечерами, когда Лакомка ужинал на свежем воздухе, мимо нас пролетали длинные вереницы грациозных фламинго, мелькая силуэтами на красном или золотом фоне неба; со странными скрипучими криками они тянули на ночную кормежку, к озеру.

Часто, выезжая наблюдать за животными, мы брали Лакомку с собой; он обожал эти вылазки, хотя меня неотступно преследовал страх: что будет, если мы наткнемся на какое-нибудь осторожное животное, которое Гуго захочет сфотографировать, например на каракала, медоеда или очень редкую полосатую гиену, которые водились возле озера Лгарья. Вот когда мне приходилось пускаться во все тяжкие, чтобы отвлечь Лакомку, а то он обязательно разразился бы победным кличем, и как раз в самый неподходящий момент! А уж самой мне и думать было нечего взглянуть на зверя. Я была нескованно благодарна маме, когда она согласилась взять на себя заботу о нашем сыне и мы с Гуго получили возможность выезжать без него.

Как-то вечером, перед закатом, в лагерь забралась полосатая гиена. В окрестностях озера Лгарья эти животные не такая уж большая редкость, но они стараются не попадаться на глаза людям, и об их образе жизни и поведении, собственно говоря, ничего не известно. В тот вечер гиена, удивительно красивое животное со светло-кремовой шерстью и волнистыми черными полосами, пробираясь мимо нашей кухни, приостановилась и заглянула внутрь. Я как раз купала Лакомку, но, услышав негромкий возглас Моро, завернула сына в простыню и потихоньку выбралась из палатки. Внезапно гиена навострила уши и бросилась бежать. Она скрылась за склоном холма, спускавшимся к озеру, и мы на машине поспели как раз вовремя, чтобы увидеть, как она гонится за сервалом, только что схватившим зайца. Маленькая грациозная кошка удирала очень быстро, и немного погодя гиена отказалась от погони, постояла минутку, а потом, оглянувшись на зрителей, пошла своей дорогой. В другой раз мы с Гуго следовали за полосатой гиеной, вышедшей на ночной промысел. Не обращая внимания на нашу машину, она шла себе вперед, вынюхивая что-то на земле и время от времени останавливалась и отмечая своим запахом куртинку травы. Мы видели, как она погналась за стенбоком — небольшой антилопой, чуть покрупнее дикдика, — но жертве удалось удрать. Вскоре гиена скрылась в густых зарослях, и мы не смогли за ней следовать.

Иногда мы все вместе выезжали в ночную поездку. Лакомка отправлялся с нами — ему нравилось высматривать, как сверкают в свете фар глаза каких-нибудь ночных существ. Он был вне себя от восторга, когда видел глаза древесных галаго, горящие, как красные лампочки на новогодней елке, — они еще и летают в темноте, когда эти ловкие маленькие полуобезьяны перескакивают с ветки на ветку! Ему ужасно нравились и долгоноги: их сверкающие глаза описывали правильные дуги, когда зверьки прыгали на задних лапках, как крохотные кенгуру.

В кратере нам отравляли жизнь крысы, которые грызли все, что им попадалось. На озере Лгарья нас донимали африканские сони — графиуры. И хотя они портили наши вещи и бумаги не меньше крыс, нам было как-то легче простить это очаровательным древесным грызунам — за их большие глаза и пушистые хвостики. Как-то утром я взяла банку с джемом, собираясь намазать Лакомке к завтраку поджаренный хлеб, и что же — там, свернувшись среди жалких остатков джема, притаилась одна из негодниц! Мы с Лакомкой опрокинули банку набок да так и покатились со смеху, когда соня дала стрекача — хвост у нее был вовсе не пушистый, а весь склеенный и липкий. Я думаю, что эта соня, хорошенъко вылизавшись, больше никогда в жизни не подойдет к клубничному джему.

В июне нам с Гуго нужно было побывать в Европе; оставив меня заседать на разных конференциях, Гуго вернулся через десять дней, собираясь перенести наш лагерь в другое

место. Но Доув встретил его новостью: он обнаружил стаю гиеновых собак, у которых было логово и даже будто бы с щенками. Щенки там действительно были, и Гуго, уже распредившийся было с надеждой изучить поведение собак возле нор, снова воспрянул духом.

Вернувшись в августе вместе с Лакомкой, я пришла в ужас, увидев, как засуха опалила и иссушила равнину, хотя этого и следовало ожидать — ведь с февраля здесь не выпало почти ни капли дождя, если не считать одной-двух гроз. Земля повсюду была покрыта ссохшимися остриями или закрутившимися спиралью желто-серой травы. Пыль преследовала нас неотвязно, как кошмар, — набивалась в ноздри, в рот и в легкие, покрывала все вокруг серой пеленой, проникала повсюду, кроме герметически закрывающихся кофров для фотоаппаратуры; когда мы шли по протоптанным тропкам между палатками, пыль поднималась до колен. Но даже пыль может быть поразительно красивой — когда газели, как черные призраки, мчатся по равнине в ореоле пыли, горящей золотистым пламенем в лучах заходящего солнца.

Дни шли за днями, равнину все больше превращались в пустыню, и вместе с этим росло наше удивление: какое множество животных ухитряется выжить в таких условиях! Когда мы выезжали, нам всегда попадались жирафы и газели, бородавочники и страусы, гиены, шакалы и масса разной мелкой твари. Собаки тоже оставались на месте — видимо, они находили достаточно добычи, чтобы прокормиться самим и выкормить щенят. Но в конце концов исчезли и собаки, вновь отправившись в странствия. Тогда и мы свернули лагерь и после двухлетней напряженной полевой работы снова вернулись в свой дом на окраине Найроби и пробыли там на этот раз дольше, чем обычно. Лакомке довелось немного пожить жизнью нормального мальчишки: он играл в саду, ходил по утрам в детскую группу, спал в доме, на настоящей кроватке. Может быть, он вовсе и не скучал по широким просторам, где провел большую часть своей пока еще недолгой жизни. А вот мы с Гуго, разбираясь в своих фотографиях и мыслях, все время мечтали снова очутиться в своем лагере на озере Лгарья, снова увидеть животных, которых так близко узнали.

Каждое отдельное животное, которое мы изучали, проявляло собственный, индивидуальный характер, непохожий на характер его родного брата, или отца, или соседа. Это нисколько не удивит многих любителей животных. Хозяин собаки сразу же подтвердит, что каждая собака — совершенно неповторимая личность. Я знаю женщину, которая держит только спаниелей: ее собаки происходили из одного питомника, дрессировал их один и тот же человек и выращивались они в одном и том же доме. И каждая из них — с гордостью заявляла хозяйка — абсолютно непохожа на всех остальных. Многие скажут то же самое не только о собаках, но и о кошках, лошадях, даже о свиньях, овцах и коровах. Как ни странно, люди, которые держат прирученных диких животных, почему-то относятся к этому совсем иначе и — неизвестно отчего — бывают убеждены, что их воспитанник приобретает свои черты характера только от близкого общения с человеком. Человек прекрасно сознает, что два лисенка, выращенные им лично, имеют совершенно разные характеры, но его никак не заставишь признать, что если бы те же животныеросли на свободе, они проявили бы столь же яркие индивидуальные особенности. Как будто его любимцы, становясь членами семьи, теряют всякое сходство со своими дикими родичами. Наверное, именно поэтому охотники, у которых дома живут прирученные животные, не чувствуют угрызений совести, убивая их диких собратьев.

Одна из задач, которую мы ставили перед собой, когда писали эту книгу, — попытаться показать, что свободное дикое животное столь же интересно и своеобразно, как и животное, воспитанное человеком. Разумеется, узнать индивидуальный характер дикого зверя труднее и на это нужно больше времени, потому что человек не вступает с ним ни в какие отношения, а ведь многие люди в своей оценке личности животного исходят как раз из того, как оно реагирует на личный контакт с ними. В нашей работе такие оценки явились результатом длительных наблюдений. Впервые увидев Черную Фею, гиеновую собаку, Гуго стал отличать ее лишь потому, что у нее не было половины хвоста. Прошли недели

непрерывного наблюдения за стаей, прежде чем он узнал Черную Фею как личность, настолько же непохожую на остальных, как ныне здравствующий спаниель моей приятельницы на всех своих предшественников.

Эта книга, первая из двух, посвященных африканским хищникам, рассказывает о трех наиболее преследуемых и наименее понятых человеком видах, и вместе с тем именно эти три вида интереснее всего наблюдать. Нас нисколько не удивляет, что большинство людей приходит в ужас при мысли о зверях, пожирающих свою жертву живьем, но мы не собираемся оправдывать эти особенности их поведения. Мы попытались нарисовать как можно более полную картину их жизни в надежде, что, если рассказать о некоторых до сих пор неизвестных особенностях их поведения — а это очень интересные и зачастую привлекательные черты, — люди поймут их лучше и звери предстанут в более выгодном свете. Вот, к примеру, случай, доказывающий, что наши надежды могут оправдаться. Один из наших друзей, почти всю жизнь проживший на ферме в Восточной Африке, приехал навестить нас в Серенгети. Гуго показал ему стаю гиеновых собак, к которой принадлежала Черная Фея и в которой как раз были щенята. Вечером, когда мы зашли в бар при гостинице, до меня случайно донеслись слова нашего гостя. Он говорил своему соседу: «Одно я знаю наверняка. В жизни не стану стрелять в гиеновую собаку. Слишком много я о них узнал». Давно у меня не было так радостно на сердце, как после этих слов.

Но сломить человеческие предубеждения не так-то просто. На это требуется долгое время. Даже европейцы сочиняют о животных всякие небылицы: ежи, мол, воруют молоко, летучие мыши запутываются в волосах женщин, овчаркам будто бы нельзя доверять маленьких детей. Я помню случай, произошедший со мной во время моих любимых каникул в деревне, когда я нагрубила одной почтенной старой леди. Я стояла на лугу и гладила свинью. Это была одна из черно-пегих чепрачных свиней, и я много дней осаждала ее подношениями в виде яблочных огрызков и картофельной кожуры, прежде чем она позволила мне себя потрогать. Старушка повелительным тоном позвала меня к ограде и заявила, что впредь я не должна прикасаться к свиньям, что от их щетины нападут несусветные и ужасные болезни, что даже дышать с ними одним воздухом — смерти подобно!

Тем более понятно, что на долю таких малознакомых людям животных, как те, которым посвящена эта книга, выпадает достаточно клеветы. Не так давно по дороге из Найроби в Серенгети мы имели случай убедиться в этом. С нами был молодой англичанин, который попросил, чтобы мы его подвезли. Вдруг Гуго заметил, что впереди на дороге лежит какое-то мертвое животное, и все мы стали вглядываться, стараясь разобрать, что это.

— А! Всего-навсего поганая гиена, — бросил наш спутник. — Одной тварью меньше.

Мы с Гуго не успели ничего сказать, как сзади зазвенел тонкий встревоженный голосок:

— Бедная гиена, вся поломатая. У мамы такие же гиены. Что ей сделали?

Лакомка с пеленок жил среди диких животных. Гиены на наших фотографиях для него не просто гиены. Он не различает отдельных особей — для этого нужны недели практики и тренировки, — но знает, что у каждой есть свое имя, и всегда спрашивает, как какую зовут. Нет сомнения, что он научится любить животных в самом прямом смысле этого слова. Сейчас о повадках диких животных становится известно все больше и больше, в книгах о животных сообщаются все более точные факты, все меньше фантазий и выдумок — и это позволяет надеяться, что нынешнее молодое поколение освободится от множества предубеждений, которые определяли отношение к животным в прошлом.

Наши исследования поведения диких животных окажутся не напрасными, если, поделившись своими знаниями, мы сумеем заронить в сердца людей частицу уважения и любви к этим невинным убийцам.

Гиеновые собаки Степные бродяги

Километрах в восьми от озера Лгарья одиннадцать гиеновых собак трусили гуськом, след в след. Как всегда, передовым был старый самец Чингиз-хан. Кругом простирались бесплодные, иссушенные равнины, и небольшие группы газелей попадались редко и в отдалении друг от друга. Стоял август, середина затяжного сухого сезона. Внезапно Чингиз-хан отклонился от прямой и стал потихоньку приближаться к одному самцу газели Томсона. Стая следовала за ним. Когда собаки подобрались к своей жертве метров на двести, газель бросилась бежать. Вначале она сделала несколько прыжков на прямых ногах — это называется «козлить», но когда собаки припнутились за неё, перешла в резвый галоп, так и расстилаясь над сухой травой. Вскоре два молодых самца, Стриж и Баскервилль, обогнали старика Чингиза, и дистанция между охотниками и жертвой стала сокращаться.

Мы проехали километра полтора следом за погоней, держась наравне с собаками, бежавшими позади. Наконец передовые псы поравнялись с газелью — Стриж несся с одной стороны, Баскервилль — с другой. Жертва шарахнулась от Стрижа, и Баскервилль тут же вцепился ей в горло. Они мчались с такой скоростью, и толчок был так силен, что Баскервилль сделал сальто и перелетел через газель, но зубов не разжал. С глухим стуком он шлепнулся на спину, а газель — на него, и на минуту все скрылось из глаз в облаке взметнувшейся пыли. Чуть позже мы разглядели, что Стриж тоже впился зубами в шею газели, и стая уже сбегалась к трем бьющимся животным. Когда остальные собаки стали рвать мясо, передовые выпустили горло жертвы и присоединились к ним; не прошло и полминуты после падения, как газель была мертва.

Через четверть часа от нее осталось лишь несколько костей, и собаки снова двинулись в путь — они возвращались рысцой туда, откуда пришли. Я хорошо знал эту стаю: впервые я встретил этих собак два с половиной года назад, и они иногда попадались мне во время поездок по равнинам. В стае на этот раз не хватало одной собаки — взрослой самки, которую я назвал Юноной. Скоро мне предстояло узнать — неужели это правда? — что в этой сухой, такой бесплодной на вид местности Юнона принесла новый помет крохотных щенят. Я позволил себе питать эти радужные надежды, потому что сообщение исходило от Джорджа Доува, палаточный лагерь которого был единственным обиталищем белого человека на всем пространстве равнин, не считая нашего маленького лагеря.

Чингиз снова занял место передового и бежал ровной рысью километров пять, как вдруг, откуда ни возьмись, словно из-под земли, выскочила еще одна собака и бросилась навстречу охотникам. Юнона! Она виляла хвостом, и соски у нее — это я заметил с первого взгляда — были полны молока. Юнона кидалась к собакам, тыкаясь носом им прямо в пасть с тоненьkim, отчаянным повизгиванием. Она выпрашивала корм, и то один, то другой охотник, немного отступив от навязчивой просительницы, широко открывал пасть и судорожным усилием отрыгивал на землю немного мяса. Юнона мгновенно глотала подачку и снова принималась попрошайничать.

Многие птицы и некоторые млекопитающие кормят потомство, отрыгивая пищу, но гиеновые собаки, как и волки, сделали еще один шаг вперед — они подкармливают и мать, которая остается в логове охранять щенят.

Наевшись, Юнона подошла к большой норе. Она заглянула в нее, негромко повизгивая, а потом стала заползать внутрь, так что вскоре над землей виднелся один только хвост. Потом она попятилась обратно, а за ней выкатились целых восемь щенят! Мне никогда еще не приходилось видеть гиеновых собак в таком раннем возрасте — как и щенята домашних собак, они совсем не похожи на взрослых. По-видимому, им было недели три. Щенята двигались гораздо резвее, чем можно было ожидать от таких малышей, но им явно трудновато было стоять прямо на расположившихся, словно слепленных «на вырост», толстых лапках. Уши у них были почти такие же большие, как у взрослых собак, но еще не развернулись полностью, а темные мордочки были покрыты морщинами и складками, наводившими на мысль о старости, а не о младенчестве.

Появившиеся на поверхности щенки и опомниться не успели, как взрослые собаки налетели на них всем скопом. Ни пососать, ни поиграть не дадут! Щенки, спотыкаясь,

ковыляли кто куда, а взрослые собаки следовали за ними, как приклеенные, то и дело поддевая какого-нибудь щенка носом и молниеносным движением морды опрокидывая на спину. Пока старшая собака вылизывала ему брюшко, щенок некоторое время лежал, беспомощно болтая в воздухе всеми четырьмя лапами, а потом кое-как выворачивался и улепетывал на своих неуверенных лапках. Случалось, что одного крохотного щенка тыкали носами и вылизывали разом трое, а то и четверо взрослых — они толкались, повизгивая все чаще и чаще, так что раздавалось уже что-то вроде птичьего щебета.

Я видел, как доминирующая самка стаи, Ведьма, на ходу просунула нос под задние лапки бегущего щенка, так что малыш, еще секунду пробежав на передних лапках, опрокинулся. Но стоило ему подняться и заковылять прочь, как его перехватил резвый самец, Баскервилль. Он сунулся к щенку носом, припав на передние лапы и задрав кверху зад с неистово виляющим хвостом. Опрокинув щенка на спину точным толчком своей черной морды, он стал вылизывать его. Черная Фея — темная самка с половинкой хвоста — вот кто был без ума от щенков! Она так самозабвенно виляла остатком хвоста, что казалось, он вот-вот отлетит напрочь, а ее повизгивание выдавало состояние полнейшего экстаза. Мы видели, как она бежит рядом с малышом и что-то радостно щебечет ему прямо в свернутое ухо. Минуту спустя она остановилась и так горячо лизнула в нос другого щенка, что тот перекувырнулся на спину. Потом она обратила внимание на щенка, удиравшего от Лилии, и тоже погналась за малышом, вытянув шею. Скоро она наподдала носом бегущего щенка, тот потерял равновесие и кубарем слетел прямо в нору.

Затем Черная Фея подбежала к трем самцам, вылизывавшим другого щенка, растолкала их и попыталась оттеснить то одним, то другим боком как можно дальше. Но самцы только крутились каруселью и не переставали лизать малыша. Тогда Черная Фея прибегла к последней отчаянной попытке отбить щенка и недолго думая прижала его к земле обеими передними лапами.

В эту минуту я заметил, что Ведьма больше не гоняется за щенятами, чтобы их вылизать, а тащит одного малыша в зубах, направляясь к норе. Она несла его не «за шиворот», а просто открыла пасть пошире и захватила щенка чуть ли не целиком. Минуту спустя она опустила его в темную дыру норы, подбежала к другому щенку и таким же манером отнесла к норе. Потом притащила третьего. Возвращаясь к норе с четвертым щенком, она встретила на дороге Черную Фею, которая, словно боясь, что детеныша уронят, помогла Ведьме нести его. Черная Фея прихватила щенка за загривок, а Ведьма держала его за спину. Они благополучно доставили его в нору, а затем вместе подогнали и подтащили туда остальную четверку, и сами улеглись неподалеку. Вскоре вся стая уже отдыхала.

Тем временем почти стемнело, и нам пришлось уехать. Возвращаясь в лагерь, я радовался, что логово Юноны оказалось поблизости от проезжей дороги, ведущей к озеру Лгарья, — два года назад я нашел нору в местности, где не было никаких приметных ориентиров, так что мне каждый раз приходилось вести машину по компасу.

Логово стаи Чингиз-хана с щенками было нам наградой за пять месяцев непрерывных поисков, когда я потерял всякую надежду набрести на нору. Вот уже много лет, если только позволяли время и обстоятельства, я использовал любую возможность наблюдать гиеновых собак, когда встречал стаю этих бродячих охотников. Три года подряд я находил логовища с щенками в окрестностях озера Лгарья в период с января по апрель. Поэтому я и прибыл на озеро в феврале вместе с Джейн, ее матерью и Лакомкой, а также с двумя студентами, Джеком и Роджером, и был уверен, что найду логово и на этот раз.

Каждый день я вместе с Джеком и Роджером выезжал из лагеря, исполненный самых радужных надежд. Но проходили недели, и наш оптимизм мало-помалу истощался. День за днем мы петляли на трех машинах по необозримым просторам, пока, наконец, не стали обыскивать площадь в тысячу триста квадратных километров, временами предпринимая вылазки еще дальше. Иногда мы наталкивались на стаю, состоявшую только из взрослых собак, или на стаю с подрастающими щенками и всякий раз старались остаться с собаками как можно дольше. Мы работали посменно, подменяя друг друга примерно в десять часов

утра и в четыре часа дня, пока кто-нибудь из нас не упускал собак безлунной ночью или же не терял и собак и машины, следовавшей за ними.

Во время таких встреч мы узнали многое, но логово с маленькими щенками нам так и не попадалось, а оно было совершенно необходимо, чтобы вести длительное изучение взаимоотношений отдельных собак внутри стаи. В тот период, когда щенки еще малы, взрослые собаки остаются на одном месте, а не бродят по необозримым равнинам. Но как только щенки подрастут достаточно, чтобы отправиться в странствия, они вместе со взрослыми оставляют родное логово и начинают вести существование степных бродяг, которое продолжается у них большую часть жизни.

Но мы были не одиноки в этих поисках — нам помогал наш друг Джордж Доув. Он попросил всех шоферов, показывающих местность туристам, высматривать повсюду стаи гиеновых собак: как только кому-то из них встречалась стая, Джордж тут же приезжал к нам с этой вестью. Таким образом прочесываемое пространство увеличивалось, и мы собирали гораздо больше сведений о гиеновых собаках.

В мае и июне мои надежды несколько ожили, так как мы видели спаривание в двух стаях, но и та и другая исчезли из наших мест задолго до предполагаемого появления щенят, и мы не могли их отыскать, как ни бились. В июле, распростиившись со всеми своими надеждами, я вылетел по делам в Европу, а когда вернулся к началу августа, Джордж преподнес мне новость: его приятель видел стаю, где была самка на сносях. И вот мы обрели Юону с восемью щенятами как раз тогда, когда я совсем уже перестал надеяться, что удастся наконец получить информацию, которая была нужна мне просто позарез!

Стая Чингиз-хана оставалась на месте еще шесть недель; все это время Джейф (мой новый помощник, студент) и я почти непрерывно наблюдали за ней, и нам удалось узнать немало нового о поведении гиеновых собак.

Довольно скоро мы обнаружили, что в стае гиеновых собак, как и в волчьей стае, соблюдаются две отдельные иерархии: самцов и самок. В иерархии самцов разобраться было гораздо труднее — по правде говоря, мы так и не сумели установить ее с точностью. Мы знали, что Чингиз-хан, предводитель, и Стриж занимали главенствующее положение, а дальше следуют все остальные: Баскервилль, Гадес, Распутин, Потрошитель, Риного и Желтый Дьявол. Куда интереснее были взаимоотношения четырех взрослых самок: Ведьмы, Черной Феи, Лилии и Юоны — матери щенят.

Юона была самой робкой из всех. Стоило Ведьме или Черной Фее подойти к ней, как она начинала повизгивать, уголки губ у нее растягивались в заискивающей улыбке, при этом она опускала голову и почти припадала к земле, все быстрее и быстрее виляя хвостом. Часто она еще и подставляла шею, поворачиваясь боком к подходящей самке, — ритуальная демонстрация подчиненности, о которой я расскажу несколько позже. Но как бы она ни заискивала и ни унижалась, и Ведьма и Черная Фея всегда ухитрялись найти причину для недовольства и куснуть ее в подставленную шею — в наказание или в назидание. Чуть меньше Юона трепетала перед Лилией, хотя, несомненно, была ниже ее по положению в стае.

Юоне приходилось быть особенно осторожной, когда она приближалась к собственным детям. На второй день наблюдений я даже испугался: как бы щенки не подошли с голоду — каждый раз, когда мать подходила к норе и малыши пытались сосать, Ведьма — иногда с помощью Черной Феи — прогоняла ее прочь. Мне казалось, что Ведьма просто ревнует, потому что щенки явно отдают предпочтение Юоне. Если какой-нибудь малыш тянулся за матерью, когда она отступала перед Лилией, доминирующая самка тут же хватала его и водворяла в нору. И все же на следующий день щенки продолжали сосать мать.

Очень может быть, что — по редкостному совпадению — логово было найдено как раз в тот день, когда щенята впервые выглянули на свет. Во всяком случае, мне уже никогда не приходилось видеть, чтобы взрослые приветствовали щенков с таким восторгом. Да и Ведьма больше никогда не мешала Юоне кормить свою детвору, хотя, вполне возможно, это происходило оттого, что на следующей неделе мать всегда располагалась у входа в нору,

когда они сосали. Получалось, что снаружи были видны только ее голова и плечи, а щенят во время еды было не видно и не слышно, так что Ведьма, наверно, и не догадывалась, что происходит под землей. Во всех других случаях, особенно когда Юнона пыталась перенести щенка, Ведьма молнией налетала на нее.

Меня всегда забавлял своеобразный «ритуал», когда Ведьма метила мочой траву вокруг норы. Отметки такого рода обычно обозначают право собственности на территорию, и мне очень хотелось знать, не предъявляет ли она таким образом свои права и на щенят. Но, с другой стороны, она могла просто пользоваться привилегией доминирующей самки, поскольку я никогда не видел, чтобы окрестности норы отмечали другие самки. Ее послание могло гласить:

«Здесь логово стаи Чингиз-хана. Я, Ведьма, первая сука в стае. Ни шагу дальше!»

Черная Фея — вторая за Ведьмой в «порядке клевания» самок — была совершенно очарована щенками, хотя, помня о своем месте, и подходила к ним с некоторой осторожностью. Например, присоединяясь к другой собаке, вылизывающей щенка, она, как бы совершенно случайно, оказывалась между ней и щенком и — совсем нечаянно! — потихоньку-полегоньку оттирала бочком взрослую собаку. Это повторялось так часто, что было совершенно очевидно — она все это проделывает вполне сознательно. Если другая взрослая собака собиралась пристроиться рядом с Черной Феей, облизывавшей малыша, она тут же ложилась прямо на свое сокровище, так что щенок почти скрывался из глаз — наполовину спрятанный и, сдавалось мне, полузадушенный. И другой собаке ничего не оставалось, как отправиться на поиски более доступного для вылизывания щенка.

Удивительно интересно было наблюдать отношение Черной Феи с остальными самками. Она постоянно подлизывалась к Ведьме. Если доминирующая самка шла в ее сторону, она спешила навстречу, виляя хвостом и повизгивая, при этом уши у нее были плотно прижаты к голове, а задние ноги полусогнуты в знак покорности. Когда они сходились, Черная Фея лизала и покусывала губы доминирующей самки и то и дело терлась подбородком о ее морду. Иногда Ведьме достаточно было просто перейти с одного места на другое — всего на несколько метров, — чтобы Черная Фея бросилась к ней с изъявлениями преданности.

Однажды, вскоре после того как мы нашли логово, я видел, как Черная Фея сделала несколько шагов в сторону Юноны, которая вылизывала одного из своих щенят, а потом подскочила к Ведьме, стоявшей неподалеку, и быстро потерлась подбородком о голову доминирующей самки. После этого она побежала обратно и стала кусать Юнону за шею. К моему удивлению, Ведьма дрогнула Черную Фею и в свою очередь принялась ее кусать. Поначалу я ничего не понял, но в следующие дни вся сцена повторялась в неизменном порядке, так что я скоро сообразил, в чем дело. Должно быть, Черная Фея, собираясь напасть на Юнону, то ли пыталась получить разрешение на нападение, то ли старалась убедиться, что Ведьма по меньшей мере готова ограничиться позицией невмешательства. Если она и вправду хотела этого добиться, то по большей части ей не везло: стоило Черной Фее укусить другую самку — Юнону или Лилию, — как Ведьма, очевидно для поддержания порядка, тотчас кусала Черную Фею. Но делала она это не больно, почти ласково: порой, цапнув разок, тут же начинала нежно, игриво покусывать ее — можно было подумать, что доминирующая собака, поставив Черную Фею на подобающее место, тем не менее выказывала ей свое неизменное благоволение и приязнь.

Мне всегда казалось, что Черная Фея чувствует, что ее собственное высокое положение зависит от поддержания дружеских отношений с Ведьмой, и следит, как бы Ведьма не сблизилась с другими самками. Я часто видел, как Черная Фея, не жалея сил, мешает другим самкам подходить к Ведьме. Если, к примеру, Лилия оказывалась рядом с Ведьмой, Черная Фея уже была тут как тут и то втиратась между ними, то отталкивала Лилию боком. В том и другом случае она иногда быстро цапала Лилию зубами, хотя за подобное нарушение этикета, как я уже рассказывал, ей обычно влетало от Ведьмы.

Порой казалось, что Черную Фею в предчувствии трепки обуревают сомнения: она

делала рывок к Лилии, словно собираясь куснуть ее в шею, потом бросалась к Ведьме, чтобы потеряться о нее подбородком, но не притрагивалась ни к той, ни к другой. После того как она повторяла эти незаконченные метания несколько раз, Лилия обычно отходила подальше, и Черная Фея избегала укуса Ведьмы.

Лилия, будучи рангом выше Юноны, тем не менее проводила с щенками не так много времени, как остальные самки, и держалась в стороне от семейных склок. В тех редких случаях, когда она все же подходила к щенкам, Черная Фея почти всегда успевала загородить их собой, а если Ведьмы не было поблизости, то и куснуть Лилию за шею.

Мы с Джейфом обычно наблюдали за логовом целый день, и вскоре собаки так привыкли к нашим машинам, что едва приподнимали головы при их приближении, а некоторые даже ухом не вели.

Взрослые выходили на охоту по вечерам, в лунные ночи или рано на рассвете. Днем они отлеживались возле щенков. Вот один типичный день, когда щенятам было всего несколько недель.

Почти все утро взрослые лежали вокруг логова небольшими группами — кто спал, кто просто отдыхал. Щенята возились около норы, и к ним то и дело подходил кто-нибудь из взрослых — немного потыкать их носом и полизать. Около половины одиннадцатого щенята спрятались в прохладную темноту норы, а взрослые разбрелись, поодиночке и парами, и улеглись в ямках неподалеку. Юнона ненадолго спустилась в нору к щенкам, но вскоре вылезла, отряхнулась и пошла отдохнуть в соседнюю нору. Чуть погодя — довольно неожиданно — взрослый самец Стриж встал со своей лежки и спустился в нору. Он пробыл с щенками больше часа, а когда вылез, туда забралась Черная Фея.

Примерно в половине пятого солнце скрылось за плотными облаками, и вскоре из своих нор вылезли сразу три взрослые собаки. Они побежали к норе, где были щенята, держась бок о бок, покусывая и полизывая морды друг другу. Они совали морды в нору и «щебетали», насторожив уши и махая хвостами. Внезапно Ведьма растолкала их и бросилась в нору. Из глубины до меня донеслось щебетание и повизгивание, и Ведьма, пятаясь, вылезла из норы, а за ней почти сразу выскочили восемь щенят.

Несколько минут царила полная неразбериха — взрослые поочередно здоровались с малышами и друг с другом, а остальные члены стаи окружали их и усиливали суматоху. Но вскоре все поутихли и взрослые улеглись на открытом месте под облачным небом.

Щенята снова принялись играть. Они все еще не очень справлялись с собственными лапами и ковыляли как попало, кусали и тянули друг друга за свернутые ушки, и каждый раз все это кончалось общей свалкой. Черная Фея лежала совсем рядом, время от времени какой-нибудь щенок пытался переползти через ее лапы или хвост — и, конечно, тут же подвергался процедуре опрокидывания и неистового вылизывания.

В тот момент, когда солнце уходило за горизонт, старик Чингиз встал, потянулся и зевнул. Он рысцой побежал к тому месту, где отдыхали Ведьма, Стриж и Баскервилль. При его приближении они вскочили, и все четверо принялись тереться носами, лизать друг друга в губы, виляя поднятыми хвостами, а их повизгивание постепенно перерастало в восторженное щебетание. Остальные взрослые собаки тут же присоединились к ним, и вот уже вся стая топчется и кружится, совершая обряд приветствия. В этом мелькании лап, хвостов, гибких тонких тел взгляд выхватывал то Ведьму и Стрижа, широко раскрывших пасти с загнутыми назад языками, то старика Желтого Дьявола, от радости напрудившего на собственные лапы; вот Юнона припала на передние лапы, извернулась и лизнула Чингизхана прямо в губы. Но вдруг, так же внезапно, как началась, дикая пляска утихла, и стая побежала рысью на вечернюю охоту. Подобная церемония почти всегда происходит перед тем, как стая отправляется на охоту, и больше всего похожа на наш обычай говорить «Доброе утро» — так муж и жена здороваются утром, целуя друг друга, даже если и проспали всю ночь бок о бок (у немцев все члены семьи по утрам и на ночь обмениваются рукопожатиями). Большинство жестов, из которых состоит обряд приветствия, ведет свое происхождение от «выпрашивания», когда собаки точно так же тычут друг друга носами и

лижут в губы. В такие моменты между поведением вышестоящего члена стаи и его подчиненного собрата не наблюдается почти никакой видимой разницы. По-моему, это прекрасный способ подчеркнуть единство стаи на охоте — так и кажется, что щебечущие звуки говорят: «Я сливаюсь воедино со всеми. Я приму участие в охоте и получу свою долю добычи. Бежим! Бежим!»

Юнона пробежала вместе со стаей метров двести, а потом вернулась охранять щенят. Малыши и не пытались следовать за стаей, а продолжали играть у входа в нору. Я наблюдал еще за тремя стаями, в которых были щенки, и всегда мать оставалась возле норы, когда остальные взрослые уходили на розыски добычи. В каждой из этих стай было по восемь взрослых, а то и больше, так что временная потеря одного из охотников никак не отражалась на успехе охоты. А стая Чингиза, где было двенадцать взрослых собак, и подавно могла обойтись без Юноны.

Старый самец Чингиз-хан обычно был непрекаемым властителем в походе — именно он решал, когда и куда двигаться всей стае. Однажды, когда стая тронулась в путь, Чингиз оказался на четвертом месте. Собаки протрусили примерно полтора километра, и тут Чингиз круто свернул вправо, а передовые собаки продолжали бежать вперед. Но не прошло и полминуты, как эти горе-предводители тоже свернули вправо, так что Чингиз, даже оставаясь на четвертом месте, заставил стаю следовать за собой.

На этот раз Чингиз бежал, как обычно, примерно метрах в десяти впереди остальных. Стая вытянулась следом за ним почти гуськом. Я потихоньку ехал параллельно курсу стаи, отмечая, как отдельные собаки меняют свои места в цепочке, и прикидывая скорость, с которой они бежали, — примерно десять километров в час. Собаки часто задерживались, поодиночке или группами, обследуя какую-нибудь яму в земле или обнюхивая отдельные куртинки высокой травы. Вот Лилия остановилась и съела маленькие коричневые куколки, торчавшие на давно брошенных рогах гну. Эти короткие трубочки так и остаются прикрепленными к рогу, когда ночная бабочка покидает куколку. Встречаются они на каждом шагу, но я впервые видел, чтобы гиеновая собака их ела, — собственно говоря, мне вообще не приходилось видеть, чтобы собаки ели насекомых.

Пока мы двигались по сухой и бесплодной земле, нам почти не встречались животные, и собаки смогли начать свою охоту только километрах в восьми от логова. Уже в сумерках показались три газели Гранта и собаки погнались за одной из них. На ровной земле мне было нетрудно держаться рядом с ними. Чингиз первым бросился в погоню, но вскоре его обогнали Стриж, Ведьма и Баскервилль. Через пять минут второй оказалась Черная Фея, и я старался держаться с ней наравне. Она бежала так же быстро, как и Стриж, но я намеренно не догонял его, чтобы не перепугать газель и не повлиять на исход охоты.

Пять с половиной километров подряд стрелка моего спидометра указывала скорость пятьдесят километров в час: собаки сохраняли эту скорость по всей дистанции. Иногда кто-нибудь из них делал короткий рывок — возможно, достигая скорости пятьдесят пять километров в час, а то и больше.

Через пять километров погоню по-прежнему возглавлял Стриж, а Черная Фея бежала второй, но когда газель начала кружить, Баскервилль круто свернул и срезал дугу по прямой, так что вскоре стаю вел уже он. И вот еще через километр, когда Баскервилль и Стриж неслись по пятам за жертвой, постепенно подбираясь к ней все ближе и ближе, они вдруг стали отставать, словно отказываясь от погони. Собаки одна за другой останавливались и постепенно вся стая, растянувшаяся во время погони далеко по равнине, собралась вместе. Газель убегала все дальше, и вскоре быстро наступившие сумерки скрыли ее из глаз.

Эта погоня была едва ли не самой длительной из всех, какие мне довелось наблюдать: обычно, если стае не удается загнать добычу на расстоянии от четырех до пяти километров, она прекращает погоню и, немного передохнув, ищет себе другую жертву. Все это решительно отметает старинные небылицы о том, что намеченная стаей гиеновых собак жертва обречена — ее, мол, безжалостно гонят до полного изнеможения и приканчивают.

За несколько лет мне и моим помощникам пришлось много раз видеть, как охотятся

гиеновые собаки, — мы наблюдали девяносто одну погоню, и только тридцать девять из них увенчались успехом. Вопреки широко распространенному мнению стая собак, рысью бегущая по равнине, вовсе не сеет панику среди пасущихся животных. Даже когда равнины от горизонта до горизонта черны от мигрирующих стад гну и зебр, животные, мимо которых пробегают собаки, обычно уступают им дорогу, уходя неторопливой рысцой или галопом, а потом останавливаются и смотрят, как охотники трусят дальше. И только после того, как стая несколько раз подряд неудачно гонялась за животным или если собаки уже давно охотятся в этой местности, их приближение нагоняет панику на антилоп. Но стоит собакам прибавить ходу — перейти с шага или рыси на галоп, — как все травоядные в радиусе нескольких сотен метров спешат убраться подальше.

Быть может, именно поэтому собаки приближаются к отдельному животному или стаду обычно очень медленно, вытянув опущенные головы почти параллельно земле и слегка приседая на ходу. Таким манером охотники иногда ухитряются подкрасться к стаду гну или зебр метров на пятьдесят, прежде чем намеченная жертва бросается бежать. Стадо газелей обычно удирает, не подпуская собак ближе чем на сотню метров.

Стоит животному побежать, как гиеновые собаки начинают погоню всерьез. С этого момента схема охоты может развиваться по-разному. Иногда, особенно в тех случаях, когда собаки подбираются к маленькому стаду, кажется, что жертва намечена заранее, предводитель стаи выбирает ее еще до начала погони. Как только он бросается к ней, остальные собаки бегут за ним, и все преследуют одно и то же животное, пока оно не убежит или не попадет им в зубы. Когда собаки встречают большое стадо, бывает и так: стая делает короткий рывок в сторону группы животных, а потом, остановившись или двигаясь шагом, внимательно наблюдает за бросающимися врасыпную антилопами. Затем собаки могут погнаться за каким-нибудь животным или пробежать рысью мимо и повторить тот же прием с другим стадом. Бывает, что, когда стадо начинает убегать, стая собак разбивается на группы и одновременно преследует нескольких животных. Две погони сразу довольно редко приносят удачу, особенно во время отела гну, когда собаки охотятся на телят. Чаще все погони сливаются в одну. Похоже на то, что каждая собака следит за ходом охоты в другой группе и бросает свою жертву, если видит, что у другой собаки (или группы собак) дела идут лучше.

Последние два из описанных тактических приемов особенно интересны. Что высматривают собаки, следя за стадом, убегающим у них из-под носа? И почему порой члены такой сплоченной стаи вдруг рассыпаются якобы в беспорядке? Я думаю, что на эти вопросы можно дать один ответ: оба приема позволяют собакам выбрать из целого стада животное, которое слабее или медлительнее остальных. Издавна полагали, что у гиеновых собак нет необходимости выбирать слабых животных, потому что их быстрота и выносливость позволяют им загонять резвейших, но как же тогда быть с тем, что определенная часть намеченных жертв все же ускользает? Я уверен — хотя доказать это не так-то просто, — что собаки спугивают стадо, чтобы легче было выбрать на бегу менее здоровое животное. Должен подчеркнуть, что животное совсем не обязательно должно быть больным или хромым: без сомнения, гиеновые собаки гораздо лучше нас подмечают, что животное не в форме, а значит, его можно будет загнать. А если, проследив за бегущим стадом, они не в состоянии остановить выбор на определенном животном, параллельная погоня за несколькими животными легче выявит в разбегающемся стаде «слабака», чем погоня всей стаей.

В процессе погони собаки, бегущие за передовыми, всегда срезают углы при поворотах жертвы и оказываются ближе к ней или перехватывают лидерство. Особенно это заметно, когда собаки преследуют газель Томсона, потому что она, удирая, обычно носится по равнине зигзагами или бежит по очень большому кругу, так что к концу охоты во главе стаи, срезая углы, успевают побывать несколько собак. Должно быть, это и дало повод укорениться мнению, что гиеновые собаки охотятся с «подставами» — собаки, бежавшие не торопясь позади, со свежими силами бросаются вперед и сменяют ведущих. На самом деле

во всех погонях, которые мне пришлось наблюдать, передовые собаки бегут приблизительно с одной и той же скоростью, пока задние срезают углы, и зачастую еще и прибавляют ходу и снова выходят на первое место. Правда, некоторые собаки постоянно бегут позади — так, Желтый Дьявол частенько оказывался в километре от передовых, когда те настигали добычу. И я ни разу не видел, чтобы он вырывался вперед и возглавлял погоню.

Гиеновые собаки охотятся на самых разнообразных животных — на бородавочников, газелей Томсона и Гранта, на гну и зебр, — я сам видел, как они загоняют и убивают этих животных. До недавнего времени считалось, что гиеновые собаки не решаются подступиться к зебрам: во-первых, зебра — крупное, мощное животное; во-вторых, жеребцы всегда бросаются на защиту табуна; в-третьих, зебры обращаются в бегство только тогда, когда стая собак подходит совсем близко. И, тем не менее, в некоторых районах гиеновые собаки постоянно охотятся на зебр — я много раз видел, как стая Чингиз-хана расправляется с ними. Это было еще до появления щенят у Юноны.

Одна из таких охот была особенно интересной. Чингиз — как всегда, впереди — стал потихоньку подкрадываться к табуну примерно из двадцати зебр, в котором была кобыла с маленьким жеребенком. По мере приближения к стаду собаки двигались все медленнее, как будто они и думать не думали об охоте. Таким образом они подобрались к зебрам метров на двадцать, и только тогда табун стал уходить от них рысью. Это послужило сигналом к открытой погоне, и собаки бросились за табуном. Зебры перешли в галоп, сбиваясь поближе друг к другу, так что табун скакал одной тесной группой. По дороге к ним приставали небольшие группы зебр, и вскоре табун насчитывал свыше пятидесяти животных. Но они не мчались сломя голову —казалось, что животные приоравливают свой ровный галоп к самому слабому в группе, на этот раз, видимо, к жеребенку.

В начале погони Чингиз оставался во главе стаи, а чуть позади бежали Стриж и Баскервилль. Внезапно старый вожак сделал рывок вперед, но когда он приблизился к кобыле с жеребенком, бежавшей позади, один из жеребцов повернулся и бросился к нему, прижав уши и оскалив зубы. Чингиз метнулся в сторону, так что впереди оказался Стриж. Через несколько секунд Стриж поравнялся с кобылой и жеребенком, но жеребец вновь бросился защищать свое семейство. Так повторялось снова и снова, и каждый раз передовая собака уворачивалась от жеребца, а следующая за ней делала рывок вперед.

Наконец в общей неразберихе кобыла с жеребенком и годовичком — по узору его полос я определил, что это прошлогодний жеребенок той же кобылы, — были отбиты от табуна. Стая собак немедленно окружила всех троих, а табун вскоре скрылся за невысоким холмом.

Оказавшись в одиночестве, кобыла остановилась, а жеребенок и годовик жались к ней поближе. Стриж, Баскервилль и две другие собаки стали подбираться к зебрам, но тут мать шагнула вперед и щелкнула зубами почти у самой морды Стрижа. Три остальные собаки подскочили к жеребенку сзади, но их отогнал годовичок, бросившийся на защиту малыша. Собаки все время пытались схватить жеребенка, и каждый раз мать или годовичок отгоняли их — всего на несколько шагов вперед. Поэтому жеребенок все время оставался под боком у матери, и разделить всех троих собакам пока не удавалось.

Положение было очень напряженное, и я уже с некоторым отчаянием ждал конца. С каждой минутой собаки становились все нахальнее, они напирали со всех сторон и завывали, чтобы подбодрить или подначить друг друга. Вдруг Стриж взвился вверх перед самой мордой кобылы, щелкнул зубами, но вцепиться ей в верхнюю губу ему не удалось.

Эта тактику гиеновые собаки часто применяют в охоте на взрослых зебр — одна собака вцепляется в верхнюю губу и тянет изо всех сил, а остальные тем временем выпускают добыче кишки. К тому же приему прибегают и домашние охотничьи собаки, загнав добычу и остановив ее. Должно быть такой прием действует подобно закрутке — куску веревки, который накрепко закручивают, захватив верхнюю губу лошади, когда нужно показать ее врачу или подковать. Гиеновая собака, ухватившая зебру за губу, обычно не разжимает зубов, пока жертва не расстанется с жизнью, и только тогда присоединяется к другим

собакам, рвущим добычу.

На сей раз зебра вскинула голову, и Стриж только щелкнул зубами в воздухе. Но он уже вошел в раж и прыгал вперед снова и снова. Конец казался неизбежным — а следить за развязкой всегда тяжелее, когда животное мужественно защищает свою жизнь или детеныша. Внезапно я почувствовал, что земля дрожит, и, оглянувшись, к своему несказанному удивлению, увидел десяток зебр, скачущих во весь опор. Секунду спустя они окружили мать с жеребятами и, круто развернувшись, тесно сомкнутым табуном помчались в ту сторону, откуда прискакали. Собаки гнались за улизнувшей добычей метров пятьдесят, но не смогли пробиться сквозь табун и вскоре отстали. Это был единственный раз, когда на моих глазах зебры вернулись к сородичам, окруженным гиеновыми собаками, и помогли им спастись.

Несомненно, гиеновые собаки заслужили всеобщую ненависть из-за способа, которым убивают добычу — выпуская ей внутренности; именно из-за этого их почти поголовно истребили во многих районах, в том числе в национальных парках и резерватах. И правда, когда гиеновые собаки всей стаей вгрызаются в пах своей жертвы, это зрелище не из приятных. Но испытывает ли животное ту страшную боль, которую мы себе воображаем? Судя по рассказам людей, которым случалось побывать в когтях у льва, например знаменитого доктора Ливингстона, и по воспоминаниям тех, кто был тяжело ранен на войне, глубокие рваные раны начинают болеть только некоторое время спустя, а в самый момент ранения боль совершенно неощутима из-за нервного шока. В тот момент, когда стая гиеновых собак расправляетя со своей жертвой, кажется, что проходит целая вечность, а между тем из тридцати девяти случаев, засеченных нами по секундомеру, только раз жертва погибала больше пяти минут — чаще всего это занимает менее двух минут. Единственное исключение — годовалый гnu, на которого напали четыре собаки: он сопротивлялся семнадцать минут. Есть сведения, что расправа больших стай собак затягивалась на двадцать пять минут, прежде чем смерть избавляла жертву от мучений. Но в тех случаях, о которых знаю я лично, вся вина лежит на людях — они подъезжали слишком близко, и некоторые собаки из стаи не решались подойти и принять участие в завершении охоты. В этом нетрудно убедиться, рассматривая многие фотографии.

Так что, если судить беспристрастно, гиеновые собаки, подобно домашним охотничьям собакам, волкам и гиенам, убивают быстро и умело. Они находят места, где кожа тоньше всего, поэтому быстро добираются до внутренних органов и приканчивают жертву. Способ, которым кошачьи хищники чаще всего расправляются с жертвой, — удушение — не столь кровавый и поэтому считается более «милосердным». А ведь порой животное погибает не раньше чем через десять минут и, насколько мы можем судить, гораздо более мучительной смертью. Следует упомянуть и о том, что, когда жертва достаточно мала или уже не может защищаться, например из-за перелома позвоночника, львы, леопарды и гепарды тоже едят ее живьем; в этих случаях мучения животного затягиваются надолго, и зрелище это наводит ужас, потому что кошки в отличие от собак любят посмаковать каждый кусочек.

Как-то утром, направляясь к логову Юноны, я нагнал Чингиз-хана, бегущего в сопровождении своей свиты из взрослых собак. Животы у собак были туго набиты, а головы и шеи темнели от засохшей крови. Сразу было видно, что они возвращаются с удачной охоты. Я тихо поехал рядом с ними и вскоре оказался как бы членом стаи, потому что Черная Фея и Желтый Дьявол отстали и бежали позади лендровера. Когда вдали показалось логово, Юнона со всем выводком сидела возле входа в нору. С тех пор как я впервые увидел щенят, прошла неделя, и теперь они увереннее держались на ногах, а часть морщин и складок на ушах и на мордочке разгладилась. Когда мы были уже близко от норы, Черная Фея и Ведьма выбежали вперед. Юнона по привычке поспешила навстречу, приседая и выпрашивая еду, но обе самки пронеслись мимо, прямиком к норе. К моему удивлению, остальные собаки тоже увернулись от Юноны, хотя прежде многие в ответ на ее визг и подлизывание отрыгивали ей мясо. И тут я увидел, что все собаки одна за другой отрыгивают мясо перед щенками.

Как и многие хищники, щенята гиеновых собак начинают есть твердую пищу в очень

раннем возрасте — примерно около месяца. Постепенно щенки все более жадно стараются урвать себе толику мяса, которое приносят им взрослые. Через два дня после того, как я видел первую кормежку щенков, маленький самец, Демон, сунул голову прямо в пасть Лилии, когда она открыла рот, чтобы отрыгнуть мясо. С невероятной поспешностью Демон схватил мясо, прежде чем оно успело выпасть, и сглотнул, так что остальным щенкам ничего не досталось. После этого щенята почти всегда совали головы прямо в открытые пасти взрослых.

Поначалу щенкам, видимо, трудно было справиться с большими кусками мяса, которые нельзя проглотить целиком. Начинались дикие свалки, в кусок разом вцеплялись несколько щенят и каждый тянул его к себе. Нередко в такую свалку вмешивалась Ведьма, и когда ей доставался кусочек, она его глотала, по тут же отрыгивала обратно. Как-то раз двое щенят тянули за разные концы кусок кожи, Демон помчался к ним, но впопыхах не заметил входа в нору и провалился.

С тех пор как щенята начали есть мясо, Юноне, должно быть, стало нелегко получать свою долю: все взрослые явно предпочитали кормить малышей. Каждый раз, когда стая возвращалась с охоты, Юнона бежала навстречу, отчаянно тыкалась носом в морду то одной, то другой собаке, скулила, повизгивала и виляла хвостом. Иногда кто-нибудь из охотников откликался на ее просьбы — чаще всего это был Чингиз, — но обычно собаки прыжками уходили от нее и спешили накормить щенят. Юноне, чтобы не голодать, приходилось вмешиваться в свалку щенят и таскать мясо у них. Как и следовало ожидать, за это ей то и дело влетало от Ведьмы или от Черной Феи.

Но не надо думать, что Юнона понапрасну выпрашивала пищу только потому, что занимала последнее место в стае, — в другой стае собак, за которой я наблюдал, кормящая мать занимала очень высокое место и, тем не менее, ей почти ничего не доставалось от других собак. Как и Юнона, мать охраняла у норы свой выводок, и ей приходилось точно так же врываться в кучу щенят, чтобы перехватить немного принесенного охотниками мяса. Однако она успевала нахватать больше, чем ей было нужно, потому что немного спустя обычно отрыгивала часть съеденного щенкам.

У этой собаки щенки родились в самый разгар миграции, когда равнины покрывала густая трава. Гиеновым собакам было обеспечено изобилие: все остальные собаки в стае — семеро самцов — охотились два раза в день, на рассвете и вечером, и почти всегда удачно. А это было необходимо, потому что у собаки был неслыханно большой помет, да и щенки росли не по дням, а по часам. Я считал и пересчитывал несколько дней, пока не уверился, что в логове не меньше шестнадцати щенят. Одна гиеновая собака принесла в неволе девятнадцать щенят, но трое родились мертвыми; вполне возможно, что в помете этой самки тоже были мертворожденные щенята.

У кормящей гиеновой собаки двенадцать-четырнадцать сосков, и шестнадцать щенят никак не могли сосать одновременно. Но я с удивлением заметил, что у них никогда не бывало драк за место. Несколько щенят держались поодаль, терпеливо дожидаясь, пока насосутся первые. Правда, зачастую мне казалось, что последние щенки не успевают наесться, как мать уже уходит: по времени эта мать кормила столько же, сколько матери с гораздо меньшими выводками, от двух с половиной до трех минут.

Самка гиеновой собаки обычно кормит щенят стоя, так что малышам приходится вставать на задние лапки, чтобы дотянуться до сосков. Иногда они держатся, перебирая передними лапками по брюху матери, а иногда опираясь на спину или голову другого щенка. Прекращая кормление, мать просто-напросто переступает через щенков и уходит. Но мать шестнадцати щенят, окруженная целой толпой, обычно, кончая кормить, прыгала прямо через их головы, так что на какую-то долю секунды можно было видеть такую картину: два ряда заданных вверх мордочек с разинутыми ртами, и кое-кто по инерции еще сосет воздух. Часто один или два щенка опрокидывались, теряя равновесие, когда соски, к которым они было присосались, внезапно вырывались у них изо рта и исчезали.

У собаки, о которой я говорю, все трудности возникали из-за огромного количества

щенят в помете. У Юноны же были свои заботы. Первая сложность, как вы уже знаете, состояла в том, что Ведьма, доминирующая самка, прогоняла Юнону от ее собственных щенят. Тогда Юнона стала кормить их прямо в норе. Но щенята быстро росли, и, должно быть, там, внизу, во время кормежки становилось тесновато. Юноне пришлось снова кормить щенят наверху. Два дня все шло прекрасно — Ведьма, наверное, примирилась с тем, что Юнона должна исполнять свой материнский долг. Юнона подходила к норе, вызывала щенят тихим повизгиванием, как домашние собаки, и мирно кормила их. Но затем на нее появилась новая напасть — вместе со щенятами ее стали сосать Черная Фея и Ведьма. Сначала мы видели, как взрослые собаки облизывают соски после щенят, но немного погодя, насколько нам удалось заметить, они уже сосали как заправские сосунки. Когда подходила какая-нибудь из самок высшего ранга, Юнона растягивала губы в улыбке, виляла хвостом и покорно шлепалась на землю, а щенки и взрослые тут же присасывались к ее соскам и не давали ей подняться, пока не наедались. Два раза я видел, как Юнону сосет Баскервилль, иногда на это решалась и Лилия, четвертая самка. Однажды она прибежала раньше Ведьмы, но, увидев, что та несется со всех ног, струхнула и, стараясь поскорее убежать, нырнула прямо под брюхо Юноны, разметав сосавших щенков во все стороны.

Я никак не мог понять, почему взрослые собаки ведут себя так странно. Не потому ли, что стоит сухая, жаркая погода? За первые недели жизни щенков не выпало ни капли дождя, а до ближайшего источника воды — протухшей лужи, — по нашим сведениям, добрых полтора десятка километров. Конечно, это не такая уж даль для гиеновых собак, но они ни разу не пили, когда мы следовали за ними. Другой ученый, два месяца наблюдавший за стаей, в которой были щенки, тоже ни разу не видел, чтобы собаки пили. И все же один раз Юнона, по-видимому, уходила пить — когда мы утром приехали к логову, ее там не было, а часа через полтора она показалась на горизонте, рысцой возвращаясь со стороны протухшей лужи. Безусловно, кормящая мать нуждалась в возобновлении запасов жидкости гораздо больше, чем все остальные собаки; во время дождя Юнона жадно слизывала воду с собственной шерсти и с шерсти других собак. Но даже когда полил дождь, Ведьма и Черная Фея не перестали сосать: должно быть, это уже вошло у них в привычку.

От этой привычки страдала не только Юнона: Ведьма и Черная Фея занимали так много места, что некоторым щенкам не удавалось добраться до сосков, и обе самки порой почти скрывались под кучей ползающих и карабкающихся щенят, которые старались протиснуться к матери. Однажды я видел, как два щенка дергали Черную Фею за остаток хвоста — может, они просто играли, но, скорее всего, они старались оттащить ее в сторону.

Тянуть за хвост — любимая игра щенят гиеновой собаки, и Юнонины малыши, принимаясь играть, таскали друг друга за хвосты и за уши, не жалея сил. Очень часто они тянули за хвосты и взрослых, которые отдыхали поблизости. Но Юнона старалась не потакать в этом своим отприскам. Один раз я видел, как маленький Демон подкрался сзади (точь-в-точь как взрослые собаки, скрадывающие добычу) и бросился на материнский хвост. Юнона молниеносно обернулась и пугнула его, широко открыв пасть. Щенок не испугался, снова прыгнул и принялся, негромко порыкивая, тянуть ее за хвост. Юнона опять пригрозила ему, но щенок не унимался. Когда он в пятый раз дернул ее, Юнона цапнула его за нос. После этого она устроилась в прежней позе, положив морду на лапу, а Демон остался сидеть, не сводя глаз с хвоста. Он взглянул на ее морду, потом опять посмотрел на хвост и, бросив последний взгляд на морду матери, встал и побрел в сторону.

Черная Фея вела себя совсем иначе. Однажды, когда она спала, щенок Бесенок подкрался к ней сзади, прыгнул и укусил за хвост. Она мгновенно обернулась, словно испугавшись, но не сдвинулась с места, только лягнула задней лапой. Лапа угодила щенку прямо в грудь, и Бесенок покатился кубарем, как маленький пушистый шарик, метра на два в сторону. Медленно поднявшись на лапки, он взорвался на спокойно лежащую Черную Фею и побрел прочь. Тем временем к Черной Фее начал подкрадываться Демон. Вот он подпрыгнул, ухватился за ее хвост и потянул изо всех силенок. На этот раз Черная Фея даже не оглянулась — просто лягнула: Демон взвился в воздух и шлепнулся на землю, подняв

тучу пыли. С минуту он так и сидел, не двигаясь и глядя на развалившуюся на земле Черную Фею. Потом встал, подошел к Бесенку, и оба поползли к ней бок о бок, прижимаясь к земле и двигаясь с величайшей осторожностью. Они были примерно в тридцати сантиметрах от ее хвоста, когда она подняла голову и посмотрела на них — они тут же прижались к земле и замерли. Тогда Черная Фея вскочила, перевернула их носом и радостно вылизала одного за другим, как будто хотела показать, что это была всего лишь игра.

Меня удивило, что за все семь недель, пока мы наблюдали за логовом, взрослые собаки ни разу по-настоящему не играли с щенками. Два года назад, во время моего первого, очень краткого знакомства со стаей Чингиз-хана, собаки играли охотно, особенно после еды или хорошенько выспавшись. Игры у них были довольно буйные: двое становились на дыбки, упираясь передними лапами в плечи друг другу, и кусали один другого за шею, а потом начинали носиться кругами, перепрыгивая друг через друга на всем скаку. Особенно отличались Стриж и Баскервилль: перепрыгнув через товарища, они часто успевали крутануть полное сальто, прежде чем приземлиться. Тогда в стае тоже было логово с щенками — мать за эти годы, видимо, ушла куда-то или погибла, — но кругом паслись мигрирующие стада, трава была зелена, а лужи с чистой водой попадались на каждом шагу. Может быть, от такого изобилия у собак и было игривое настроение. Собаки стаи, за которой мы долгое время наблюдали в кратере Нгоронгоро, где было вдоволь пищи и воды, тоже часто играли.

И все же один раз, когда щенки Юноны были совсем маленькие, разыгрались и взрослые. Это было утром. Джейн, посадив в машину Лакомку, приехала вслед за мной, чтобы понаблюдать за гиеновыми собаками. Как всегда в это время года, над равнинами дул сильный ветер. Какое-то время Лакомка сидел в машине тихо, как мышь, — рисовал картинку. Но вот произведение искусства было закончено, и автор высунулся из окна, чтобы я тоже мог полюбоваться на его работу. Картина была нарисована на большом листе бумаги с перегибом посередине, и ветер в мгновение ока вырвал ее из рук Лакомки. Бумагу несло по земле, и собаки отскакивали от нее в сторону или пытались ее напугать коротким и хриплым лаем. Но вскоре они, по-видимому, поняли, что этот предмет не так уж страшен, и Черная Фея со Стрижом и Баскервиллем бросились в погоню. Вот Черная Фея прыгнула наперерез бумаге, но тут же опрометью кинулась прочь, сделав при этом дикий прыжок, — внезапный порыв ветра швырнул лист прямо ей в морду. Но потом все снова понеслись за бумагой. Стриж поймал ее зубами, подбросил и взвился вверх громадным прыжком, догоняя добычу, подхваченную ветром. Под конец Черная Фея трусцой вернулась к норе: в зубах у нее болтались несколько мокрых от слюны обрывков. Она легла, немного пожевала их и выплюнула бумажную кашицу.

Ветер, все дни напролет дующий над равнинами, — важный и постоянный фактор в жизни всех обитающих в Серенгети живых существ. Мы в своем лагере частенько проклинали его — он сыпал пыль нам в глаза и в еду, уносил в степную даль драгоценные записи и медленно, но неуклонно разрушал наши палатки. Постоянное хлопанье износившихся полотнищ порядком действовало на нервы: за новое полотнище приходится выкладывать чуть ли не сто фунтов стерлингов!

Однажды утром, когда за собаками наблюдал Джейф, я сидел в лагере и печатал на машинке. Ветер все расходился и расходился и наконец завыл с такой яростью, что я уже не слышал собственного голоса с магнитофонной пленки. Выглянув, я увидел, что полнеба затянуло тяжелыми черными тучами, а к западу от озера содовую пыль вихрем взмело вверх не меньше чем на километр. Солнце все еще светило, и пыль сверкала снежной белизной на черном фоне ненастного неба. Зрелище было грандиозное, но мне было не до созерцания всей этой красоты — наши палатки могло вот-вот сорвать и унести. Мы с Джейн и двумя африканскими помощниками минут пятнадцать носились как оглашенные, прикручивая оттяжки и застегивая молнии на палатках, хотя ветер разодрал боковое полотнище одной палатки, точно это была папиросная бумага. И все же нам еще повезло. Одни мои знакомые путешествовали по национальным паркам Восточной Африки в составе большого сафари.

Однажды глубокой ночью они мирно спали, как вдруг, откуда ни возьмись, на лагерь налетел ураган и две большие палатки взлетели и унеслись по воздуху, оставив перепуганных обитателей, судорожно вцепившихся в свои постели, на милость разбушевавшихся стихий. Разорванные в клочья палатки наутро сняли с деревьев, росших возле лагеря. У наших палаток пол пришит к стенкам, и я иногда подумываю, что будет, если налетит ураган посильнее, — ведь он, пожалуй, возьмет да и унесет вместе с палатками и нас, и наши пожитки.

Ветер, видимо, не дает спокойно жить даже гиеновым собакам. В первый раз я обратил на это внимание как-то утром, когда солнце только вставало и свистящий над равнинами ветер нес холодный ночной воздух. Щенята спали в уютной глубокой норе, а взрослые собаки отдыхали кто где, только Стриж, Ведьма и Черная Фея лежали бок о бок. Ветер постепенно усиливался, и остальные собаки стали придвигаться поближе к этой тройке. Каждый вновь прибывший старался пристроиться с подветренной стороны, чтобы тела товарищей заслоняли его от прямого ветра. Последним подошел Желтый Дьявол, старый пес с половинкой хвоста, и, конечно, тоже улегся с подветренной стороны. Не тут-то было — через несколько минут Ведьма, лежавшая на самом ветру, встала и улеглась под боком Желтого Дьявола. Вскоре ее примеру последовали Черная Фея и Стриж, и мало-помалу все собаки перекочевали на другую сторону, предоставив Желтому Дьяволу защищать их от ветра. Возможно, он оказался выносливее других — полчаса никто не трогался с места. Но в конце концов он не выдержал и тоже перешел на подветренную сторону. За последующие шесть минут все собаки вновь одна за другой переменили место, и Желтый Дьявол снова оказался под ударами ветра. Это повторилось еще дважды, в том же порядке, пока под горячим солнцем сильный ветер не превратился из напасти в благодать. Впоследствии мы с Джейфом не раз наблюдали такие сцепы по утрам, когда было холодно, и всегда Желтый Дьявол выдерживал напор ветра дольше, чем другие собаки.

Мы ни разу не видели, чтобы щенки отдыхали в одной группе со взрослыми собаками, и когда задувал холодный ветер, они неизменно прятались в нору. Ведь для щенков гиеновой собаки, как и для маленьких гиен и шакалов, норы служат убежищем от всех угроз внешнего мира. Я видел, как щенки Юноны ныряли под землю при малейшем намеке на опасность — будь то птица, пролетевшая низко над головой, приближение гиены или другого животного, внезапное появление взрослой собаки из собственной стаи и т. д. Но случай, который я никогда не забуду, произошел однажды ранним утром. Когда я подъехал к логову, очертания местности едва проступали в предрассветной дымке. Низко на горизонте лежало длинное черное облако, но вскоре из-за него выкатился темно-алый шар солнца. И тут я увидел, что четверо щенят, затаившись у выхода из норы, насторожив ушки, во все глазаглядят на солнце; секунда — и все нырнули в глубину логова. По не прошло и пяти секунд, как из-за края норы потихоньку высунулись четыре мордочки с наморщенными лбами, словно озабоченные разгадкой великой тайны. Вдруг как по мановению руки все головы опять попрятались, и тут же снова стали понемногу высовываться — сначала большие уши, за ними изборожденные морщинами лбы. Когда их глаза поднялись до уровня травы, окружавшей логово, щенята замерли, не сводя глаз с солнца. Ума не приложу, чем оно так заворожило их в это утро, — конечно, если они глазели именно на солнце. Вполне возможно, что они смотрели на что-то другое, чего мне не было видно. Но Джейф потом клятвенно уверял меня, что как-то утром щенята опять разыгрывали «чертика в табакерке», их головы то выскакивали из норы, то ныряли обратно, пока стайка облачков чередой проходила перед солнечным диском.

Все мое внимание было занято раскрытием взаимоотношений двенадцати взрослых собак в стае Чингиз-хана, и поэтому мне не удалось тщательно понаблюдать за поведением щенят. Я научился различать их, дал каждому имя, но слишком мало следил за ними, чтобы судить о характере отдельных особей. Если у них и был заводила, то, безусловно, не кто иной, как Демон. Сразу было видно, что он никому не уступит, и еду он выпрашивал у взрослых настойчивее, чем остальные, и только он на моих глазах отважился потянуть за

хвост самого Чингиз-хана. Если двое щенят затевали свалку и один с визгом пытался удрать, все остальные немедленно бросали свои игры, мчались на этот визг и, как орава мальчишек-сорванцов, налетали на нытика. В такую переделку попадал то один щенок, то другой, но так уж получалось, что Демон всегда оказывался во главе атакующей шайки.

По мере того как щенки подрастали, взрослые становились строже. Ведьма, не отличавшаяся большим терпением, молниеносно оборачивалась к чересчур настырному щенку и, широко раскрыв пасть, прижимала его шею к земле, как рогаткой, и держала так несколько секунд. Эта форма внушения была общепринятой, а подвергавшийся наказанию щенок почти всегда громко верещал, пока его не отпускали.

Разбушевавшегося щенка иногда призывали к порядку, быстро, хотя и не сильно, кусая в морду или в шею, и, как правило, виновный опрокидывался на спину, поднимал вверх все четыре лапы и лежал так, пока взрослая собака не отходила в сторону. Больше всего влетало щенкам во время кормежки — они никак не отставали от взрослых, даже если те отрыгивали уже два раза подряд. Однажды щенок, прозванный Бесенком, так надоел Чингизу, что тот налетел на него, куснул за шею и наподдал носом — щенок кубарем покатился в пыль. Визжал он, словно его резали, но, судя по всему, остался цел и невредим.

У взрослых собак стремление отрыгнуть пищу для щенка выражено очень сильно. В стае, которую один ученый наблюдал в кратере Нгоронгоро, единственная самка погибла, когда ее щенкам едва исполнилось пять недель. Но взрослые самцы продолжали заботиться о щенках — они день за днем возвращались к логову и кормили малышей, пока те не подросли и не смогли присоединиться к охотничим вылазкам стаи.

Некоторые зоологи утверждают, что отрыгивание пищи — ответная реакция на «выпрашивание» и повизгивание щенят или на «попрошайничество» взрослых. Но это не совсем так — я видел, как взрослые собаки, мирно отдыхавшие несколько часов, вдруг подходили к играющим или отдыхающим щенкам и без всякого принуждения отрыгивали мясо на землю. Случается даже, что взрослая собака, отрыгнув мясо раз или два после возвращения с охоты, огрывается, отгоняя неотвязного щенка, а немного спустя отрыгивает пищу еще раз. Иногда это происходит спустя несколько часов после возвращения к логову.

Когда щенкам было примерно шесть недель от роду, я видел, как все они вместе со стаей к вечеру перешли в новое логово, метрах в сорока от родной норы. Мне до сих пор не ясно, с чего началось переселение: все собаки разом всполошились, забегали, повизгивая и приветствуя друг друга, а потом вся стая в сопровождении щенков двинулась по равнине. Возможно, у гиеновых собак есть особый сигнал, который означает: «Следуй за мной!» Пока это всего лишь предположение, которое может подтвердиться только после тщательного анализа подробных магнитофонных записей. Но что бы ни было причиной первого в жизни похода щенят от родной норы, они послушались этого призыва. Стая подошла к логову, которое состояло из трех расположенных рядом нор. Пока щенята с интересом принюхивались к новому месту, Ведьма и Черная Фея метались от одной норы к другой — то примутся копать, то бросят и побегут к следующей норе. Казалось, они никак не могут решить, какая нора больше подходит для щенят. Юнона предоставила двум доминирующими самкам заниматься обследованием нор, а сама все пыталась взять в зубы одного щенка. Но стоило ей приподнять его, как он выскользывал и шлепался на землю. Не могу сказать, куда она собиралась перетащить щенка, — Черная Фея вдруг заметила это и, налетев на Юону, укусила ее в шею; конечно, щенок тут же увернулся и удрал.

Через некоторое время суматоха усилилась — все восемь щенят приняли участие в беготне вместе с Ведьмой и Черной Феей. Демон сунулся было в нору за Черной Феей, но тут же вылетел как пулья в облаке пыли — она начала лихорадочно копать.

Минут через десять и Ведьма, и Черная Фея остановили свой выбор на самой, с их точки зрения, подходящей норе — только вот норы они выбрали разные. Черная Фея схватила одного щенка за шкурку на спине и в сопровождении еще двух щенят скрылась в приглянувшейся ей норе. В ту же минуту Ведьма, ухватив другого щенка, влезла в свою нору. Я заметил, что Юнона тоже пытается взять в зубы щенка, но каждый раз, когда она

примеривалась, чтобы захватить его шкурку на шее или на спинке, он кувыркался на спину, подставляя ей круглое брюшко, а когда мать пробовала перевернуть его носом, он принимался отчаянно барахтаться и отбиваться лапами. Наконец Юнона схватила его зубами за ухо и волоком потащила по земле, но тут Черная Фея выскочила из своей норы и, не теряя ни секунды, подлетела к Юоне и цапнула ее за шею. Щенку и на этот раз удалось унести ноги.

Но еще большая неразбериха началась, когда обе доминирующие самки стали таскать щенка за щенком, каждая в свою нору: стоило оставить захваченного щенка, как он тут же выскакивал обратно — на разведку. Я видел, как Ведьма три раза «отметила» места вокруг выбранной норы. А когда она снова попыталась забрать в зубы щенка, Черная Фея подскочила и не отдала его — она просто-напросто улеглась на малыша сверху, но в то же время юлила перед Ведьмой, лизала ее в морду и изо всех сил виляла хвостом.

Пока я был занят этой забавной сценкой, Юнона вдруг бодрой рысцой тронулась прочь, отказавшись от всяких попыток извлечь щенят обратно из нор. Минуту спустя за ней побежал Чингиз, за ним — Стриж, а следом одна за другой потянулись и остальные взрослые собаки. Я очень удивился — ни разу еще мне не приходилось видеть, чтобы мать первая из всей стаи бросила своих детенышей. Ведьма оставалась с щенками дольше всех — она стояла у входа в свою нору, окруженная малышами, и смотрела вслед стае. Но когда Юнона, отбежав метров на пятьдесят, вернулась к щенкам, Ведьма бросилась догонять остальных собак. Так бы Юнона со своими щенятами и осталась на произвол судьбы, если бы не Черная Фея. Она все время оглядывалась на бегу, а когда собаки отбежали от логова метров на сто, круто повернула и со всех ног бросилась обратно. Собаки остановились. Сначала Ведьма, потом Стриж, а за ними и все остальные постепенно вернулись обратно к норам.

Когда Черная Фея и следом Ведьма налетели на Юону, она прижала уши, присела, почти касаясь брюхом земли, и раздвинула губы в трусливой улыбке. Это были знаки самого глубокого смирения, но все же обе самки набросились на нее, наперебой кусая шею. Юнона повалилась набок и лежала не двигаясь, а Ведьма и Черная Фея вдвоем схватили одного щенка и потащили в нору. Но пока они устраивали его в норе, Юнона вскочила и рысью побежала к своей старой норе, до которой было метров сорок. Оставшиеся семь щенков побежали за ней. Теперь у Ведьмы и Черной Феи не было времени на расправу с матерью — минут пять кряду они носились как безумные, стараясь собрать щенят и водворить их в новое жилище. Но стоило им изловить и сунуть в нору какого-нибудь щенка, как он мгновенно выскакивал и устремлялся к матери. В конце концов обе доминирующие самки объединили свои усилия для преследования одного щенка — Бесенка, они снова и снова ловили его и запихивали в нору. Но тут прибежали с приветствиями Стриж и Баскервилль, и пока они бегали от Ведьмы к Черной Фее и обратно, Бесенок улучил момент и дал тягу. Вскоре он уже был вместе с матерью и другими щенятами в своей родной норе.

Этот эпизод заслуживает особого внимания. Хотя в то время далеко не все было ясно, но, поразмыслив на досуге, я понял, что Юнона продемонстрировала пример чрезвычайно любопытного поведения. Ничто не говорило о том, что самой ей хотелось перевести щенят в другую нору: я видел, как на новом месте Юнона старалась утащить щенка. Поскольку на нее нападали, как только она пыталась это сделать, я не смог узнать, куда она собиралась вести щенят. Вполне возможно, что она только одного и хотела — вернуть щенят обратно в старую нору. А если это так, то не подстроила ли она общий выход на охоту нарочно? Быть может, она догадывалась, что если стая уйдет, за ней уйдут и обе доминирующие самки и тогда она переведет своих щенят, куда захочет.

Не столь уж маловероятная ситуация, как кажется на первый взгляд. Точно такое же поведение мы наблюдали у шимпанзе. Часто, когда молодому самцу не удавалось получить свою долю бананов — рядом были самцы постарше, которые задали бы ему взбучку, вздумай он потянуться за плодами, — он вставал и нарочно уходил прочь. Крупные самцы, которые к тому времени уже успевали набить себе животы, поднимались за ним, и все остальные шимпанзе тоже шли следом. Минут через десять молодой самец возвращался и в

одиночестве мирно наслаждался бананами, которые мы ему давали. Это повторялось слишком часто, чтобы попасть в разряд случайных совпадений. Значит, не так уж несостыдно выглядит предположение, что гиеновая собака применила подобный трюк; будущие наблюдения покажут, правильно оно или ошибочно.

На следующее утро после попытки переселить щенят я нашел их играющими возле норы, которую Ведьма отметила накануне вечером. Как видно, доминирующие самки в конце концов добились своего. Но щенки недолго оставались на месте: это первое переселение положило начало целой серии переходов, хотя каждый переход был не больше нескольких сотен метров. Ни в одной норе щенки не задерживались надолго — всего несколько дней, и они двигались дальше. На протяжении этих последних двадцати дней — с первого «переезда» до окончательного ухода стаи — взрослые собаки становились все более непоседливыми: было очевидно, что они стараются «поставить щенят на ноги», приучить их постепенно к кочевой жизни.

Конечно, есть и другие причины для смены логова. Например, один исследователь видел гиеновую собаку, которая перетаскала всех своих щенят в нору за тысячу метров от первой после того, как около старой норы стали появляться львы. Гиеновых собак обычно беспокоит приближение львов. Однажды я видел, как старый предводитель стаи возле озера Лгарья стоял и хрюпал лаял, глядя в сторону двух львов, которые находились на противоположном берегу озера, в добром километре от стаи. В другой раз я ехал следом за двумя самками гиеновой собаки, очень встревоженными близостью львиного прайда. Собаки то и дело поднимались на задние лапы, чтобы рассмотреть львов поверх высокой травы, почти закрывавшей их.

Когда щенятам Юноны исполнилось примерно два месяца, стая окончательно покинула логово. Я был к этому подготовлен. Во-первых, окружающие логово равнины с каждым днем становились все суще и пустыннее; во-вторых, я знал, что щенки гиеновых собак отправляются в странствия примерно в этом возрасте. И несмотря на то, что я ждал ухода собак, какое острое разочарование я почувствовал, когда, приехав утром к логову, где еще вечером резвились щенки, увидел, что собаки исчезли. Вставало солнце, и мой взгляд ничего не мог отыскать на простиравшихся кругом бескрайних равнинах. Ни одного признака, по которому я мог бы узнать, куда ушли собаки. Я так долго, день за днем, следил за этой стаей, что на меня напало чувство какого-то странного одиночества и заброшенности, когда я вел свою машину куда глаза глядят в надежде, что счастливый случай снова сведет меня с собаками.

Часы шли за часами, и дневная жара затягивала все вокруг знойной дымкой; глаза у меня воспалились и устали от беспрерывного высматривания собак на просторах равнин. Джекф тоже отправился на поиски, но и ему не повезло. Как я мечтал о маленьком самолетике — ведь стаю бродячих собак на просторах Серенгети можно искать, только облетая огромные пространства по утрам и на закате (обычное время охоты гиеновых собак). Но даже и тогда наблюдателя ждут бесчисленные затруднения, потому что гиеновые собаки, когда их не связывает логово с подрастающими щенками, скитаются по необозримым просторам степей, покрывая громадные расстояния.

До сих пор я близко наблюдал гиеновых собак, которые передвигались по сравнительно небольшой территории — около тысячи трехсот квадратных километров — в районе озера Лгарья. Мне известно, что территория другой стаи включает Нааби-Хилл и находящуюся на расстоянии пятидесяти километров Серонеру, но возможно, что это только малая часть их охотничих угодий: есть сведения, что одна стая в Южной Африке охотилась на территории, занимавшей минимум четыре тысячи квадратных километров.

Прошел почти месяц с тех пор, как стая Чингиз-хана покинула район логова, и вот однажды вечером, возвращаясь в лагерь, я снова повстречал своих собак. Я сразу же узнал эту стаю — в ней были Черная Фея и Желтый Дьявол, у которых недоставало по полхвоста, а когда собаки побежали ближе, я стал узнавать и других. Шествие замыкала Черная Фея в сопровождении восьми щенков.

Я последовал за ними. Собаки прошли всего километра полтора, когда впереди показалась гиена, и шестеро взрослых собак бросились в погоню; впереди всех неслась Черная Фея. Догнав гиену, собаки принялись кусать ее за ляжки, но если раньше я видел, что они ограничивались несколькими укусами, то тут началась дикая травля. Подъехав ближе, я увидел, что они уже хватают за круп свою злосчастную жертву; вскоре рычание гиены сменилось воплями, и она бросилась бежать. Время от времени она останавливалась и, широко раскрыв пасть в жуткой гримасе, пыталась обороняться зубами от своих мучителей. Но когда она кусала одну собаку, другая забегала сзади, и гиене приходилось снова бежать. Вскоре я увидел, что у нее по задним ногам стекает кровь. Наконец она добежала до какой-то ямы и, развернувшись, залегла в этом убежище, так что на виду оставалась одна лишь голова с грозными зубами. Только теперь преследователи отошли и вернулись к стае.

Меня особенно заинтересовало то, что именно Черная Фея возглавила атаку, поскольку раньше, в районе логова, мы заметили, что она питает резкую неприязнь к гиенам. Бывало, даже уходя на охоту со стаей, Черная Фея мчалась назад, нападала на гиену, слонявшуюся возле логова, и кусала ее до тех пор, пока та не удирала со всех ног. Два раза, отогнав наконец непрошенную гостью, Черная Фея уже не знала, куда ушла стая, и ей волей-неволей приходилось оставаться у логова с Юноной и пропускать охоту. Я часто задумывался, нет ли какой-нибудь особой причины для ненависти, которую Черная Фея питала к гиенам; быть может, когда она была щенком, именно гиена откусила ей полхвоста?

Следуя за стаей Чингиз-хана с трехмесячными щенками, я думал об их странствиях с тех пор, как они покинули логово. Солнце село, и на смену ему на востоке взошла почти полная луна. Вскоре собаки превратились в цепочку теней на сером, лишенном всякого цвета фоне равнины. И я снова почувствовал себя членом стаи, тем более что ехал я, не включая фар, чтобы не спугнуть возможную добычу собак. В лунном свете я напряженно вглядывался вперед, надеясь увидеть яму, прежде чем окажусь в ней.

Почти все время собаки трусили вперед, только Ведьма и Стриж, бежавшие рядом, дважды остановились и отметили мочой одну и ту же куртинку травы. Через некоторое время я увидел, что за нами вприпрыжку бегут три гиены, иногда игриво огрызаясь друг на друга. Одна из них (все три были старые самки) схватила другую за хвост, и обе, продолжая играть, покатились по земле. Потом они вскочили и снова побежали рядом со стаей. Казалось, что гиены в отличном настроении и предвкушают какое-то особое удовольствие.

На этот раз собаки вели себя совсем иначе: на одинокую гиену они напали, а эту тройку почти совсем не замечали; даже Черная Фея только пугнула их несколько раз, когда они оказались слишком близко от щенят. Ночью гиены всегда становятся более нахальными и агрессивными; может быть, и собаки в темныеочные часы больше считаются с гиенами, да и сама собой, три гиены — не то, что одна.

Пробежав в ровном темпе около восьми километров, собаки остановились и улеглись, разбившись на маленькие группки.

Я подвел машину поближе, выключил мотор и подготовился ждать. Некоторое время все было тихо и спокойно. Я совсем было собрался налить себе чашечку кофе, как вдруг в призрачном свете луны заметил три толстые тени — три гиены, прижавшись боками и вытянув носы, подбирались к спящей собаке. Словно зачарованный, смотрел я, как они тихо подползают к ней сзади. Мне не было видно, что произошло, потому что эти толстяки заслонили от меня собаку. Но вдруг собака — это был Желтый Дьявол — вскочила на ноги, и ночную тишину разорвало громкое рычание; еще шесть собак налетели и окружили гиен, пытаясь вцепиться в нарушителей покоя. Гиены разбежались: через минуту воцарилось безмолвие, и собаки, свернувшись калачиком, уснули.

Но вскоре, к моему удивлению, гиены возвратились, и опять сантиметр за сантиметром поползли на брюхе, подбираясь к Желтому Дьяволу. На этот раз я отлично видел в бинокль, как носы гиен понемногу оказались примерно в трех сантиметрах от круп собаки. Затем одновременно все гиены, высунув языки, быстро лизнули основание хвоста Желтого Дьявола. И опять ночь наполнилась рычанием, собаки вскочили, налетели на гиен и снова

прогнали их прочь. Потом собаки улеглись все вместе, большой кучей, и взрослые, и щенки. Желтый Дьявол не сразу присоединился к остальным, а сначала присел в сторонке и освободил кишечник. Не успел он отойти и возобновить прерванный отдых, как одна из гиен подскочила и жадно съела весь помет.

Я уже не раз видел, что гиены едят помет гиеновых собак — очевидно, это для них действительно лакомое блюдо; но мне и в голову не приходило, что гиена для удовлетворения своих странных прихотей отважится лизать собаку под хвостом.

Примерно час спустя Чингиз внезапно встал, и почти в тот же миг вся стая была на ногах, собаки кружили и бегали, взвизгивали и щебетали, размахивая хвостами и лизали друг друга в экстазе — это был обряд приветствия. Потом они тронулись в путь, и я снова повел машину по призрачным равнинам. А за нами по-прежнему следовали три гиены.

Вскоре собаки приостановились, вглядываясь в темноту, и я, наведя бинокль, различил впереди силуэты нескольких газелей Томсона. Стая потихоньку подбиралась к добыче. Когда началась гонка, я нажал на акселератор, но не успел проехать и двух метров, как влетел в яму. Пока я давал задний ход и выбирался из нее, я оказался в полном одиночестве. Пришлось прочесывать степь быстрыми зигзагами, и наконец я наткнулся на гиену. У нее тоже был довольно растерянный вид, но я знал, что ее огромные уши не упустят даже малейший звук, и решил следовать за ней. Мне повезло — через минуту она побежала, а еще через несколько секунд рядом с ней уже были две другие гиены.

Вскоре я увидел впереди темную массу, черневшую на фоне светлой травы, и понял, что собаки удачно поохотились. Я поспешил затормозил и схватил бинокль. Гиены, не замедляя бега, врезались в самую гущу собак и секунду спустя уже растянулись поверх добычи, прикрывая ее своими толстыми животами. Так они и лежали бок о бок, изворачиваясь и вертясь во все стороны, с истерическим хихиканием огрызаясь и щелкая зубами, а собаки лезли и лезли к ним со всех сторон, пытаясь укусить. Но гиены, несмотря на укусы, держали оборону до тех пор, пока из темноты не подоспело подкрепление. Собакам пришлось отказаться от добычи, и они тронулись рысью в ночную тьму.

Ждать мне пришлось недолго: собаки погнали еще одну газель Томсона. На этот раз, удачно минуя ямы, я сумел держаться наравне с Юноной, Желтым Дьяволом и щенятами. Эта небольшая группа довольно сильно отстала от стаи. Очень скоро Юнона и Желтый Дьявол остановились и стали напряженно прислушиваться. Потом пробежали еще немного и снова остановились и прислушались. Было ясно, что они сбились со следа. Вдруг из темноты донесся странный, тонкий, как флейта, голос: «уу» — зов потерявшейся гиеновой собаки; через несколько минут к нам подбежали Чингиз и два других самца. Внезапно их громадные уши уловили какой-то неслышимый для меня звук, и они помчались со всех ног, так что я едва поспевал за ними.

Когда мы присоединились к пирующей стае, Чингиз, Желтый Дьявол, два самца и Юнона бросились рвать добычу, а щенята улеглись метрах в тридцати от остальных. Обычно молодые собаки спешат к добыче, как только охота заканчивается, и, пока они не наедятся досыта, старшие стоят вокруг и смотрят. Когда я подъехал поближе, то увидел, что рядом шныряли две гиены, которые старались — хотя и тщетно — урвать кусочек чужой добычи. Может быть, из-за гиен щенки и не решались подойти: они всегда избегали этих хищников с мощными челюстями, хотя я ни разу не видел, чтобы гиена схватила щенка.

Покончив с добычей, несколько взрослых отрыгнули мясо для молодых. Потом стая снова побежала рысью по равнине. Но вскоре в небе заблистали зарницы и луна скрылась в тучах, предвещавших наступление короткого периода дождей. Я больше не мог следовать за собаками; как ни грустно, пришлось выключить мотор и, завернувшись в одеяло, устроиться в кузове в ожидании утра. Я хорошо знал, что на следующий день мне уже не найти свою стаю.

Из ряда разрозненных наблюдений на протяжении шести лет за разными стаями я постепенно сумел воссоздать картину развития щенят гиеновой собаки после того, как они покинут логово. Одна из этих стай была особенно интересна: в ней было восемь щенят и

всего трое взрослых, двое из них — самцы. Как-то ночью щенки остались совсем одни, пока стая охотилась. Когда взрослые умчались за газелью Томсона, щенята, пробежав следом метров сто, сбились в кучу и легли. Через пять минут они вдруг вскочили и стали всматриваться туда, откуда пришли: казалось, их что-то встревожило. И правда, я заметил неясную тень гиены, которая подходила, внюхиваясь в следы на земле. Щенята немного отбежали и снова остановились, уставившись в ту сторону, где была гиена. Вскоре показалась и она, неторопливо вынюхивая следы щенят. Трава поднималась высоко, и гиена, должно быть, не видела щенят — они снова бросились бежать. Я с интересом отметил, что гиена подходила довольно близко четыре раза подряд, но каждый раз щенята отбегали не больше чем на тридцать метров. Если бы они убежали дальше, взрослые, вернувшись минут через пятнадцать после начала охоты, могли бы их потерять. А так щенята мгновенно увидели их, и вскоре стая под предводительством трех взрослых собак уже мчалась по озаренной луной равнине, пока не достигла туши газели Томсона. Взрослые, как видно, еще до возвращения за молодыми успели набить животы — большая часть мяса была уже съедена, но теперь они встали в сторонке, пока насыщались молодые. Если бы добычу захватили гиены, пока собаки бегали за щенятами, взрослые, несомненно, накормили бы детенышней отрыжкой. По восемь голодных ртов — не пустяк, и все остались бы голодными, так что собакам скорее всего пришлось бы снова охотиться. Теперь же все наелись досыта и довольные побежали дальше; потом улеглись и проспали до утра, прижавшись друг к другу.

Совершенно непохожей на эту была другая стая — двенадцать взрослых собак и всего один щенок примерно пяти месяцев от роду. Они затравили за одну ночь двух газелей Томсона. Во время первой погони щенок бежал с тремя взрослыми, но еще до конца охоты безнадежно отстал: он стоял и озирался по сторонам. Но вот из темноты показались двое взрослых: щенок вне себя от радости бросился им приветствовать, и вся тройка помчалась к добыче. Там, поздоровавшись еще с несколькими взрослыми, щенок набросился на добычу, и через несколько секунд все взрослые собаки отошли в сторону, осталась только мать щенка. Два раза взрослые пытались, виляя хвостами, подойти к добыче, и каждый раз щенок угрожающее бросался на них, и они отступали. Во время следующей охоты, часа через четыре, щенок держался сзади, но не отставал, а когда добычу свалили, даже не пытался подойти к тушке. Теперь, очевидно, все тринадцать собак были сыты, и стая мирно проспала остаток ночи, растянувшись на земле в ярком лунном свете.

Нужно упомянуть еще об одной стае. В нее входили пять взрослых собак, среди которых был только один самец. Это довольно необычное сочетание, так как в большинстве стай самцов больше, чем самок. Да впридачу в стае было еще одиннадцать щенят моложе года. В первую вечернюю охоту эта молодежь присоединилась к погоне, но вместе со взрослым самцом сильно отстала от четырех самок. Когда теленка гну повалили, молодые прибежали и вместе со старшими стали потрошить добычу, но очень скоро, к моему немалому удивлению, взрослые отошли и смотрели, как наедались молодые. Мне и в голову не приходило, что взрослые собаки в стае уступают место молодым, когда те уже настолько подрастают: они почти не отличались от старших ростом, разве что были более легкого сложения.

Когда с теленком гну было покончено, взрослые тут же стали охотиться снова. Добычи хватало — стая находилась в гуще мигрирующих гну и почти у каждой антилопы был маленький теленок. Первая охота закончилась очень быстро, но вторая затянулась. Несколько раз собаки всей стаей бросались к какому-нибудь стаду гну, а потом стояли и смотрели, как оно бежит мимо. Вскоре всех антилоп охватила паника, и тут Джейн — она была со мной в машине — увидела, что большая группа гну галопом несется прямо на наш лагерь. С того места, откуда мы наблюдали за собаками, были видны зеленые полотнища двух палаток, и мы едва не поддались порыву бросить собак и мчаться к палаткам — все ли там благополучно? Но ведь там оставалась мама Джейн, и мы были уверены, что, заслышав громоподобный топот и увидев тучи пыли, светящейся в золоте заката, она, не теряя ни минуты, схватит Лакомку и укроется с ним в фольксвагене, как в крепости. Конечно, так она

и сделала.

На следующий день мы снова видели эту стаю на охоте, и снова собаки затравили теленка гну. На этот раз прямо на стаю наскочила группа осиротевших телят, и молодые собаки самостоятельно прикончили двух из них, правда, один раз им помогла взрослая самка. Потом она вместе с остальными четырьмя взрослыми стояла в стороне и смотрела, как молодые едят. Когда от туши ничего не осталось, пятеро взрослых загнали добычу для себя — молодые даже не пытались к ним присоединиться.

До сих пор мне не удавалось уловить момент перехода от положения щенка, которому дана привилегия кормиться в первую очередь, к положению взрослой собаки. Возможно, это удалось бы только при условии постоянного или почти постоянного наблюдения за стаей на протяжении нескольких недель кряду. Нелегкое дело! Как я уже говорил, стая гиеновых собак может странствовать на площади до четырех тысяч квадратных километров. Более того, многие ученые считают, что на этих необозримых пространствах у собак нет ни проторенных путей, ни особо предпочитаемых участков; стая просто бродит там, где больше добычи, и маршруты этих скитаний меняются от месяца к месяцу, от года к году.

Но стая Чингиз-хана дважды дала мне повод думать, что это не совсем так, и, безусловно, доказала, что гиеновые собаки отлично знают по крайней мере некоторые участки своих охотничьих угодий. Первое наблюдение было сделано, когда я следовал за стаей ночью в короткий период дождей. Чингиз повел собак по равнине, затем через пологий холм и вниз к луже с водой. Если бы собаки, напившись, побежали в прежнем направлении, я предположил бы, что на лужу они наткнулись по чистой случайности, но Чингиз повел стаю обратно, и они снова пробежали те же шесть километров. Может быть, они почувствовали запах воды? В то время я не мог ответить на этот вопрос, но полгода спустя, в разгар сухого сезона, та же стая доказала мне, что собаки прекрасно знают расположение всех водопоев на некоторых участках своих угодий.

Следуя за стаей по степи, я увидел, что Чингиз слегка изменил направление и привел стаю к высохшей луже. Собаки немного постояли, принюхиваясь, и побежали дальше. Я не обратил на это внимания. Но еще через десять километров собаки, поднимаясь на невысокий гребень, внезапно побежали быстрее. Там они остановились и посмотрели вниз — и эта лужа тоже пересохла. Мне показалось, что собаки разочарованы: минут десять они бегали вокруг, принюхиваясь к сухому песку. Я убедился, что стая пришла сюда, чтобы напиться — яма была видна только с расстояния в несколько метров, а так как она высохла, ни вид, ни запах воды не мог быть причиной отмеченного мной внезапного рывка вперед на подходе к этому месту. Интересно, что и гиеновые собаки, и гиены пьют каждый день и часами валяются в воде или в грязи, когда воды много, но, очевидно, они способны долгое время обходиться совсем без воды.

Возможно, что в пределах громадных охотничьих угодий стаи есть определенное место, в котором гиеновые собаки предпочитают выводить щенят. Вне всякого сомнения, самки из стаи Чингиз-хана на протяжении трех лет воспитывали свое потомство в районе Нааби-Хилл. Правда, между двумя логовами было по меньшей мере километров пятнадцать, но при таких необозримых охотничьих угодьях это сравнительно небольшие расстояния. Я знаю другую стаю, которая дважды выращивала щенят в том же месте, да и Луис Лики рассказывал мне об одной стае, которая неизменно возвращается в Олдувай, чтобы вырастить свое потомство. Такое излюбленное место можно назвать «гнездовым участком» данной стаи.

Разумеется, ни одна стая гиеновых собак не может удержать за собой все свои необъятные охотничьи владения — участки нескольких стаек неизбежно перекрывают друг друга. В двух случаях — их разделяли два года — я видел, как стая Чингиз-хана изгоняла чужие малочисленные стаи со своих гнездовых участков. Еще одна небольшая стая бродила вокруг гнездового участка стаи Чингиза на протяжении примерно десяти недель (исключительно редкий случай, когда стая без щенят остается на такой долгий срок на небольшой площади), но немедленно и навсегда покинула эти места в тот день, когда

вернулась стая Чингиза.

Различные стаи настроены по большей части дружелюбно друг к другу. Трижды к стае Чингиз-хана присоединялись собаки из других стай, которые бродили и охотились вместе с ней какое-то время. И хотя я ни разу не видел момента встречи, отношения между старыми членами и новичками в такой разросшейся стае были вполне мирные.

Почему одних собак изгоняют, а другим разрешают присоединиться к стае? Я считаю, что тут очень большую роль играет предыстория данной собаки. Например, одна стая в национальном парке Микуме несколько лет насчитывала примерно сорок особей. На этой стадии она начала распадаться на три отдельные группы, которые время от времени встречались, бродили и охотились вместе. Должно быть, они надолго запоминают и приветливо встречают прежних товарищ по стае: ведь если собаки способны запоминать отдельные ямы с водой в своих охотничих угодьях, им не так уж трудно запомнить старых спутников и товарищей по охоте. Однако старые собаки, знавшие друг друга до того, как стая разделилась, в конце концов умирают, а молодые все меньше и меньше узнают друг друга, так что постепенно при встрече двух таких групп дружественные отношения могут смениться агрессивностью. Но все это, конечно, домысел чистейшей воды: только многолетние наблюдения подтверждают или опровергнут эти предположения.

Когда одна стая вступает на участок, занятый другой стаей, собаки обычно заранее узнают об этом по запаху, причем они не только узнают по отметкам мочой и экскрементами, что здесь «другие собаки», — возможно, вновь прибывшие расшифровывают эти пахучие сигналы еще более тонко: устанавливают, что здесь присутствуют «именно эти собаки», а не какие-то другие. И в случае необходимости «нарушители» могут потихоньку удалиться, избегнув встречи с местными собаками.

Отметки запахом, свойственные многим млекопитающим, часто непосредственно связаны с разметкой границ территории, составляющей часть личного участка животного, который оно готово защищать от чужаков своего вида. Однако гиеновые собаки, насколько нам известно, не имеют собственной территории и не могут патрулировать границу, отмечая ее предостерегающими сигналами, как это делают многие хищники. Но когда стая охотится, одна из доминирующих собак останавливается время от времени возле какой-нибудь куртинки высокой травы и, подняв заднюю ногу, пускает небольшую струйку. Ведьма и Стриж в стае Чингиз-хана чаще других отмечали траву таким образом, а порой к ним добавляла свою отметку другая собака. Меня всегда забавлял Желтый Дьявол: он очень редко подходил к такому месту и всем своим видом старался показать, что для него это дело нестоящее. Быстро обнюхав траву, он поднимал ногу на какие-нибудь два-три сантиметра от земли и обычно вовсе не смачивал ее мочой. Самое большое — и то как бы по ошибке — это была «приписка» к «посланию» в виде одной-двух капелек.

Выдвигались предположения, что отметки запахом эволюционно развились из непроизвольного мочеиспускания или испражнения животного, напуганного незнакомой обстановкой или непривычной ситуацией. Считают, что постепенно новая обстановка становится менее угрожающей, так как животное окружено собственным знакомым ему запахом. Разумеется, отметки запахом приобрели со временем целый ряд дополнительных функций: несомненно, они помогают разминувшимся членам стаи отыскать друг друга, указывают на владельца данной территории, на состояние самки и на то, отыскала она подходящую пару или нет.

У самок гиеновых собак, как и домашних, стремление отмечать предметы своим запахом возрастает непосредственно перед началом периода течки и в течение этого периода. Особенно ярко это проявилось в стае из четырех собак, которую мы регулярно наблюдали на протяжении почти десяти недель. В стае было два самца и две самки, и наблюдать их поведение было не только интересно, но и необыкновенно смешно.

По пятам за доминирующей самкой, которая широко оповещала всех о своем состоянии, следовал доминирующий самец. Каждый раз, когда «отмечалась» она, бросался вперед и отмечал то же самое место и он. Быть может, он присоединял к ее объявлению

краткое предостережение, адресованное любому возможному сопернику, случись тому проходить мимо, и гласящее, что о самке есть кому позаботиться и того, кто будет лезть без спросу, ждут крупные неприятности. Самец не только принаршивал свое предостережение буквально *к тому же месту*, которое отмечала она, но иногда вспыхах «отмечался» точно *в тот же момент*. А это, естественно, было не так просто: вообразите себе пару собак, стоящих бок о бок, почти касаясь друг друга, и самец старается попасть в те же травинки, которые отмечает его дама. Если он поднимет заднюю ногу вбок в тот момент, что и она, они просто оттолкнут друг друга. Поэтому самец откалывал чисто акробатический номер, под стать дрессированной цирковой собаке: вставал на передние лапы, подняв задние в воздух и держа туловище вертикально. Чувство равновесия у него было потрясающее — он мог даже пройти несколько шагов в таком положении. Этот трюк позволял ему орошать те же травинки совершенно одновременно с самкой; их запахи смешивались, и никто из проходящих мимо не оставался в заблуждении: дама полностью приняла близость своего поклонника.

Мы наблюдали еще двух самок в течке из разных стай. В одной стае мы не знали иерархии среди составлявших ее особей: на протяжении нескольких дней наблюдений лишь один самец сделал садку на самку. В другой стае за самкой ухаживали и спаривались с ней по очереди два самца — и ни один из них не был доминирующим. Самка «отмечалась» часто, и как только она отходила, следом за ней на том же месте «отмечался» доминирующий самец. Остальные шесть самцов, включая и ее поклонников, только обнюхивали это место или начинали кататься на нем.

За каждой из трех самок, которых мы наблюдали в период течки, следовал по пятам ее поклонник — часто он шел, буквально уткнувшись носом ей в круп. Каждый из поклонников то и дело оттеснял свою самку, если она слишком близко подходила к другим самцам — отталкивал ее мордой или боком. Когда самка стояла, самец часто клал голову ей на плечо или на спину, а если она ложилась, укладывался рядом, опираясь на нее с видом собственника.

Ухаживание было довольно коротким: отдохнув рядом с самкой, самец поднимался и начинал царапать и толкать ее одной лапой, а когда она вставала, делал садку. Здесь следует упомянуть один факт: утверждалось, что гиеновые собаки отличаются от других представителей семейства собачьих тем, что у них не происходит «вязки» во время спаривания. А на самом деле во всех случаях, когда мы наблюдали спаривание, «вязка» имела место. Но в отличие от домашних собак, которые могут оставаться связанными до двадцати минут, у гиеновых собак это время обычно не превышает пятидесяти секунд, хотя несколько раз оно затягивалось до трех — пяти минут.

С самого начала исследований нас больше всего интересовала иерархия доминирования, или «порядок клевания», в стае гиеновых собак. Многократно заявлялось, что ничего подобного нет, но читатель не мог не убедиться в том, что такая иерархия существует. Во всех стаях, которые мне удавалось наблюдать больше недели, я обнаруживал некоторые указания на определенный иерархический порядок, хотя бы среди отдельных особей. Почему же таких выводов не сделали другие наблюдатели? Ситуация, на мой взгляд, напоминает семью, где родители прекрасно понимают друг друга, а дети-подростки хорошо воспитаны и ладят со взрослыми. Много дней подряд родителям не приходится делать детям замечания, разве что иногда нужно ласково пожурить. Мать или отец могут что-то приказать детям, используя при этом свое доминирующее положение, но если наблюдатель не знает их языка, он, возможно, и не поймет, что происходит. И только когда возникает ситуация, резко нарушающая привычное поведение, например скора, наблюдатель получит возможность разобраться в иерархическом положении отдельных членов семьи.

Точно так же дело обстоит и с гиеновыми собаками. Члены стаи обычно хорошо знают друг друга, и ситуации, которые заставляют одну или нескольких собак утверждать свое доминирующее положение, возникают чрезвычайно редко. Только став свидетелем возникновения таких ситуаций, я научился правильно истолковывать собачий «язык» —

положение ушей, хвоста и всего тела.

Во всех стаях, за исключением стаи Чингиз-хана, было сравнительно легко выявить иерархические взаимоотношения среди самок, но именно самки стаи Чингиз-хана научили меня, что нужно примечать, на что обращать внимание. Ведьма, как мы уже видели, занимала высокое положение. Когда она проявляла легкое недоброжелательство по отношению к одной из самок, она просто стояла, подняв голову, насторожив уши, а хвост, свисающий вниз, был совершенно неподвижен. Если же она была настроена более агрессивно, она слегка опускала голову и подходила к самке, держа шею параллельно земле и опустив уши, но ее хвост по-прежнему не шевелился. Иногда она приближала нос к шее подчиненной, а порой, если к тому находился повод, и кусала ее.

Юнона, стоявшая на низшей ступени иерархической лестницы, сразу же замечала малейшие признаки агрессивности любой другой собаки. Она тут же реагировала на это, опуская голову носом вниз и прижимая уши назад. По мере приближения доминирующей собаки она все быстрее и быстрее виляла хвостом, а часто и приседала, прижимаясь к земле. Если же ей недвусмысленно угрожали, она падала на землю, как подкошенная, и чаще всего перекатывалась на спину, вытягивая задние лапы. Иногда она еще и растягивала уголки губ — это была улыбка, выражавшая страх.

Черная Фея, занимавшая по отношению к Ведьме подчиненное положение, была в то же время выше Юноны и вела себя с Ведьмой менее подобострастно. Она не припадала к земле с улыбкой страха, а обычно лизала и покусывала губы доминирующей самки или несколько раз подряд терлась подбородком о ее голову. Но она тоже прижимала уши и неистово виляла хвостом.

Один из самых интересных жестов подчинения у гиеновых собак, который и самые низшие, и более высокие по рангу животные демонстрируют перед доминирующими особями, — это «подставление шеи»: подчиненная особь слегка отворачивает морду и подставляет согнутую шею доминирующему животному. Таким образом, животное убирает в сторону свое единственное оружие — зубы и, следовательно, демонстрирует отсутствие каких-либо агрессивных намерений. Но зачастую это подставление шеи, очевидно, вызывает внутреннее смятение у подчиненного животного: в нем борются, с одной стороны, желание умилостивить сильнейшего, отвернув зубы, а с другой — желание выказать дружбу, облизав его морду, или стремление защититься в случае необходимости, а для этого нужно повернуть морду к «противнику». Этот конфликт проявляется в целой серии взмахов головой, когда движения «к противнику» и «от противника» в быстрой последовательности следуют одно за другим, подавляя и сменяя друг друга.

К. Лоренц в своей знаменитой книге «Человек находит друга»² описывает подставление шеи как жест подчинения у волков и домашних собак. Опубликовав эти данные, Лоренц стал мишенью нападок, обвиняющих его в неточности наблюдений. Р. Шенкель, наблюдавший за американскими волками, чепрачными шакалами и домашними собаками, утверждает, что шею подставляют только доминирующие особи. Во-первых, это хорошая исходная позиция для того, чтобы ударить противника задней частью тела (как это делают шакалы); во-вторых, эта поза полна уверенности, и подчиненное животное не решается укусить. Шенкель высказал предположение, что в подобных сценах Лоренц мог спутать доминирующую и подчиненную животные.

Но когда я наблюдал такой жест у гиеновых собак, это был совершенно очевидный знак подчинения, характерный для особей низшего ранга; позднее, увидев этот жест, столь же несомненно выражавший подчинение у обычных шакалов, я снова вспомнил наблюдения Лоренца. А потом, когда я спросил де ла Фуэнте, который хорошо знает европейского волка, наблюдал ли он подставление шеи у подчиненной особи, он с некоторым удивлением ответил мне, что это один из самых широко распространенных

---

² Лоренц К. Человек находит друга. — М.: Мир, 1977.

жестов подчинения.

Так что Лоренц был абсолютно прав — вероятно, европейские волки отличаются от американских больше, чем полагал Шенкель. Я же могу сказать только одно: подставление шеи — один из самых обычных жестов подчинения, который я чаще всего наблюдал в любой стае гиеновых собак.

Но одна черта в поведении гиеновых собак, которая более других повинна в столь широкой распространенности мнения об отсутствии субординации в стае, — это обряд приветствия. В разгар этой короткой и суматошной сцены, как правило, совершенно невозможно разобраться, какое положение занимают отдельные животные, и единственный способ понять это — всецело сосредоточиться на поведении одной-единственной собаки. Но и тут ранг этой собаки может остаться загадкой — сцена приветствия превратилась в настолько четкий ритуал, что каждая собака повторяет те же движения, что и ее товарка, с которой она здоровается. Так, если Ведьма сновала среди собак, насторожив уши и подняв хвост, Юнона делала то же самое. Обе лизали друг друга в губы и постепенно наклоняли головы все ниже к земле словно состязаясь, кто опустит ниже. Очень возможно, как я уже замечал, что эта церемония демонстрирует подчинение особи интересам стаи и, таким образом, обеспечивает успешное сотрудничество всех собак во время охоты. Мне было интересно узнать, что и волчья стая, имеющая очень четкую систему иерархии доминирования, также совершает накануне охоты обряд приветствия, поразительно напоминающий церемонию у гиеновых собак.

Еще один факт поддерживал ошибочное утверждение, что «никакой иерархии нет»: когда собаки поедают добычу, между ними почти никогда не вспыхивают драки. Но и в этом случае — стоит только понаблюдать за стаей подольше — всегда удается проследить за признаками, указывающими на иерархию внутри группы.

В стае, состоявшей из девяти взрослых собак, было два отщепенца: доминирующие особи неизменно прогоняли их, как только они приближались к добыче. Одним из этих незадачливых псов был молодой самец, настолько сильно хромавший, что бегать ему приходилось на трех лапах, и меня очень удивляло, что его гнали прочь, — как мне известно, стая иногда кормит отрыжкой своих покалеченных товарищей.

За этой стаей мне удалось проследить всего в течение нескольких дней; в эти дни стая загнала трех газелей Томсона и упорно не подпускала к мясу калеку и второго, старого самца. Хромому приходилось совсем плохо — насколько я мог судить, ему перепала всего одна небольшая косточка газели. И все же, несмотря на такое враждебное с виду отношение стаи, не было никаких признаков того, что он или старик-самец были изгоями в каком-нибудь другом отношении. Как-то раз, прогнав от туши гну гиену, несколько шакалов и бесчисленную тучу падальщиков, вся стая больше часа дожидалась, пока хромой самец старательно отдирал от костей несколько высохших клочков мяса, а если гиена подбиралась чересчур близко к туще, собаки бросались вперед и помогали хромому отогнать ее. А в другой раз, когда на него напала целая группа разъяренных самцов гну, стая примчалась на помощь калеке и разогнала ее.

Размышляя впоследствии над этим эпизодом, я предположил, что столь необычное поведение, возможно, обусловлено тем, что одна из двух самок была в течке. Именно ее поклонник и отгонял этих двух собак от добычи чаще всего: быть может, их приближение к его самке, а не к его добыче вызывало у него такую агрессивную реакцию.

Другие примеры постоянной агрессивности среди взрослых собак у добычи мы видели лишь в стае из четырех собак, которую Джек, Роджер и я постоянно наблюдали на протяжении десяти недель. Первые несколько недель доминирующая самка всегда отгоняла от добычи подчиненную, часто нападая на нее. Вдобавок и самцы, поодиночке или оба разом, присоединялись к доминирующей самке и вместе с ней набрасывались на подчиненную; это разительно напоминало поведение щенят — они непременно сбегаются и всем скопом налетают на того, кому пришлось хуже всех в грубой и подчас жестокой игре. Но когда собаки не ели, доминирующий самец частенько спешил на помощь подчиненной

самке, если доминирующая нападала на нее, — он проскальзывал между ними и тихонько отталкивал доминирующую самку, а то и недвусмысленно угрожал, едва не тыкаясь носом ей в шею. Но через несколько недель после начала наших наблюдений доминирующая самка по неизвестным нам причинам смилиостивилась и разрешила своей бывшей противнице питаться спокойно и мирно.

О системе доминирования мы очень многое узнали, наблюдая именно за этой маленькой стаей, и особенно после того, как примерно через месяц у доминирующей самки началась течка. С этого момента доминирующий самец, как я уже рассказывал, почти не отходил от нее. Самец номер два и раньше выказывал уважение высшему по рангу, теперь же он и подавно старался держаться как можно дальше от этой парочки. Правда, иногда у нас создавалось впечатление, что сама самка номер один желала предъявить свои права на все и на вся — время от времени она как бы невзначай подходила ко второму самцу. Ее поклонник постоянно был настороже, подстерегая эти попытки измены, и даже спать укладывался так, чтобы поместиться между своей дамой и соперником. Если она оказывалась в опасной близости к другому, он бережно оттеснял ее боком. Порой она делала вид, что не понимает намека, и все же проскальзывала мимо (с самым невинным видом), но едва она подбиралась к подчиненному самцу на несколько метров, ее поклонник считал нужным принимать меры к устранению соперника. Ему не приходилось тратить особых усилий — злосчастный подчиненный, заметив соблазнительные авансы самки, начинал праздновать труса и добровольно убирался подальше от искушения. А если он не успевал отступить заблаговременно, малейшая угроза со стороны самца номер один заставляла его спешно уносить ноги куда-нибудь подальше.

В самый разгар течки у доминирующей самки доминирующему самцу почти не удавалось передохнуть. Стоило его даме отойти от него на полтора-два метра, как он начинал волноваться; побегал к ней, лизал ее, бежал к тому месту, где она только что лежала, тщательно отмечал его, мчался к подчиненному самцу. Тот никогда не ложился ближе чем в пятнадцать метрах, но видя приближение доминирующего самца, отходил еще дальше. Пылкий поклонник ограничивался тем, что старательно отмечал место, с которого сигнал соперника, тотчас же спешил обратно к своей даме и укладывался у нее под боком, пытаясь хоть немного передохнуть — но какой уж тут отдых!

Взаимоотношения двух доминирующих собак и подчиненной самки очень напоминали мне отношения, сложившиеся между Ведьмой, Черной Феей и Лилией в стае Чингиз-хана. В этом своеобразном треугольнике Лилия часто старалась быть поближе к Ведьме, как будто близость к доминирующей самке могла придать ей больше веса в стае. Но не тут-то было — Черная Фея, которая явно придерживалась того же мнения, не теряя ни минуты, втиралась между ними. И если в стае из четырех собак подчиненная самка старалась быть поближе к самцу номер один, то доминирующая самка немедленно их расталкивала. Это особенно бросалось в глаза, когда собаки отдыхали. Самец номер один и самка номер один почти неизменно укладывались рядом, а самка номер два обычно тоже ложилась около них. Она никогда не устраивалась поблизости от доминирующей самки, если рядом не было доминирующего самца, — возможно, она рассчитывала на его заступничество. Но и рядом с ним она никогда не ложилась, если здесь же не было доминирующей самки, — наверное, если бы она на это решилась, она восстановила бы против себя более сильную самку и даже вызвала бы нападение с ее стороны. Иногда меня просто поражало, до каких тонкостей доходит подчиненное животное, стараясь избежать неприятностей.

Боюсь, что высокоученные коллеги осудят меня за приписывание животным человеческих чувств, но я не могу не сказать, до какой степени меня потрясло открытие, что животное может лелеять жажду мести. И я приведу пример.

Все это началось, когда я вновь встретил стаю Чингиз-хана — примерно через два месяца после того, как щенки Юноны покинули логово. Стая вернулась на свой гнездовой участок, и я наткнулся на нее совершенно случайно, потому что занимался в то время гепардами. Тем не менее я сразу же отложил всю другую работу и решил оставаться со

своими собаками как можно дольше. Так прошла почти неделя. Луна совсем не показывалась, и каждое утро я находил собак поблизости от того места, где оставил их накануне вечером.

В первый вечер стая свалила добычу после необычайно затянувшейся погони. Щенята были еще раза в четыре мельче взрослой собаки и очень отстали, а когда подбежали к добыче — это была газель Томсона, — от нее уже почти ничего не осталось, и они принялись клянчить мясо у взрослых. Ведьма сразу же вняла их мольбам и отрыгнула немного мяса. Черная Фея тоже подбежала к щенкам и начала отрыгивать мясо рядом с Ведьмой. Что именно спровоцировало нападение Ведьмы, я не знаю, — возможно, она вообразила, будто Черная Фея собирается съесть мясо, которое она, Ведьма, отрыгнула. Как бы то ни было, она внезапно налетела на Черную Фею и стала кусать ее за шею. Стриж незамедлительно присоединился к этой атаке.

И тут Лилия, увидев, как Черная Фея припала к земле, уклоняясь от двух доминирующих собак, вихрем налетела на нее. Ведьма и Стриж кусали не слишком сильно, а Лилия с первого же раза рванула до крови: она грызла шею Черной Феи так, что вскоре по передней лапе ее жертвы уже струилась кровь.

Но если Лилия решила воспользоваться этой минутой, чтобы взять верх над Черной Феей, то она сильно просчиталась. Как только Ведьма и Стриж оставили Черную Фею в покое, та стала мстить, не теряя ни секунды. Двадцать минут кряду она гоняла Лилию по степи, и та, позабыв о своем минутном торжестве, со всех ног удирала от разъяренной соперницы.

Очевидно, этот случай резко нарушил привычную систему взаимоотношений четырех самок. Несколько дней Черная Фея спуску не давала Лилии, и очень часто эти две и Юнона сцеплялись, когда стая терзала добычу. Бросалось в глаза, что Юнона стала гораздо менее угодливой и покорной, чем раньше. Может быть, теперь, когда она больше не мешала самкам высшего ранга возиться с щенками, на нее уже не бросались так часто и внезапно, как раньше, и она постепенно набралась храбрости? Во всяком случае, я никак не ждал, что между Юноной и Черной Феей разразится столь драматическая схватка.

Обстоятельства сложились не совсем обычно, и их надо вкратце обрисовать, чтобы стало ясно, почему драка происходила в отсутствие Ведьмы: если бы при этом была доминирующая самка, все могло бы кончиться иначе. Мимо стаи пробегала небольшая группа из пяти чужих гиеновых собак, направляясь к Нааби-Хилл, и стая Чингиз-хана разделилась: Ведьма, Лилия и большинство взрослых самцов помчались в погоню за чужаками, а Черная Фея и Юнона вместе с Желтым Дьяволом и еще одним самцом остались возле щенков.

За несколько дней до этого я заметил, что между Черной Феей и Желтым Дьяволом возникла какая-то странная близость. Может быть, их соединяло то, что у обоих было по полхвоста. Дружба эта казалась мне довольно неожиданной, но собаки постоянно бежали бок о бок или сворачивались на земле рядышком друг с другом. Желтый Дьявол с не свойственной ему энергией отмечал те же куртинки трав, что и Черная Фея. Я упоминаю об этом потому, что это могло быть связано с причиной драки.

Драка вспыхнула, когда щенята лежали тесной кучкой, а четверо взрослых стояли и смотрели вслед исчезнувшей стае. Юнона, проходя мимо Желтого Дьявола, приостановилась, и он попытался ее лизнуть. По-видимому, Черная Фея решила, что это грубое вмешательство в ее личные отношения со старым самцом. Как бы то ни было, она понеслась к Юноне, поставив уши торчком и воинственно подняв хвост кверху. Юнона и не подумала спасаться бегством, а бросилась ей навстречу, и через секунду обе собаки взметнулись на дыбы, опираясь передними лапами о плечи друг друга. Эта поза ничем не отличалась от той, которую я так часто видел во время игр взрослых собак, но тут игрой и не пахло — Черная Фея мертвой хваткой вцепилась в горло Юноны. Через несколько секунд Юконе удалось вывернуться и в свою очередь схватить противницу за горло. Черная Фея цапнула Юнону за ухо и оторвала кусочек кожи, однако Юнона ни на секунду не разжала

зубов, сцепленных на горле врага. Но вот Черная Фея молнией взвилась вверх и, извернувшись в воздухе, ударила Юнону лапами. Та выпустила ее горло и неуверенно отступила.

Минутный перерыв, и обе снова поднялись на задние лапы, поочередно и быстро кусая друг друга за горло. Небольшие пятна крови появились на шее обеих собак, уши были порваны. Примерно через пять минут после начала схватки Юноне удалось по-настоящему вцепиться в Черную Фею, глубоко запустив зубы ей в горло. Вскоре кровь потекла в пасть Юноне и закапала на землю.

Черная Фея всегда была моей любимицей, и я застыл в ужасе, глядя, как она бьется, безуспешно пытаясь вырваться. Ее движения заметно слабели, а через несколько секунд она стала опускаться все ниже, бессильно свесив голову на сторону. Внезапно она испустила душераздирающий вопль и свалилась на землю, а Юнона разжала зубы и стояла, задыхаясь, над неподвижным телом; кровь все еще медленно капала у нее из пасти. Потом она отбежала трусцой и уселась неподалеку, зализывая свои раны.

Я был уверен, что Черная Фея мертва, но секунду спустя она осторожно подняла голову. Юнона бросилась к ней, и Черная Фея застыла, как мертвая, — очевидно, признавая свое поражение. Юнона опять потрусила прочь. Следующие десять минут, как только Черная Фея отваживалась пошевельнуться, Юнона бросалась на нее, но в конце концов она позволила бедняге встать на ноги. Тут уж Черная Фея сама себя превзошла, проявляя полную покорность: она лизала губы и пасть Юноны, виляя хвостом и прижимая уши, растягивая губы в угодливой улыбке. Она недвусмысленно показывала, что, по крайней мере в данное время, полностью признает превосходство противницы. Судя по всему, этого было достаточно; смерть прошла мимо, Юнона не требовала наказания по высшей мере.

Во время драки Желтый Дьявол и второй самец оставались со щенками где-то в стороне. Один раз Желтый Дьявол подошел поближе, как будто собирался тоже принять участие в сражении, но отступил — должно быть, напуганный яростью и одержимостью самок. Но когда группа побежала следом за остальной стаей, он по-прежнему трусил рядом с Черной Феей. Я ехал за ними, пока мог, но вскоре стемнело, а на следующий день стая Чингиз-хана ушла из этих мест.

Когда я снова встретил ее через полтора месяца, Юнона занимала уже второе место в иерархии самок, уступая лишь Ведьме. Очевидно, все утряслось, потому что самки больше не ссорились над добычей, и ничто не напоминало о том трудном периоде, который, видимо, выпал на долю Черной Феи. К тому времени начался уже короткий период дождей и вся равнина была покрыта зеленою травой и усеяна стадами гну и зебр. Взрослые собаки часто и подолгу играли. Они гонялись по степи друг за другом и за щенками. Стриж крутил сальто, перелетая через Ведьму, Черная Фея и Желтый Дьявол прыгали друг на друга, как щенята, а щенята таскали один другого за хвосты.

Щенят было по-прежнему восемь — в этом отношении стае повезло: множество щенят пропадает в первые недели скитаний. Но в стае произошло одно очень важное событие — старого предводителя Чингиз-хана уже не было в живых.

Обыкновенные шакалы Дерзкие прихлебатели

День клонился к вечеру, но солнце все еще пыпало в небе, когда я ехал за парой обыкновенных шакалов, пробирающихся рысцой след в след по низкой зеленою траве на равнине кратера Нгоронгоро. Самец, которого мы назвали Ясоном, поминутно останавливался возле какой-нибудь куртинки травы, поднимая лапу, как домашний пес, отмечал ее своим запахом и трусил дальше. А его самочка, Яшма, каждый раз, подбегая к такой куртинке, добавляла свой запах к запаху самца и пускалась его догонять.

Эта пара находилась в разгаре ухаживания, и, хотя тогда я еще не знал об этом, они отмечали границы своей территории — той территории, где позже будут выращивать щенят

и где, весьма возможно, уже не раз выводили потомство. Вдруг я заметил, что Ясон застыл на месте, как изваяние, а шерсть у него на загривке, спине и хвосте встала дыбом. Яшма остановилась рядом; оба настороженно взглядывались в одно и то же место. Тут и я увидел третьего шакала — он лежал, свернувшись клубком, и, кажется, спал. Верхняя губа у Ясона приподнялась, и он, ощерившись, подошел и остановился в угрожающей позе над лежащим чужаком — спина выгнута дугой, голова и уши опущены, пасть открыта, белые зубы обнажены. Третий шакал, как мне показалось, прижался к земле.

Секунда — и они сцепились. Уследить за отдельными движениями было совершенно невозможно, противники метались как молнии, но когда чужак сделал попытку к бегству, Ясон кинулся на него и цапнул за шею; несколько секунд они стояли на задних лапах, стараясь укусить один другого за шею или за морду. Вдруг чужак сорвался с места и понесся прочь, а Ясон с Яшмой помчались за ним, но скоро остановились и только провожали его глазами, стоя плечом к плечу: очевидно, отступающий враг убежал достаточно далеко от их территории.

Через некоторое время Яшма поднялась на задние лапы, положив передние на плечи супруга, потом опустилась и принялась его вылизывать, начиная с уха. Спустя несколько минут Ясон успокоился, развалился на земле, полузакрыв глаза, а самочка приводила в порядок его золотисто-серую шерстку. Она вылизывала его двадцать пять минут, переходя с места на место и прерываясь лишь для того, чтобы почесаться самой или выкусить блоху из собственной шерсти. Когда же она кончила это занятие, Ясон минут пять наводил красоту на ней, а потом отошел, свернулся клубком и, видимо, заснул. Яшма посмотрела на него и тоже легла рядом.

У обыкновенных шакалов кратера Нгоронгоро был сезон спаривания, и следующие несколько дней я следил, как Ясон ухаживает за Яшмой — он подходил, отставив вытянутый хвост, распушив «воротник», насторожив уши. Но каждый раз, когда он пытался обнюхать ее сзади, она резко поворачивалась, щелкала зубами и отбегала от него рысцой. Обыкновенный шакал почти всегда охотится в одиночку, но в сезон спаривания самец и самка отдыхают и охотятся вместе. Так поступали и Ясон с Яшмой. Они очень часто вылизывали друг друга; Яшма обхаживала своего друга подолгу, но и он иногда тратил на это минут по пятнадцать, а то и больше. Когда они вдруг останавливались, вынюхивая что-то в траве, или «отмечались», или катались на какой-нибудь дохлой мыши или ошметке мяса, случалось, что кто-нибудь из них на минутку ставил передние лапы на плечи другому — подобное поведение я видел только в период ухаживания. Спаривание я наблюдал всего один раз, очень ранним утром, из чего заключил, что они предпочитают темное время суток.

В тот раз мы заехали в кратер совсем ненадолго, но через два месяца возвратились на полгода, захватив с собой двух студентов, которые должны были помогать нам в наблюдениях. Для того чтобы разбить лагерь возле хижины на речке Мунге, понадобились многочасовые и поистине титанические усилия. Нужно было разгрузить набитые до отказа машины, поставить палатки, разместить запасы продуктов. Освобожденный от груза прицеп стал у нас складом консервов, недоступным для шныряющих повсюду гиен, — как ни странно, эти животные почти никогда не прыгают вверх, оставаясь на земле все время, пока шарят по лагерю и ищут, чем бы поживиться. Но уж если предоставить им такую возможность, они утащат в зубах запаянную банку и изжуют ее до неузнаваемости.

Как всегда, Лакомка «помогал» нам по мере сил. И хотя он был всего-навсего десятимесячным ползунком, он все же ухитрялся просочиться в самые неподходящие места. Когда палатка разложена так, что ее остается только поставить, можете не сомневаться — Лакомка восседает в самом центре; стоит оставить на минутку тщательно запакованный ящик — и вы незамедлительно обнаружите, что Лакомка упаковался в ящик, а содержимое разбросано кругом по траве.

Но в конце концов все более или менее утряслось, и у нас осталось время, чтобы съездить до сумерек к гребню Когтистых скал. Этот невысокий холм в полутора километрах от хижины был для нас ни с чем не сравнимой наблюдательной вышкой на плоской равнине

кратера. Солнце медленно опускалось, а стада гну черными вереницами все шли и шли мимо холма к ночным пастищам. Несколько молодых гиен ревились возле своего логова; стая малых белых цапель устраивалась на ночлег на сучьях громадного сухого дерева; сквозь зеленые тростники на окраине болота неторопливо пробиралось к равнине небольшое стадо слонов. Мы сидели и смотрели, а небо наливалось золотым светом, потом заалело, и вот уже все вокруг покрылось тьмой.

Мне нужно было знать, как развиваются щенки шакалов и как меняются отношения внутри семьи по мере того, как они взрослеют. У Ясона и Яшмы, которых я наблюдал в период ухаживания, оказались щенки нужного возраста. Как говорится, это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Когда я выследил их в первый раз у самой норы, все четверо щенят были еще темными, почти черными, и я заметил, что они совсем неуверенно ковыляют на коротких лапках. Немного погодя я подъехал поближе — один щенок качнулся, ступил в сторону, налетел на второго, и они все друг за дружкой, как кегли, кувырнулись и посыпались вниз, в нору. Но мне недолго пришлось ждать, когда они появятся вновь. Глазки у них были еще мутновато-голубые и, видимо, открылись совсем недавно. Известно, что глаза у щенят шакалов открываются примерно на десятый день. Значит, этим четверым было недели две от роду.

Немного позже у логова появилась их мать, Яшма. Поначалу ее несколько смущал мой лендровер, и я отогнал машину подальше. Яшма постояла, не спуская глаз с машины, потом рысцой подбежала к норе, сунула в нее голову и несколько раз тихонько поскулила. Щенята мгновенно выскочили наверх, догнали Яшму и примерно в трех метрах от норы принялись сосать ее. Чтобы дотянуться до сосков, им приходилось вставать на задние лапы, опираясь передними о живот матери. Порой лапы у какого-нибудь щенка соскальзывали, и он повисал, изо всех силенок присосавшись к соску и отчаянно пытаясь нашарить ускользнувшую опору.

Я думал, что, пока щенята еще так малы, Ясон и Яшма будут по очереди нести вахту около них, но, хотя родители и лежали подолгу, свернувшись около норы, случалось, что малыши часами оставались совершенно одни. В первые дни наших наблюдений четверка большую часть времени сидела в норе. А когда щенки вылезали, то бродили вокруг, принюхиваясь к земле, или мирно играли, ползая друг через друга и слегка кусаясь. На третий день я заметил, как во время игры двое начали прыгать друг на друга. Им явно не хватало тренировки — они еще не умели рассчитывать не только расстояние, но и направление прыжка. Приземляясь, часто перекувыркивались и скатывались в нору. Зато, если им удавалось приземлиться на все четыре лапы, они стояли несколько секунд, не двигаясь, как будто ждали, когда же лапы снова начнут слушаться и можно будет отважиться на следующий шаг.

Ранним утром на пятый день после знакомства с щенками Ясона я впервые увидел, что к норе подбирается гиена. Щенки в это время сидели под землей, а родители спали метрах в двадцати от логова, свернувшись клубком, поодаль друг от друга. Гиена медленно направлялась к норе, время от времени останавливаясь и нюхая воздух. Подкравшись к самому входу, она сразу же сунула туда голову. Я представил себе, как в жилище щенят исчезают последние отблески дневного света и они чуют зловонное дыхание гиены. Интересно, будет ли гиена откапывать щенят?

Вдруг тишину разорвало громкое рычание. Гиена отскочила и, повернувшись, щелкнула зубами, отгоняя Яшму, которая примчалась на помощь и запустила зубы в торчащий из родной норы вражеский зад. Яшма прыгала, словно шарик ртути; метнувшись в сторону, она вдруг подняла морду к небу и испустила тонкий пронзительный вой. Гиена, внимание которой было приковано к самке, не заметила, что на этот зов на поле боя примчался Ясон. Спустя долю секунды самец уже вцепился в заднюю лапу агрессора. Гиена повернулась к нему, подставив свой тыл Яшме, которая молнией бросилась и цапнула ее за заднюю лапу. Шакалы непрерывно атаковали гиену, так что ей пришлось присесть «на корточки», чтобы прикрыть чувствительные задние лапы менее уязвимым крупом. Так, на полусогнутых лапах, она и отступала, а шакалы следовали за ней, то и дело кидаясь и кусая

ее за круп, при этом гиена выделывала потешнейшие пируэты, обороняясь с двух сторон сразу.

Этот случай напомнил мне рассказ одного американского исследователя, который видел, как пара волков отгоняла медведя-гризли от своего логова точно таким же способом — кусая его сзади. И гиена и гризли довольно неповоротливые животные, а волки и шакалы разят молниеносно — они успевают цапнуть и отскочить, прежде чем более крупное животное удосужится повернуться. Должно быть, именно поэтому им и удается прогнать противников, которые весят раза в четыре больше, чем они сами.

Дни шли за днями, и нам уже не раз приходилось наблюдать, как Ясон и Яшма отгоняют гиен, так что гиены скоро стали пускаться в обход, явно стараясь миновать негостеприимное место. Я никогда не видел, чтобы гиена ела щенков шакала, — даже когда родителей не было поблизости, гиены только совали нос в нору да обнюхивали землю кругом. Правда, год спустя я видел, как гиена начала раскапывать обитаемую шакалью нору, но передумала и ушла; еще несколько раз я был свидетелем того, как гиены гонялись за молодыми шакалами. И я не сомневаюсь, — что в голодные времена гиены могут выкапывать и поедать щенков шакалов: тактика нападения у шакалов-родителей развилась, безусловно, по веским причинам.

Мало-помалу Яшма привыкла к машине, стоящей вблизи норы, и стала больше времени проводить со своими малышами. Она их непрестанно вылизывала. Ясон временами тоже «причесывал» первого попавшегося щенка, как и свою супругу, но ему было далеко до Яшмы — она занималась туалетом щенка с истинным фанатизмом. По многу минут подряд она осторожно выкусывала выпавшие волоски или грязь из шерсти малыша, а если щенку это надоедало и он вывертывался и убегал поиграть с остальными, Яшма настигала его, опрокидывала одним движением лапы и снова принималась за дело. Покончив с одним щенком, она начинала преследовать неотступными заботами следующего. Иногда она даже присоединялась к игре своих отпрысков, но цель у нее была одна — оттеснить кого-нибудь от остальных, привлечь его к земле и подвергнуть всестороннему вылизыванию. Как-то раз, немного пробежав рядом с щенком, догонявшим своего брата, она ухитрилась прямо на бегу что-то выкусить у него из шерсти.

Конечно, все самки шакала по-матерински вылизывают своих щенят, но нам ни разу не случалось видеть, чтобы хоть одна из них проделывала это так часто и так самозабвенно, как Яшма. У многих живых существ уход друг за другом превратился в социально значимый обряд, он не только помогает содержать в порядке шерсть, но и укрепляет связь и поддерживает общение между членами группы, делая более прочными отношения самцов и самок во время ухаживания. У обыкновенных шакалов этот обряд, несомненно, несет общественные функции. Ясон и Яшма гораздо дольше приводили друг друга в порядок в период ухаживания, чем когда-либо после, а своих щенят оба родителя вылизывали гораздо дольше, чем требовалось для простой очистки шерсти. А по мере того как щенята подрастили и в каждом из них проявлялась все более яркая индивидуальность, родители ухаживали за их шерстью чаще и посвящали этому гораздо больше времени.

Кратковременное вылизывание или даже отдельные его элементы часто демонстрируются при дружественной встрече животных данного вида, например во время церемонии приветствия. Ясон и Яшма, встречаясь после разлуки, почти всегда подбегали друг к другу и быстро покусывали один другого за морду и уши. И взрослый шакал низшего ранга при встрече с более сильным сородичем тоже зачастую опрокидывается на спину — принимает позу, свойственную щенку, который просит, чтобы кто-нибудь из родителей или однопометников его вылизал.

К тому времени, когда щенятам Ясона исполнился месяц, их темная окраска приобрела бледноватый оттенок выжженной солнцем травы — подобный камуфляж сослужил бы отличную службу малышам, рожденным в сухой сезон, но для большинства щенят, появившихся, как и наша четверка, среди яркой зеленой травы, он был совсем некстати. В это время мы уже стали свободно различать своих щенят, хотя вряд ли сумели бы узнать их

вне привычной обстановки, кроме разве что Руфуса³, у которого в раннем младенчестве кто-то откусил крохотный, почти незаметный кусочек уха. В своей компании все четверо различались не только внешне (одна самка была чуть светлее сестры, а у одного самца мордочка была немного длиннее, чем у другого), но и характерами, а следовательно, и поведением.

Одна из самок, Эмба, очень быстро превратилась в такую же страстную «парикмахершу», как и ее мать. Она неотступно преследовала своими заботами остальных щенят, хотя ей частенько не везло — подрастая, щенята становились все непоседливей и почти беспрерывно играли. Порой, заметив, что мать вылизывает какого-нибудь щенка, Эмба тут же включалась в дело; впрочем, она и сама любила, чтобы с ней повозились, и поэтому иногда протискивалась между Яшмой и вылизываемым щенком. Эта уловка почти неизменно достигала цели — второй щенок пользовался возможностью удрать от матери, и Эмба занимала его место. Несколько раз я видел, как Эмба втиравась между отцом и матерью, когда они вылизывали друг друга, в конце концов кто-нибудь из них принимался и за ее шерсть.

Самый маленький щенок, последыш Синда, был гораздо трусливее всех. Она ныряла в нору, как только тень от пролетавшей птицы или облака хоть краешком падала на нее, скатывалась туда вниз головой, напуганная внезапным раскатом грома. Она немедленно сдавалась, как только игра щенят становилась слишком грубой, а чаще всего вообще держалась от них подальше — лежала одна в сторонке, пока они носились как оголтелые. И все же более сильные щенки то и дело налетали на нее или сшибали ее с ног.

Руфус был ее полной противоположностью: с самого начала он был намного смелее и предприимчивей остальных; он первый отважился отойти от норы дальше, чем на несколько метров. Как-то раз, когда ему было еще меньше трех недель, я видел, как он стал ползком подкрадываться к египетским гусям, вперевалочку шествовавшим мимо норы, причем каждый из этих шестерых гусей был раза в четыре больше его самого. И чем ближе он подползал, тем быстрее ковыляли гуси, словно им было неловко подниматься на крыло из-за такого крохотного шакаленка. Руфус, судя по всему, был к тому же очень любознательен: если возле норы расцветал цветок, Руфус непременно должен был подойти и понюхать его; стоило птице обронить перышко, и Руфус тут как тут — он первый все замечал. Шакалята, как и многие детеныши млекопитающих, любят повторять действия друг друга. Когда Руфус принимался прыгать за насекомыми, остальные тоже прыгали вслед за ним. Когда Руфус отошел на пять метров от норы и стал с наслаждением уплетать дымящийся навоз носорога, к нему скоро присоединились и сестры с братом.

Его брат Слиток казался самым игривым из всей четверки. Он постоянно приставал к кому-нибудь из однопометников, подбегая к ним с характерным потряхиванием головой, что означало:

«Хочу с тобой поиграть!» Когда остальным надоедало с ним возиться, он продолжал игру в одиночку: потянет пучок травы, будто это хвост другого щенка, да и опрокинется навзничь, когда стебли порвутся. А то подкинет зубами камешек или кусок зебрового помета высоко в воздух и прыгает на него, как только тот коснется земли. Однажды он нашел высохший, жеванный-пережеванный кусочек шкуры с шерстью и не расставался со своей игрушкой больше часу — все подбрасывал и прыгал на нее. Временами он оставлял ее в покое, но когда ему нужно было перейти на другое место, прихватывал свое сокровище с собой и снова принимался играть. А один раз я видел собственными глазами, как Слиток тряс головой, приглашая поиграть... бабочку!

Игры щенят менялись по мере того, как они подрастали. Слабые покусывания и кувырканье постепенно сменились довольно серьезными укусами, потасовками и гонками. Часто двое играющих щенков обхватывали друг друга передними лапами за плечи и

---

³ Руфус — от латинского *rufus*, что значит «красновато-коричневый, рыжий». — Прим. перев.

пытались укусить один другого за морду. Потом, потеряв равновесие, они валились на землю и продолжали играть уже лежа на земле — огрызались и отбивались задними лапами, как кошки. Нередко к двоим играющим присоединялись и остальные, так что все свивалось в один клубок из золотого меха, бьющих по воздуху лап и щелкающих зубов.

Когда мы научились различать щенят, нам стало гораздо интереснее наблюдать за их играми. Однажды Слиток нашел страусовое перо. Он осторожно принюхался к нему, а потом прыгнул на него и принял трепать, как треплет тапочку домашний щенок. Увидев подбегающего Руфуса, Слиток подхватил перо и дал тягу; Руфус тут же кинулся в погоню, к нему присоединились обе сестры. Они носились и носились кругами, пока Руфус не настиг Слитка, и, грозно рыча, они начали вырывать друг у друга перо. Вдруг Эмба вцепилась в хвост Слитка и стала тянуть — любимый вид спорта! Слиток огрызнулся, и перо досталось Руфусу. Игра продолжалась больше часа, пока от пера не осталось несколько жалких пушинок.

В другой раз я видел, как Руфус и Слиток гонялись друг за другом вокруг небольшого участка высокой травы. Внезапно Руфус остановился, повернулся и, когда Слиток вылетел из-за угла со всей скоростью, на какую только были способны его короткие лапки, бросился на него в лобовую атаку. Затем Руфус снова кинулся бежать, но, пробежав немного, опять остановился и повернулся, поджидая братца, как в первый раз. Да не приметил головенку на вытянутой шее, которая глядела на него сквозь траву, а Слиток прыгнул прямо через заросли и приземлился на спину брата. Оба щенка встали на задние лапы, пытаясь укусить друг друга за морду. Но вот на поле битвы появилась Синда. Несколько секунд она присматривалась, а потом прыгнула и сшибла обоих с ног. Руфус вывернулся из свалки и принял кусать Синду за нос, заложив уши назад. В этот момент выбравшийся из-под Синды Слиток толкнул Руфуса, и тот, хватив сам себя за круп, завопил и бросился бежать от Синды, от заморыша: ему, вероятно, померещилось, что это она так сильно цапнула его.

Этот случай напомнил мне другой — когда Лакомку, всего шести месяцев от роду, укусила ручная мунго. Мы были приглашены на чашку чая к друзьям, и Джейн села на диван, держа Лакомку на коленях. В тот самый момент, когда хозяйка подсела к ним, мунго подскочила, цапнула Лакомку за ногу и скрылась под диваном. Лакомка не успел ее заметить и был в полной уверенности, что его укусила дама, опустившаяся рядом на диван. Он начинал реветь, как только она пыталась подойти ближе, и это продолжалась весь вечер, до конца нашего визита.

Когда Ясон и Яшма попривыкли к нашим машинам, мы стали следовать за ними в дальние походы и постепенно определили размеры их гнездового участка и охотничих угодий, а также выяснили, в каких они отношениях с другими шакалами, живущими по соседству. Насколько мы могли определить, они охотились на площади примерно в два с половиной квадратных километра, хотя многие обыкновенные шакалы, как мы увидим позже, владеют гораздо более обширными охотничими угодьями. Поведение Ясона и Яшмы при встрече с другими обычными шакалами в своих охотничих угодьях не было стереотипным: иногда они прогоняли нарушителей, порой не обращали на них внимания, а подчас встречали их совсем по-дружески. Эти различия в поведении можно объяснить только после длительных наблюдений, но мы подозреваем, что некоторые из этих «чужаков» были родственниками. Иногда Ясон приветствовал кого-нибудь одного из пары, а Яшма не обращала внимания на обоих — очевидно, один из них был однопометником Ясона. В других случаях Ясон и Яшма приветствовали одного из «нарушителей» — возможно, это был кто-то из их детенышей, ставших взрослыми.

Но даже если некоторые из соседних шакалов и были родственниками Ясона, они почти никогда не проникали в глубь его гнездового участка. Когда львы и гиены убивали добычу в охотничих угодьях Ясона, то, как правило, ее остатками не кормился никто, кроме семейства Ясона. А в тех редких случаях, когда к ним жаловали один-два непрошенных гостя, из-за пищи завязывались горячие баталии. Точно так же и Ясон с Яшмой избегали добычи, убитой на гнездовом участке соседей. Но, судя по всему, гнездовые участки кое-где

перекрывались, и если добыча оказывалась в таких местах, около нее могло появиться две пары шакалов. Однажды мы видели у добычи, находившейся приблизительно на стыке трех участков, Ясона и Яшму вместе с двумя соседними парами. Иногда Ясон и Яшма встречали чужих шакалов мирно; порой начинались препирательства и короткие схватки. Это зависело от того, какие именно соседи пожаловали к добыче.

Гнездовой участок шакала отличается от его территории. Территория — это относительно небольшое пространство, на котором шакал ухаживает за своей самкой и воспитывает щенков. Территория Ясона, насколько мне удалось определить, представляла собой узкую полоску на равнине примерно с километр длиной и около ста пятидесяти метров шириной. Я всего один раз видел, как чужой шакал проник на эту территорию, и Ясон с Яшмой яростно преследовали его, пока он не унес ноги подобру-поздорову.

Очень часто, когда Ясон или Яшма отправлялись на охоту, они некоторое время бежали рысцой вдоль одной из границ своей территории и примерно раз в минуту отмечали границу мочой. У обыкновенных шакалов и самец, и самка «поднимают ножку», только самка еще приседает, так что лапу она отрывает от земли всего на несколько сантиметров. Отметившись, оба — и Ясон, и Яшма — делали еще несколько «отбрасывающих» движений задними лапами, распространяя запах подальше. Иногда шакалы отмечали участки травы пометом, аккуратно располагая его поверх травинок. У шакалов имеются две пахучие преанальные железы и, очевидно, запах из них добавляется к запаху помета, подкрепляя «удостоверение личности» хозяина.

Норы, в которых обыкновенные шакалы выращивают щенков, конечно, находятся в самом центре такой тщательно отмеченной территории. Видимо, и «концерты» завываний, которые они порой закатывают, тоже происходят внутри территории. Во время такой церемонии все члены семьи, за исключением малышей двух-трехнедельного возраста, поднимают носы к небу и заливаются тонким пронзительным воем. Воют они, как правило, не в унисон, а постепенно, по одному присоединяясь к общему хору.

Когда вой одного семейства замирает, мелодию может подхватить соседнее семейство, и она разносится во все стороны, иногда на многие километры. В кратере подобные концерты происходили чаще всего по вечерам и на рассвете, а иногда и среди ночи. Вполне возможно, что эта церемония служит дополнительным заявлением прав на территорию, как утренние концерты гиббонов или территориальные песни птиц.

Когда мы прибыли в кратер (это было в январе), только что начались сильные дожди, и постоянные ливни поддерживали везде свежий, сочный травяной покров — обильную пищу травоядных. Мы ехали среди пасущихся гну, и повсюду встречались отяжелевшие перед отелом самки. Период размножения у гну наступил примерно через две недели после начала наших наблюдений за Ясоном и Яшмой. Однажды, уже повстречав множество совсем крохотных телят, неуверенно ковылявших на черных мокрых ножках, мы увидели молодую самку гну, которая вот-вот должна была отелиться. Она лежала на земле, и мы, подъехав, заметили, что брюшные мышцы у нее сильно сокращаются. Никогда еще мне не приходилось наблюдать более благополучного, быстрого и комичного разрешения от бремени; только потом я сообразил, что это, во всей вероятности, были ее первые роды. Когда теленок, высунувший головку из поблескивающего прозрачного мешка, шлепнулся на землю, его мать подскочила, словно подброшенная пружиной, извернулась в воздухе и грохнулась перед новорожденным детишем прямо «на колени». Мне вряд ли приходилось видеть животное, до такой степени потрясенное — у нее просто глаза на лоб вылезли. Когда теленок задвигался, мать отскочила и снова упала «на колени», не сводя вытаращенных глаз с маленького существа, откуда ни возьмись свалившегося у нее за спиной. Мы даже испугались, что она может бросить своего детеныша: каждый раз, когда он тянулся к ней, она в ужасе отскакивала. После получасовых тщетных попыток добраться до ее вымени теленок наконец начал сосать.

Нередко и опытная мать не дает новорожденному сосать в первые минуты после рождения. Раз за разом отодвигаясь от теленка, она заставляет его перемещаться — чем

больше он двигается, тем быстрее обретает устойчивость на еще нетвердых ножках и тем больше у него шансов уберечься от хищников. Это настолько эффективный метод, что уже минут через десять после появления на свет теленок может довольно быстро бежать за матерью. Иногда к ним подходит другая антилопа и толкает лбом теленка, так что тот валится с ног, а когда он пытается подняться, снова сбивает его с ног, пока наконец мать с детенышем не обратятся в бегство. Один раз мы с Джейн видели, как целая группа гну гоняла новорожденного теленка — ноги у него подворачивались и расползались во все стороны, и, тем не менее, он ухитрялся удерживаться на них. С виду все это смахивает на жестокость, но, возможно, помогает сократить период полной беспомощности теленка.

Еще один защитный механизм природы заключается в том, что огромное большинство самок гну (как, впрочем, и других стадных животных) производят на свет телят приблизительно в одно и то же время. А это значит, что хищники быстро пресыщаются и оставляют телят в покое.

Как раз в начале периода размножения я следовал на машине за Ясоном, отправившимся в очередную охотничью вылазку, и был очень удивлен, когда увидел, как он подскочил к новорожденному гну, лежавшему возле матери, и схватил его за ногу. Мать мгновенно вскочила и, опустив голову, бросилась на Ясона. Шакал больше не делал попыток напасть на теленка, но все это меня озадачило: Ясон был бесспорно храбрым шакалом, но ведь даже ему не могло взбрести в голову охотиться на теленка гну, по крайней мере в три раза тяжелее его самого, да еще лежащего рядом с матерью. Вообразите нашу лисицу, нападающую на теленка, который стоит рядом с матерью, — разница только в том, что самка гну куда подвижнее коровы.

Через два дня я стал догадываться о возможной причине столь странного поведения Ясона. В этот день Ясон и Яшма отправились на охоту вместе — в первый раз после появления на свет щенков. Я уже говорил, что обыкновенный шакал, как правило, одинокий охотник. Пробежав немного рысью среди пасущихся гну, Ясон внезапно остановился, принююхался и — бок о бок с Яшмой — стал уверенно двигаться в сторону самки с крохотным теленком. Когда мать повернулась и, опустив рога, пугнула их, Ясон и Яшма отбежали, но тут же вернулись и потрусили за уходящей матерью с теленком. И полчаса спустя шакалы все еще следовали по пятам за этой парой, чем вызывали у меня все большее недоумение.

Вдруг самка гну забеспокоилась, легла, и у нее вышел послед. Значит, теленок, хотя он и успел обсохнуть, родился всего несколько часов назад. Ясон и Яшма знали — очевидно, по запаху, — что плацента еще не вышла, и их терпение было наконец вознаграждено.

Это помогло мне объяснить нападение Ясона на новорожденного теленка. Наверное, запах околоплодных вод был настолько силен, что на какой-то момент ввел шакала в заблуждение, и тот схватил за ногу теленка, решив, что это послед.

На протяжении следующих двух недель, в разгар периода отела, шакалы досыпта наедались плаентами. Часто, наблюдая, как Ясон и Яшма отдыхают возле норы, я видел, что они внезапно настораживались и начиналиглядеться в небо. Потом и я замечал крохотный силуэт грифа, который все увеличивался по мере того, как птица снижалась. Установив направление полета птицы, шакалы во всю прыть неслись по равнине и прибегали порой с опозданием всего на несколько секунд, так что успевали отвоевать себе львиную долю последа.

Как раз вскоре после начала периода размножения у гну, когда щенкам Ясона было чуть больше четырех недель, они стали есть твердую пищу. Шакалы, как и гиеновые собаки, кормят своих детеныш отрыжкой: в первый раз мы увидели это, когда Ясон подбежал к щенкам, отрыгнул мясо на землю и стал есть вместе с ними. Спустя какое-то время точно так же поступила Яшма. Щенки, охотно поедавшие новую пищу, все же в первые дни оставляли часть ее на земле. В это время Яшма еще кормила их примерно три раза в день; проведя несколько ночных дежурств, мы поняли, что в темное время они кормятся еще раза два, хотя с уверенностью это нельзя было утверждать — луна то и дело скрывалась за облаками.

Дни шли за днями, и несмотря на то, что щенки регулярно получали молоко, они все более жадно поглощали отрыгнутое мясо и вскоре уже встречали возвращающихся к норе родителей, вскакивая, виляя хвостами и облизывая губы и морду взрослых, — так ведет себя взрослый шакал, приветствуя более сильного. Нам даже стало казаться, что родители отрыгивают мясо все с большим трудом — они отворачивались от назойливых детей, открывали рты, но щенки были тут как тут, прыгали и лизались. Родители вновь отворачивались: должно быть, щенки мешали взрослым опустить голову достаточно низко, чтобы можно было отрыгнуть. Я видел, как Яшма однажды крутилась волчком, отрыгивая мясо, и куски разлетались у нее изо рта, как искры от праздничной шутихи.

Если щенок продолжал приставать, выпрашивая добавки уже после того, как кто-нибудь из родителей раз или два отрыгнул мясо, случалось, что взрослый шакал, обернувшись, кусал юнца за нос — у всех трех видов шакалов, как и у гиеновых собак, это самая обычная форма наказания. Бедняжка Синда, как назло, чаще других подворачивалась под такие укусы, потому что при первой отрыжке ей удавалось пробиться к родителям только после того, как почти все мясо было съедено. И очень часто она, не получив ни крошки, утешалась тем, что вылизывала траву в том месте, где упало мясо.

Был период, когда возле логова Ясона появилось на свет довольно много телят гну — шакалы приносили куски последа в зубах. Вот тогда-то мы и оценили все преимущества отрыгивания как способа кормления щенят. Пять раз мы видели, как степные орлы пикровали на шакалов, несущих еду в зубах, и три раза птицы ударяли шакалов в спину когтями. Один раз Яшма, видимо с перепугу, бросила мясо и не успела обернуться, как степной орел уже схватил его и был таков. В другой раз Яшма выронила большой кусок мяса, когда за ней погналась гиена.

Случались дни, когда пищи хватало с избытком. Как-то раз Ясон, вернувшись к логову, отрыгнул не один, а четыре раза подряд. Щенкам просто не под силу было справиться с обедом «из четырех блюд», и они оставили на земле несколько кусочков недоеденного мяса. Вдруг все щенки разом кинулись в нору, а Ясон в тот же миг взвился в воздух, щелкая зубами, — над мясом снижался черный коршун. Меня это нисколько не удивило — эти коршуны хоть и невелики, но ужасно нахальны. В городах я видел, как они выхватывают кости буквально изо рта у собак: как-то раз, когда мама Джейн каталась на лодке по озеру Виктория, один из этих отчаянных смельчаков лихо спикировал вниз и вцепился в ее прическу — должно быть решил, что это какой-нибудь коричневый зверек. Ясон четыре раза подпрыгивал и щелкал зубами, пока птица не убралась. Меня во всей этой истории очень позабавил Руфус: преодолев первый страх, он осторожно высунул нос из норы, — надо же было узнать, что творится снаружи.

Шакалы обычно закапывают остатки пищи, как это делают лисицы, волки, медведи и многие другие хищники. Ясон и Яшма всегда зарывали каждый кусочек мяса отдельно, так что их «кладовка» занимала солидную площадь. Я понял, почему они так делают, увидев однажды, как гиена медленно и методично разыскивает маленькие кусочки мяса на одном из «складов» Ясона: когда мясо «рассредоточено», воровка может и проглядеть кое-какие куски. Лисице не приходится так осторожничать, и она обычно хранит свои припасы в единственном месте — на одном таком лисьем «складе» оказался заяц, куропатка и десяток мышей.

Период размножения гну — единственное время года, когда мы видели, что обыкновенные шакалы пищу больше подбирают, чем добывают охотой; в обычное время они пользуются чужой добычей, только когда более крупные хищники убивают жертву на их охотниччьем участке. Именно эти случаи и дали мне возможность получше узнать характер Ясона — никогда не приходилось мне видеть шакала, который сравнялся бы с ним смелостью и агрессивностью при разделе добычи. Один раз я видел, как он выхватывает куски мяса прямо из-под локтя льва, улегшегося на своей добыче, а в другой раз он пытался вырвать кусок кишki из пасти гиены. Он бесстрашно прыгал на орлов и грифов, рвущих мясо, а однажды пробежал с километр, пока не прогнал громадного ушастого грифа,

который осмелился отпугнуть Руфуса от куска мяса.

Но все же, несмотря на свою ловкость и удачливость при разделе чужой добычи, Ясон большей частью охотился и сам добывал пищу. Вот какая картина встает передо мной, когда я вспоминаю Ясона: весь напрягшись, он неподвижно застывает возле куртинки высокой травы и вдруг, словно незримая рука спускает тетиву, взвивается в воздух и, приземлившись, хватает — почти всегда без промаха — грызуна, которого, не видя, обнаружил своим острым слухом.

Я с моими помощниками сопутствовал Ясону и Яшме во многих охотничих вылазках. Чаще всего они раскапывали землю или кучи навоза в поисках жуков-навозников и их личинок, термитов и прочей мелочи; подпрыгивая, хватали на лету жуков иочных бабочек; прихлопывали лапами кузнецов, сверчков и других насекомых, ползущих в высокой траве. Частенько они ловили мелких грызунов, а в некоторые сезоны успевали поживиться птицами, гнездящимися на земле, и их птенцами. Несколько раз я видел, как они ночью гоняются за долгоногами, а однажды утром щенки играли куском шкурки долгонога, но поймали ли его их родители, я не знал. Иногда мы видели, как Ясон и Яшма гонят зайца, но всегда безуспешно — чаще, спугнув его, шакалы останавливались и смотрели ему вслед, а потом рысцой отправлялись дальше, словно зная, что связываться с ним не стоит. Но даже в тех местах, где добычи меньше, чем в кратере, и где шакалы часто гоняют зайцев, мы ни разу не видели, чтобы они добыли или съели хоть одного.

Никогда не забуду, как я в первый раз увидел сражение Ясона со змеей. Я появился на поле битвы как раз в тот момент, когда Ясон отпрыгнул назад, а змея повисла у него на шее. Ясон яростно встряхнулся, и змеиные зубы соскользнули с длинной шерсти, защищавшей шею шакала. Через какую-то долю секунды змея уже была в зубах у Ясона. Он резко встряхнул ее и, выпустив из пасти, отпрыгнул назад. Змея упала на землю, мгновенно свернулась в клубок и выставила голову навстречу Ясону. Внезапно она метнулась вперед, и ее зубы сверкнули в лучах утреннего солнца. Но Ясон отскочил в сторону, затем молниеносно схватил змею и снова встряхнул. Шакал повторял свои атаки раз за разом, так что через несколько минут его противница лежала на земле и не могла шевельнуться. Тогда Ясон, начиная с хвоста и не торопясь, съел обмякшее пресмыкающееся.

В то время я еще думал, что сражения змей с шакалами — редкостное явление, но вскоре обнаружил, что змеи входят в состав обычного шакальского рациона. Один раз я видел, как Ясон поедает змею, даже не потрудившись ее прикончить, и с тех пор мне очень хотелось узнать, нет ли у шакалов способности инстинктивно отличать ядовитых змей от неядовитых. Первой его жертвой была песчаная змея — для людей она почти не опасна, но, возможно, достаточно ядовита для таких небольших животных, как шакал.

И еще один день запомнился мне надолго. Ясон и Яшма проходили среди пасущихся газелей Томсона, как вдруг Ясон остановился и начал всматриваться во что-то впереди. Яшма подошла и встала с ним рядом, и я, проследив за их взглядами, увидел крошечного газеленка, припавшего к земле. Мать паслась поблизости, еще не подозревая, что ее детенышу грозит опасность.

Мгновение спустя Яшма метнулась вперед, собираясь схватить малыша за ухо. Но мать не уступала шакалу в ловкости и тут же бросилась на защиту детеныша, опустив голову и нацелившись на хищницу маленькими острыми рожками. Яшма успела увернуться, газель погналась за ней, а подскочивший Ясон схватил детеныша. Газель мгновенно обернулась и погналась за Ясоном. По примеру Яшмы Ясон отпустил жертву и бросился бежать от матери. Газель много раз бросалась в атаку то на одного, то на другого шакала, ей даже удалось дважды наподдать рогами Ясона так, что он кубарем покатился прочь, но остался невредим. Минут через восемь Яшма все же унесла добычу и, чтобы не привлекать внимания матери, затащила ее в ближайшую нору. Как только малыш исчез из виду и его жалобного крика больше не стало слышно, газель отошла в сторону. Ясон не успел заметить, куда исчезла Яшма с добычей, и стоял, озираясь по сторонам, но вот Яшма вылезла из норы, таща мертвого газеленка. Вскоре они с Ясоном дружно уплетали свою добычу.

В последующие недели я несколько раз видел, как и обыкновенные, и чепрачные шакалы успешно охотились на детенышей газели Томсона, и каждый раз парами. Видел я и как газеленок сумел вырваться и удрать от пары шакалов, хотя они трижды его хватали, а один раз даже потащили в зубах! Малыш воспользовался тем, что мать напала на шакалов, отбежал, забился в самую середину группы самцов газели Томсона, бросился на землю и крепко к ней прижался. Шакалы некоторое время принюхивались, но, очевидно, потеряли след и побрали прочь.

Рацион каждого шакала, по-видимому, зависит в какой-то мере от его местообитания. Так, соседям Ясона, охотившимся в более холмистой местности с высокой травой, было легче ловить птиц, змей и даже грызунов, чем Ясону и Яшме, чьи охотничьи угодья располагались преимущественно на равнинах с низкой травой. В участки некоторых шакалов входили берега речки Мунге, и в сезон созревания фруктового дерева они лакомились падалицей. Насколько я знаю, подобного деликатеса Ясону с семейством пробовать не доводилось — фрукты на его охотничьей территории почти не попадались, хотя шакалы с жадностью едят самые разнообразные плоды, если только сумеют до них добраться. Правда, в иные сезоны во владениях Ясона появлялось множество грибов, в то время как его соседи на холмах с высокой травой были лишены этого лакомства. Семейство Ясона питалось несколькими видами грибов. Однажды Руфус на моих глазах слопал такой гриб, который шакалы обычно не трогают. Что тут началось! Минут через десять он словно взбесился: стал носиться кругами, потом бросился в лобовую атаку на газель Томсона, затем — на самца гну! И оба животных поспешили убраться подобру-поздорову — должно быть, они были ошарашены не меньше меня. Может быть, гриб вызывал галлюцинации, и Руфус оказался под влиянием наркотика? Этот вопрос так и остался без ответа — мне больше ни разу не попадались такие грибы и определить их вид так и не удалось.

Тем не менее шакалы, очевидно, вполне благополучно существуют на хорошо сбалансированной диете — мясо, насекомые и немного фруктов. Мы еще не знаем, как формируется у молодых шакалов предпочтение, оказываемое определенным видам корма, и зависит ли оно от того, какую пищу приносят им родители. Меня нередко спрашивают, учатся ли маленькие шакалы охотиться, глядя на своих родителей. В отношении некоторых видов добычи этого утверждать нельзя. Руфус и его однопометники делали попытки охотиться за насекомыми, копаясь в траве и щелкая зубами, когда им не было еще и трех недель. Возможно, они реагировали на движения насекомых. В этом возрасте все охотничьи приемы щенят были просто игрой, настолько они были неловки, — мы почти не видели, чтобы малыши ели насекомых. И только позже, когда мать перестала кормить их молоком, они всерьез принялись ловить насекомых.

Яшма стала отучать щенят от молока, как только им исполнилось два месяца. Временами она позволяла им сосать, как раньше, а иногда вдруг отдергивала соски. Если малыши продолжали к ней лезть, она убегала, порой спотыкаясь о собственных детей. Время от времени щенки настойчиво пытались добраться до материнских сосков, и в наказание им доставался несильный укус в нос, но чаще Яшма принималась вылизывать неслуха — эта уловка нередко применяется шимпанзе и другими обезьянами и обычно отвлекает малышей от вожделенного молока.

Как только их отучили от молока, щенята сразу же стали гораздо более самостоятельными. Обычно под предводительством Руфуса они отходили от норы метров на двадцать, а то и дальше, охотясь за насекомыми или просто обследуя окрестности. Один раз Слиток наткнулся на лягушку. Он прыгнул на нее, но не успел приземлиться, как она скакнула вперед. Слиток прыгнул снова, и я расхохотался, глядя, как эти совсем непохожие друг на друга существа прыгают друг за другом. А когда лягушка наконец нырнула в лужу, Слиток застыл как вкопанный, и я увидел, что он уставился на свое отражение в луже. С превеликой осторожностью он потянулся носом к носу своего двойника, но, коснувшись воды, отскочил, чихая и тряся головой. Минуту спустя он снова ткнулся носом в лужу и опять отскочил. Когда он подбирался к воде в третий раз, к нему подошел Руфус, и оба

несколько секунд созерцали свое двойное отражение. Потом Руфус решил потрогать лужу лапой и сбил так долго волновавшее щенков отражение.

Период прекращения молочного кормления совпал с первыми проявлениями агрессивности у щенков. Иногда, разыгравшись, Эмба кусалась так сильно, что Синда взвизгивала. А Руфус, свалив кого-нибудь из щенят, стоял над поверженным, как маленькая копия разъяренного взрослого шакала, — шерсть на шее и холке взъерошена, а хвост вытянут назад как палка. Щенята научились рычать и огрызаться — новые выражения в щенячьем лексиконе!

Руфус первый ввел в игры прием «удар задом». Этот прием наблюдается у взрослых шакалов во время драк, особенно тогда, когда им надо отогнать грифов или орлов от добычи. Нападающий стоит лицом к лицу с врагом и вдруг, перевернувшись на 180 градусов, изо всех сил наподдает задней частью тела по противнику, а часто еще и подпрыгивает вверх, оттолкнувшись всеми четырьмя лапами. Этот прием особенно хорош для расталкивания грифов — он не только наводит на них страх, но и защищает глаза шакала от когтей и клюва врага. С течением времени все щенята научились применять в играх «удар задом», но при этом они боролись и кусались не всерьез, и только Руфус всегда старался взять верх, пользуясь малейшим предлогом, чтобы превратить игру в настоящую драку. Как и следовало ожидать, чаще всего все шишки валились на Синду, потому что она первая начинала праздновать труса: припадала к земле и старалась спрятаться даже в тех случаях, когда другой щенок на ее месте просто вступил бы в игру. Синда все больше и больше отходила, держалась особняком или лежала в стороне, пока ее братья и сестренка резвились.

Вполне возможно, что именно в этих детских играх шакалы, как и многие другие животные, стремятся выявить те общественные позиции, которые им предстоит занять в дальнейшей жизни, по крайней мере во взаимоотношениях друг с другом. И действительно, было похоже на то, что начиная с двухмесячного возраста каждый из них, за исключением Синды, пытался верховодить.

Слиток и Эмба во всем были равны, хотя в конце концов Слиток все же одерживал верх над сестрой. Но было очевидно, что над всеми будет царить Руфус — самый сильный, самый агрессивный.

Однажды — щенятам было в то время около десяти недель — стариk Ясон прибежал к логову, таща в зубах заднюю часть новорожденной газели Томсона. Мы в первый раз видели, как щенята получают полноценный кусок мяса, с кожей и костями. Не успел Ясон выпустить добычу из пасти, как Руфус уже заявил на нее права: с яростным рычанием он обернулся к прибежавшим Слитку и Эмбе, норовя цапнуть их за нос, так что они отступили. Это напомнило мне, как преображался мой ручной большеухий лисенок, когда я давал ему мышь или другое мелкое животное целиком, в шкурке. В мгновение ока он превращался в разъяренного дикого зверя, и прикоснуться к нему в такой момент решился бы разве что сумасшедший. С Руфусом происходило то же самое. Эмба быстро прекратила всякие попытки добраться до еды, но Слиток все вертелся вокруг и каждый раз, когда Руфус бросался на него, в свою очередь щелкая зубами на Эмбу, изливая на нее враждебность, которую не смел проявить по отношению к брату.

Синда держалась от них подальше и потому раньше всех заметила, как примерно через час вернулась Яшма с головой газеленка в зубах. Впервые в жизни маленький заморыш пировал без помех. Синда все еще наслаждалась едой, когда Руфус спустя еще час отошел с набитым брюхом от остатков грандиозной трапезы. Только кости, несколько клочков шкуры да два маленьких копытца — вот и все, что он оставил Слитку и Эмбе. Внезапно Руфус застыл как изваяние, уставившись на Синду. Потом вперевалочку заспешил к ней и, когда она отшатнулась, поспешил уступая ему свой кусок, подхватил его и поволок прочь. Оттачив добычу метров на тридцать от логова, он закопал ее в куче зебрового навоза. Потом с самодовольным видом праведника шлепнулся рядом и уснул. Я не могу удержаться от смеха, наблюдал эту «собаку на сене», тем более что Синда успела спокойно и с удовольствием поесть, пока ей никто не мешал.

И в других отношениях щенята тоже взрослели. Когда Ясон или Яшма отправлялись на охоту, щенки отбегали от норы следом за ними сначала всего на двадцать метров, а потом с каждой неделей все дальше и дальше. Мы заметили также, что щенята стали чаще спать на земле, чем в темной норе. Однажды Слиток так крепко уснул в высокой траве, что не заметил, как его укрытие стало поглощать молодой гну. С минуту ничего не происходило, но когда нам уже казалось, что теленок вот-вот примется щипать соломенно-желтый мех Слитка, тот внезапно поднял голову. Гну на секунду окаменел с раскрытым ртом и выпученными глазами, а потом оба кинулись в разные стороны. И в этот раз, как и много раз впоследствии, меня поразило полное отсутствие настороженности у спящих молодых шакалов — уверен, что именно из-за этого многие из них погибают.

Когда щенкам было около десять недель, над семейством Ясона разразилась беда. Ясон лежал свернувшись около норы, а щенята бродили вокруг, охотясь за насекомыми. День был пасмурный, солнца, которое выдало бы опасность, отбросив тень, не было, и никто из нас не заметил черного силуэта на сером небе, пока орел не сложил крылья, входя в пике: мы услышали свист ветра, когда он несся к земле. Шакалы на миг окаменели, но раздался ужасный вопль Синды, бившейся в когтях орла-скомороха, и все бросились бежать — щенята к норе, Ясон к орлу.

Орел-скоморох медленно поднялся с вопящей Синдой в когтях, а Ясон бежал, подняв морду, не в силах помочь. Эта птица — не из крупных, и ей было трудно подниматься со сравнительно тяжелой добычей. Внезапно орел разжал когти, и Синда полетела вниз. Я был в полной уверенности, что она погибнет если не от ран, то от удара о землю — она падала с шестиметровой высоты.

Ясон мгновенно подбежал к тому месту, где упала Синда, — это был островок высокой травы. Когда он немного успокоился, я подъехал ближе, но Синды не было видно. Весь остаток дня я наблюдал за остальным семейством в каком-то отупении. Щенята почти все время лежали у входа в нору и два раза спасались в ней, когда над головой пролетали птицы. Ясон ушел на охоту, и вот наконец солнце закатилось. Ночью, пытаясь уснуть, я слышал свист ветра в сложенных орлиных крыльях и душераздирающий крик Синды; я видел маленькое золотистое тельце, низвергающееся с неба.

На следующий день жизнь шла своим чередом, как будто ничего не случилось. Яшма спала на траве, Руфус охотился за насекомыми, Слиток играл с камнем: опрокинувшись на спину, он придерживал камень передними лапами, а задними царапал, как кошка, играющая с клубком шерсти. Ясона поблизости не было, и я подумал, что он на охоте.

Прошло уже два часа, как я подъехал к норе, и вдруг из норы медленно вышло маленькое существо. Это была Синда. Движения у нее были скованные, и, рассмотрев ее в бинокль, я увидел, что под подбородком у нее большая рана. Других видимых повреждений я не нашел. Моргая от яркого солнечного света, она улеглась у входа в нору. Немного спустя Эмба стала ее вылизывать.

Рана Синды страшно воспалилась, и с неделию она еле таскала ноги. Яшма и Эмба часто лизали ее, и Синда постепенно поправлялась, а недели через три была совсем здорова.

Собственно говоря, Синде удивительно повезло. Несколько недель спустя я видел, как щенка одного из соседних шакалов схватил воинственный орел — гигантская хищная птица, которая часто уносит маленьких газелей, обезьян и других животных. Этому щенку спастись не удалось. В тот же год, позднее, один из студентов видел, как другой воинственный орел пытался унести почти взрослого чепрачного шакала. Но когда он поднялся уже довольно высоко, на него напал большой гриф (возможно, ушастый) и силой принудил его снизиться. Несколько минут орел старался отбиться от грифа, волоча по земле кричащую жертву, но в конце концов бросил ее, и шакалу удалось уползти. Хищные птицы, вероятно, представляют одну из главных опасностей для молодых шакалов: мы с Джейн нашли остатки трех шакалов у дерева, на котором было гнездо какого-то крупного орла или грифа. На шакалов часто охотится и другой хищник — леопард.

После того как я видел смертоносную атаку орла, я всегда с затаенной тревогой

смотрел, как щенята Ясона играют или охотятся вдали от норы. Особенно я беспокоился, когда семейство совершало свои периодические «переезды» из одной норы в другую, а таких переездов к тому времени, когда щенятам исполнилось двенадцать недель, насчитывалось уже пять. Самое длинное расстояние между первыми четырьмя норами было семьсот метров, а вот пятая нора находилась в километре от четвертой. Последний переход — единственный, который нам удалось увидеть, потому что дело было днем. В это утро, вскоре после моего приезда к норе, Ясон и Яшма, лежавшие неподалеку, вскочили и быстрой рысью куда-то побежали. Трои щенята бросили охоту за насекомыми и пустились следом, только Синда осталась сидеть у входа в нору. Должно быть, у родителей есть какой-то сигнал, по которому щенята или остаются, или бегут следом, — иначе трудно объяснить, почему они незамедлительно последовали за взрослыми, хотя обычно возвращались, пробежав каких-нибудь двадцать метров. Как бы то ни было, они бежали за Ясоном и Яшмой, пока заросли не скрыли их от меня. Я поехал за ними, оставив Синду — крохотную фигурку на фоне зеленой травы, покрытой росой.

Старшие шакалы бежали не оглядываясь. Время от времени щенки поодиночке или вместе вырывались вперед, а иногда отставали, занятые обследованием местности, но в общем семейство бежало одной группой. Примерно в полукилометре от норы маленькая стая скрылась в зарослях травы, а когда они выбежали оттуда, я увидел, что с ними нет Эмбы. Я немного подождал, но она не показывалась, и я последовал за остальными — никто из них даже не оглянулся, не замедлил бега.

Почему Эмба отстала? Может быть, она испугалась незнакомой местности? До дома-то она сумеет добраться — свежий запах на росистой траве держится хорошо. Но меня тревожила мысль об опасностях, которые угрожают ей на пути: сможет ли она спастись, если встретит гиену или если на нее налетит хищная птица? Едва ли... Правда, везде были норы, куда она могла бы спрятаться, но что подстерегает ее в их непроглядной тьме? Мне очень хотелось разыскать Эмбу, но я боялся еще больше перепугать ее своим приближением — одна, вдали от родной норы, она в панике могла совсем заплутаться. И я поехал дальше, мысленно скрестив пальцы⁴.

Пробежав еще с полкилометра, Ясон и Яшма улеглись, а Руфус и Слиток принялись с любопытством исследовать новое место. Они очень быстро отыскали нору, к которой их привели родители. У входа громоздилась свежевырытая земля: вероятно, Яшма этой ночью приводила в порядок новое жилище для своего семейства.

Немного погодя Яшма, а затем и Ясон отправились на охоту. Руфус и Слиток совершенно освоились на новом месте; тогда я оставил их и вернулся к четвертой норе. Там, свернувшись клубочком, на самом солнцепеке у входа в нору спали Синда и Эмба.

Ясону и Яшме ничего не оставалось, как присматривать за щенками в обеих норах, но на четвертый день я нашел все семейство возле нового логова.

Наблюдение за шакальной семейкой — это занятие, которое требовало всего нашего времени без остатка, и, если случалось пропустить хотя бы один день, кажется, что именно в этот день, без нас, произойдет что-то необычайно важное. Так что только неутомимое содействие студентов, особенно американца Бена Грея, дольше всех помогавшего мне в работе, позволило узнать кое-что о жизни других шакалов. Получилось так, что одному из нас иногда удавалось по нескольку дней, а то и неделю наблюдать за шакалами, живущими по соседству, — кстати, я понял, как мне повезло, что главным объектом наблюдения я выбрал Ясона и его семейство. Ни в какой другой семье не оказалось столько щенят, оставшихся в живых в первые месяцы после рождения. У соседа Ясона поначалу было трое щенят; одного унес орел, а другой куда-то пропал, так что подрастал один-единственный щенок. В другой семье, состоящей из двух взрослых и шестерых щенят, двое малышей пропали, а третий увязался за отцом в трехкилометровый охотничий поход, и тот бросил его

---

⁴ Указательный и средний пальцы скрещивают якобы «против беды». — Прим. перев.

на берегу Мунге. В сумерках отец вернулся к месту, где восемью часами раньше оставил малыша, но его там уже не было, и мне он больше не попадался. В третьем семействе один из двух щенков исчез ночью; неподалеку от их логова мы обнаружили следы пиршества гиен, да и шакалы в эту ночь выли почти непрерывно, так что щенка, по-видимому, убили гиены. Сильнейший ливень, затопивший почти все дно кратера, должно быть, погубил и двух маленьких шакалят четвертого семейства: когда мы сумели добраться до их норы, там оставалось всего два щенка из четырех.

Потоп разразился после того, как необычайно сильные дожди нынешнего года достигли максимума. От потопа пострадали и мы. Это случилось ночью. Вечер был чудесный, небо сверкало звездами, ни тучки, ни отдаленного рокота грома, который предупредил бы нас о надвигающемся бедствии. Первым узнал о потопе я — обошел палатку и оказался по колено в воде. Я поднял тревогу, и когда наши студенты Паркер и Грей и двое африканцев вынесли лампы из столовой и кухни, расположенных несколько выше, глазам предстало печальное зрелище. Вода обступила со всех сторон хижину, тоже находившуюся на небольшом возвышении, и уже заливалась три маленькие палатки, стоявшие ближе всего к реке. Мы бросились спасать постели и одежду. Яркий луч фонаря выхватил из темноты пару мужских кальсон. Раздался страдальческий вопль — кто-то наступил босиком на ядовито-жгучую африканскую крапиву и, согнувшись от боли, вывалил в воду всю постель. Заплакал Лакомка — как тут не проснуться, когда в хижину летят пропитанные водой вещи, охапка за охапкой! Голос американца в ужасе возопил: «Господи, помилуй!» — и секунду спустя: «Фу, да это просто лягушка!»

Вода продолжала подниматься, нужно было во что бы то ни стало спасти палатки. С двумя первыми мы справились почти без труда, а вот третья, с таким же вбитым наглухо полом, как и остальные, стояла еще ниже. Войдя в нее, чтобы выдернуть складной металлический шест, я очутился по пояс в воде. Вдруг послышался звук рвущейся материи — это шест пропорол брезент, — и палатка свалилась мне на голову; я почувствовал, что все сооружение вместе со мной куда-то поплыло в кромешной тьме. На минуту стало страшно — тяжелый брезент топил меня, прижимая к воде, — но Джейн, Паркер, Грей и оба африканца овладели положением, и мы даже ухитрились спасти палатку, хотя и порастеряли шесть и колышки.

Только в полночь, промокшие до нитки и предельно вымотанные, мы сели за стол выпить горячего кофе. Журчание потока, сбегавшего маленькими водопадами и ворчавшего среди корней, сменилось звуком, напоминавшим свист утреннего ветерка, — это вода текла сквозь высокую траву.

После неистовых ливней потоп пошел на убыль, и нам больше не приходилось выволакивать машины из бесчисленных ям и возвращаться домой по уши в грязи. Щенкам Ясона уже было почти четыре месяца, и они все меньше времени проводили в норе. Впрочем, завидев гиену, они обычно спешили к норе, но часто останавливались у входа и, обернувшись, смотрели, как родители отгоняют непрошеную гостью. Казалось, им нравилось смотреть, как гиена выделывает пирамиды, увертываясь от острых зубов, с безошибочной меткостью хватающих ее за ноги и круп.

Однажды, когда Ясон и Яшма была на охоте, к логову стала неуклюже подкрадываться старая гиена. Я ее узнал — это была Миссис Браун, одна из гиен, которых мы к тому времени стали изучать. Руфус, Слиток и Эмба, свернувшись, лежали рядышком, а Синда, как всегда, в сторонке. Медленно, принюхиваясь к следам, Миссис Браун подходила все ближе. Вот она остановилась и замерла, открыв пасть от жары и глядя в сторону щенят; слюна тянулась длинной нитью у нее изо рта и стекала на землю. Как раз когда мне показалось, что она вот-вот увидит или учуяет спящих шакалов, ушки у Синды зашевелились. Не подозревая об опасности, она села, изловила допекавшее ее насекомое, а потом снова легла и закрыла глаза. Миссис Браун подкралась ближе. Синда еще раз щелкнула зубами, поймала насекомое и стала спокойно засыпать. Вдруг раздался вой — это взвыл Руфус, когда гиена бросилась вперед и ее челюсти чуть не сомкнулись на тоненьком тельце Синды. Тревога была поднята

своевременно, и Синда, метнувшись в сторону, золотым шариком покатилась по траве. Миссис Браун проковыляла за ней метра три, но быстро отказалась от погони — Синда теперь бегала не хуже родителей.

Несколько дней спустя мы снова видели гиен, подбиравшихся к шакальей норе, но на этот раз маленькие хозяева их заметили и не стали убегать, а подошли к гостям на несколько метров, задрали носы к небу и испустили тревожный вой — сигнал опасности. Я с интересом наблюдал, как Яшма, которая охотилась или отдыхала неподалеку, со всех ног примчалась на этот зов, но остановилась, не добежав, окинула взглядом всю сцену, повернулась и ушла. Должно быть, оценив ситуацию, она поняла, что дети смогут сами постоять за себя.

В последние недели, проведенные в кратере, мы заметили, что щенки, которые стали ростом почти со взрослого шакала, гораздо меньше возились друг с другом, а если и принимались играть, то раззадоривались, и игра нередко кончалась дракой. Если потасовку начинали двое, на побежденного в конце концов налетали и остальные — нора в таких случаях по-прежнему служила хорошим убежищем для жертвы. А ею чаще всего, разумеется, оказывалась Синда. Большой частью мы заставали щенят, когда они охотились метрах в пятидесяти друг от друга или отдыхали, тоже отдельно. Хотя Ясон и Яшма еще подкармливали щенят, они проводили возле норы все меньше времени, и я понял, что семейство, которое казалось нам так крепко спаянным, начало мало-помалу распадаться.

Но вот наконец настал день и нашего отъезда — как бы мне ни хотелось продолжить наблюдения за шакалами, времени на это не оставалось, пора было приступать к наблюдениям за гиеновыми собаками. Правда, я собирался еще разок-другой ненадолго возвратиться в кратер на протяжении следующих восемнадцати месяцев, чтобы разузнать, как поживают Ясон и его семейство. Но так случилось, что, живя в лагере на озере Лгарья, мы узнали много нового и о шакалах, и теперь можем сравнить некоторые отличительные особенности поведения шакалов, обитающих в открытых равнинах и в кратере Нгоронгоро.

Первое различие — размеры охотничьих угодий. В кратере самый большой охотничий участок (из тех, которые я знал) занимал примерно пять квадратных километров, а более половины всех шакалов, и Ясон в том числе, охотились на вдвое меньшем пространстве. На равнинах с низкой травой в Серенгети большинство шакалов охотились на территориях от десяти до двадцати квадратных километров. Причина вполне понятна. В сухой сезон равнины, на которых не найдешь ни капли воды, превращаются в самую негостеприимную местность, и живущим там шакалам, чтобы обеспечить себя пищей, приходится охотиться на большей площади.

Я однажды видел, как шакал в разгар сухого сезона пробежал километра полтора, временами останавливаясь и что-то раскапывая, — и хоть бы какая-нибудь мелочь попалась!

И все же шакалы, которых я там встречал, выглядели вполне здоровыми даже в самые тяжелые периоды. Разбирая их экскременты, мы выяснили, что они поедали множество насекомых, особенно жуков-навозников и их личинки, ящериц, грызунов и изредка змей. В отдельные периоды их экскременты почти целиком состояли из остатков разных плодов. По мере того как я все лучше узнавал обычновенных шакалов, росла уверенность в том, что они могут подолгу обходиться без воды, но, поскольку я не наблюдал за ними достаточно пристально, не могу категорически утверждать, что они ни разу не навестили какой-нибудь дальний водопой.

На равнинах с низкой травой гораздо чаще, чем в кратере, можно было встретить четыре, пять, а то и шесть шакалов возле добычи. То, что большую часть года пищи не хватает, видимо, заставляет равнинных шакалов, почувствовавших запах добычи, чаще и настойчивее нарушать границы чужих владений, чем на изобилующей пищей равнине кратера Нгоронгоро. Один раз, подъехав к мертвый зебре, мы с Джейн были поражены числом сбежавшихся к ней шакалов — их было четырнадцать. Правда, при ближайшем рассмотрении оказалось, что взрослых среди них только шесть, а остальные чуть поменьше и более легкого сложения; очевидно, это были щенята с родителями. Интересно отметить, что в такой толпе шакалов в каждый данный момент кормилось не более шести-семи, а среди

них, как правило, было не больше трех вполне взрослых шакалов. Между взрослыми самцами то и дело вспыхивали яростные стычки.

Как я уже говорил, у озера Лгарья нам не пришлось подробно изучать обыкновенных шакалов, но все же я близко познакомился с несколькими парами, которые, как и шакалы в кратере Нгоронгоро, на протяжении года ни разу никуда не уходили из своего района. Я пока не выяснил, какова судьба их взрослых детенышней, после того как они в конце концов расстаются с родителями, и не знаю, отправляются ли они за мигрирующими стадами гну, зебр и газелей.

Но нам удалось узнать кое-что о повадках чепрачных шакалов. Когда мигрирующие стада скапливались возле нашего лагеря у озера Лгарья, везде, куда бы мы ни поехали, мы встречали чепрачных шакалов группами по шесть и более особей. Но когда мигрирующие стада тронулись дальше, большинство этих шакалов двинулось за ними следом, а возле озера осталось лишь несколько оседлых пар, которые охотились в прибрежных зарослях.

Ясно было, что какая-то часть чепрачных шакалов на несколько месяцев переходила к бродячему образу жизни, сопровождая мигрирующие стада по крайней мере на небольшом отрезке их ежегодного маршрута. Как правило, этими кочевниками оказывались одинокие взрослые шакалы или молодые особи обоего пола.

Возможно, здесь имеет место то же, что и среди львов: чепрачные шакалы, у которых уже есть свои владения, никогда их не покидают, а те, кто слишком молод или слаб, чтобы отвоевать себе собственную территорию, странствуют за мигрирующими стадами.

Нас с Джейн особенно заинтересовали некоторые черты группового поведения у этих кочевников. Надо полагать, что на своем пути такой шакал время от времени встречает бродячих сородичей — с одними он никогда не сталкивался прежде, с другими у него было, так сказать, шапочное знакомство. Вдобавок он еще вынужден то и дело проходить через охотничьи угодья оседлых чепрачных шакалов. Постарается ли он избежать встреч с себе подобными, и если он поневоле столкнется с ними возле добычи, то насколько серьезные драки возникнут при попытке каждого установить свое иерархическое положение?

Наблюдения за чепрачными шакалами только раздразнили наш аппетит — до чего же это интересные животные! Я отлично помню, как мы с Джейн впервые встретили двух таких бродячих шакалов. Довольно бледно окрашенный серебристо-серый самец, за которым мы следили, вдруг поднялся и сел, прижав уши и широко разинув пасть. Оглянувшись, мы увидели, что к нему бодрой рысью приближается другой самец, с гораздо более ярким мехом — хвост вытянут горизонтально, уши насторожены. Вся осанка и поведение выдавали зверя, который привык побеждать. Не исключено, что наш шакал уже встречался с ним, а если нет, то достаточно было этой самоуверенной манеры, чтобы убедить его в превосходстве противника. Когда явно доминирующий самец подбежал, подчиненный высоко поднял переднюю лапу и легонько тронул его за плечо, словно отстраняя. На мгновение пришелец застыл на месте, а потом, молниеносно развернувшись, ударил противника крупом. Два раза, один за другим, он повторил «удар задом», а напоследок еще и лягнул припавшего к земле задней лапой в плечо.

Затем он побежал рысцой и скрылся в кустах неподалеку, но через несколько секунд вернулся с комочком сухого навоза в зубах. Этот комочек он положил на землю перед поверженным самцом. Мы сразу вспомнили о ритуальных подношениях, встречающихся у некоторых птиц и пауков при ухаживании, и происходящее, по правде сказать, заинтриговало нас. Немного спустя — лежавший шакал так и не посмел принять дар — доминирующий шакал снова взял комочек в зубы и подбросил высоко в воздух. Когда тот упал, шакал подскочил и отпасовал его носом в сторону. Потом опять подбросил игрушку и на этот раз поймал ее на лету. Наконец подчиненный шакал вскочил на ноги, и мы с полчаса смотрели, как они играют: носятся в кустах, вырывают друг у друга ветку, прыгают один на другого с упавшего дерева. Подношение навоза оказалось приглашением поиграть.

В последующие дни мы видели, как эти два шакала встречались снова: почти всегда их приветствия начинались с «удара задом», а потом переходили в игру. Мы часто наблюдали

встречи двух групп чепрачных шакалов, и почти всегда после разнообразных «приветствий», которыми обменивались шакалы, они весело играли все вместе.

Обряд приветствия, сопровождающийся неопасной формой агрессивности, легко понять и объяснить: несомненно, он позволяет двум незнакомым шакалам определить, кто из них сильнее или смелее, для этого достаточно вместо кровопролития «пустить пыль в глаза». А если им уже приходилось встречаться, приветствие напомнит подчиненному его место. И в любом случае этот обряд уменьшает риск настоящей драки, в которой один или оба противника могли бы серьезно пострадать.

Но нас гораздо больше озадачивали слишком частые и энергичные игры чепрачных шакалов. Раньше нам довольно редко случалось видеть, как играют шакалы — иногда родители (и у чепрачных, и у обычновенных шакалов) возились с щенками, несколько чаще молодые шакалы затевали довольно буйные игры. А игры, которые мы наблюдали у странствующих чепрачных шакалов, включали подчас до шести участников и продолжались до получаса. Вдруг ни с того, ни с сего обычно не очень расположенные к играм взрослые звери начинали развиться, как маленькие щенята. Почему? Может быть, окружавшее изобилие пищи возвращало их к беззаботной поре детства? Возможно, и так. Но только отчасти. Скорее всего игры, которые начинались после обряда приветствия, помогали закрепить у каждого шакала сознание собственного общественного положения в группе незнакомых или почти незнакомых сородичей. И чем лучше он это запомнит, тем легче ему будет потом, когда он повстречает товарищей по игре у добычи: тогда уж он постарается не перечить тем, кто сильнее, и, таким образом, у него будет намного меньше шансов получить взбучку.

В кратере Нгоронгоро мы никогда не видели у чепрачных шакалов массовых игр и очень редко наблюдали обряд приветствия с использованием приема «удар задом». В кратере, как и на равнине, — у добычи собирались пятнадцать и больше шакалов, но, насколько нам известно, эти взрослые шакалы никогда не бродяжничали и, очевидно, были хорошо знакомы. Каждый прекрасно знал свое положение среди других, и потому не возникало необходимости ни в обряде приветствия, ни в играх.

Мне кажется, что одно из самых интересных наблюдений за обычновенными шакалами на открытых равнинах — это их охотничьи приемы, которые нам впервые удалось увидеть после того, как мигрирующие стада гну и зебр покинули окрестности и на смену им пришли газели Гранта и Томсона. Я колесил по равнине, когда внезапно мое внимание привлекла группа животных, мчавшихся по степи. Они были примерно в километре от меня. Причудливое знойное марево превратило эту четверку в привидения, плывущие сквозь мираж, но я был уверен, что бинокль меня не обманывает и я вижу трех шакалов, преследующих взрослую газель Томсона.

Кажется, газель обернулась и пригрозила рожками шакалу, — который ее нагонял. Через несколько секунд она опять обернулась и бросилась навстречу ближайшему шакалу, но тот отскочил в сторону. Вот с ними поравнялись остальные трое, и на мгновение мне показалось, что все как сквозь землю провалились. Расстояние было слишком велико, да и струящийся жар так все искалжал, что я не очень ясно видел, что там произошло. Включив мотор, я еще минуты две выискивал какую-нибудь примету среди этих безбрежных равнин, чтобы с некоторой долей уверенности вывести машину к нужному месту.

Когда я подъехал, все вокруг было совершенно так же, как и в момент нашего отъезда. Повсюду паслись газели, а под вечер некоторые из них разыгрались и гонялись друг за другом кругами. Немного присмотревшись, я решил, что мне померещилось, но все-таки поездил кругом, чтобы окончательно в этом убедиться. Через каких-нибудь двадцать метров словно из-под земли вынырнула измазанная кровью мордочка и снова скрылась. Я поспешил тронуться в ту сторону — и верно: за небольшим холмиком три шакала рвали тушу взрослой самки газели Томсона. Газель слабо дернулась, но это было ее последнее движение.

До сих пор, насколько нам было известно, ни один ученый не мог с уверенностью сказать, что шакалы в состоянии затравить взрослую газель Томсона, хотя этот вопрос часто

обсуждался. А тут — шутка ли, увидеть все своими глазами! — я даже прервал на несколько дней наблюдения за гиеновыми собаками, чтобы как можно больше узнать об охотничьих приемах шакалов.

Мы нередко видели, как на такой охоте жертве удается уйти, и в двух случаях подоспели тогда, когда взрослая газель принимала последний бой, но нам никак не удавалось увидеть момент, когда шакалы хватают жертву. Однако, принимая во внимание то, что на морде и на шее жертвы никогда не было ни одной ранки, можно с уверенностью сказать, что шакалы, подобно гиеновым собакам, гиенам и волкам, убивают добычу, выпуская ей внутренности. Я с интересом узнал, что койот, во многом очень похожий на шакала, нападая на больных белохвостых оленей, всегда бросается к горлу.

Вскоре я заметил, что шакалы, охотясь за взрослыми газелями, почти всегда объединяются в группы от трех до семи особей. Но однажды я видел, что шакал отважился на такую охоту в одиночку. Он гнался за самкой газели больше трех километров, а потом оба, и охотник, и дичь, запыхавшись, снизили скорость примерно до резвой рыси. Газель в конце концов замешалась в стадо своих сородичей, а шакал — то ли потеряв намеченную жертву из виду, то ли просто от усталости — прекратил преследование.

В общем обыкновенные шакалы охотились «стаями», как гиеновые собаки или волки. Я далеко не сразу заметил, что эти сравнительно большие группы шакалов в отличие от тех, которые я наблюдал в кратере, состоят не только из взрослых особей; кроме самца и самки, в них обычно входили шакалы, казавшиеся немного меньше — почти наверняка детеныши этой пары. Но только длительное изучение равнинных шакалов покажет, правильно ли это заключение.

Лишь через четыре месяца после того, как мы расстались с семейством Ясона, нам с Джейн удалось ненадолго возвратиться в кратер Нгоронгоро, чтобы посмотреть, как там идут дела. Пока мы спускались с гребня по крутой дороге, дно кратера выглядело высохшим и лишенным жизни, но, как это бывало и раньше, на побуревшей траве паслись более многочисленные, чем мы ожидали, стада гну, зебр и газелей. Во второй половине дня мы подъехали к хижине на реке Мунге и быстро разгрузили машину. На этот раз мы устроились гораздо проще и, прихватив Лакомку, вскоре выехали на поиски шакалов.

Было очень приятно ехать по старому накатанному следу, но местность вокруг была столь же иссушена и бесплодна, как и только что покинутые равнины Серенгети. Перед нами расстилалась полупустыня, где жалкие остатки пересохшей травы вели явно безнадежную войну с пылью: она взлетала вверх, курилась в воздухе при малейшем ветерке и снова опускалась, толстым ковром покрывая все вокруг. Когда мы наконец подъехали к логову, где прежде жили шакалы с щенками, все было заброшено и безжизненно. Пыльная паутина ключьями болталась у входа в пятую нору. Поблизости валялся скелет гну, на его высохших костях кое-где еще держалась сухая шкура. Развевавшаяся на ветру борода как будто хотела отпугнуть от этих мест все живое, чтобы никто не вытаптывал землю, которая в один прекрасный день покроется травой и привлечет сюда сородичей погибшего гну.

На поиски оставалось часа два — не удивительно, что мы не нашли ни Ясона, ни его семейства, но я все-таки огорчился. На следующее утро я выехал один. Подъехав к месту, где родились когда-то щенки Ясона, я с величайшим облегчением увидел, что там бродят четверо взрослых шакалов. Ни один из них и ухом не повел, завидев машину, — ясно, что это кто-то из семейства Ясона. Собственно говоря, самого Ясона я узнал с первого взгляда, а остальная тройка была помоложе. Но не успел я разобраться, кто тут кто, как подбежал пятый шакал и сунул голову в нору.

Я глазам своим не поверил, когда из норы выкатились пятеро щенят, такие же маленькие, как Руфус и компания, когда я увидел их в первый раз. Малыши начали сосать; я понял, что это Яшма с щенками, и немало удивился, что она снова родила всего через шесть месяцев после того, как перестала кормить предыдущий помет.

Постепенно я определил всех шакалов, проверяя себя по крупным фотографиям, которые сделал перед отъездом из кратера: у каждого шакала усы образуют индивидуальный

рисунок. Возле норы были трое взрослых детей — Эмба, Синда и Слиток. Слиток превратился в красивого молодого самца, но Руфус, подбежавший к норе в середине дня, совсем его затмил: ни разу в жизни я не видел такого великолепного шакала. Шерсть оттенка темного золота была испещрена красно-бурыми отметинами, а вокруг шеи топорщился пушистый, густой «воротник».

К концу дня у меня сложилось впечатление, что четверо молодых сейчас относятся друг к другу гораздо лучше, чем четыре месяца назад, когда мы расставались. Руфус не проявлял ни малейшей агрессивности к своим однопометникам — должно быть, он настолько прочно занял подобающее ему место, что уже ни к чему было нагонять на других страх. Синда тоже переменилась — она избавилась от прежней робости и бесстрашно ввязалась в довольно оживленную игру, которую затеяли остальные.

А вот Эмба почти не отходила от новых щенят — казалось, она в них души не чает. Когда они играли у норы, она неустанно наводила на них красоту, и я видел, как она подняла одного из них, ухватив зубами за шкурку, а потом опустила обратно в траву и крепко прижала к земле, положив ему на спину обе передние лапы, а сама тем временем все теребила зубами его короткую шерстку. В другой раз Эмба, заметив, что один щенок никак не может «оправиться» — наверное, у него был легкий запор, — подбежала к нему, ухватила зубами твердый шарик, вытащила его и бросила на землю, а щенок с видимым облегчением заковылял обратно к норе.

Меня очень позабавило, как Слиток стал подбираться к своим крохотным родственникам, тряся головой и приглашая их поиграть. Но щенята были еще слишком малы, совсем на это не реагировали, и Слиток, кажется, никак не мог решить, играть ему с ними или погодить. В конце концов он улегся поблизости и стал созерцать малышей, насторожив уши и склонив голову набок.

А когда я приехал на следующее утро, меня поджидало потрясающее зрелище: метрах в пятнадцати от вчерашней норы я увидел небольшую процессию — Ясон, Яшма и Эмба, а с ними четверо малосеньких ковыляющих щенят! Они решительно направлялись к новой норе, до которой оставалось еще добрых десять метров. Я даже представить себе не мог, чтобы такие крохотные щенки могли передвигаться самостоятельно — они еще так плохо держались на лапках, то и дело теряли равновесие, наткнувшись на какую-нибудь сухую былинку. Два раза, когда я подводил машину слишком близко, Яшма захватывала пастью шею щенка, словно собираясь нести, но, когда я останавливал машину, она успокаивалась и предоставляла ему ковылять вперевалочку на собственных ногах. Все достигли норы без потерь и приключений, и щенята, путаясь в своих и чужих лапах, забрались в новый дом. Через час, когда они снова вылезли наружу, я опять насчитал только четырех. Может быть, пятый щенок остался в старой норе и его будут переселять немного позже? Но я так и не увидел его, хотя с моей стоянки у новой норы старая была прекрасно видна. Ни Ясон, ни Яшма тоже не подходили к той норе.

На следующий день возле норы ползали только трое маленьких щенят, и я почувствовал, что дело неладно. А когда поутру я увидел, что у входа в нору сидят двое малышей, я встревожился не на шутку. Мне даже показалось, что они какие-то вялые. Я был подавлен и расстроен, хотя все еще надеялся — не веря самому себе, что остальные трое должны быть в старой норе.

Наутро я подъехал к норе, когда солнце как раз выглянуло из-за гребня, ограждающего кратер. Золотисто-оранжевое сияние высветило предрассветный туман, расстилавшийся низко-низко над землей, — ночью прошел дождь. Неподалеку смутные силуэты газелей Томсона наклонились к мокрым стебелькам засохшей травы. Возле норы были все — Ясон, Яшма и четверо старших детей. Эмба обнюхивала вход в нору, Синда что-то грызла, забравшись в высокую траву. Остальные спокойно лежали вокруг. Эмба сунула голову в нору, и я услышал, как она поскуливает, вызывая щенят. Подняв голову, она стояла, глядя в глубину норы, но ни один щенок не вылез оттуда на распахающихся лапках. Эмба перешла к другой норе, рядом, и я снова услышал ее зов. Тогда позвала и Яшма, но ответа не было.

Внезапно Эмба, еще несколько раз негромко, жалобно позвав, подняла морду к небу и засыпалась воем. Остальные шакалы тоже подняли головы и стали один за другим подывать ей. Слушая их, я вдруг понял, что больше никогда не увижу малышей. Для меня этот похоронный вой звучал, как последний призыв.

Когда все затихло, Синда сунула морду в траву и вытащила то, что ела, — маленькое мертвое тельце щенка. Она отнесла его в сторону и зарыла. Неужели она была убийцей в собственной семье? И это она убила своих маленьких сестер и братьев одного за другим? Вполне вероятно — многие хищники порой убивают и съедают животных своего вида. Но гораздо чаще такой каннибализм имеет место уже *после* того, как животное рассталось с жизнью. Шакалы подвержены многим болезням; вероятнее всего, щенки погибли естественной смертью. Я вспомнил, какими апатичными показались мне накануне два щенка и как часто все четверо спотыкались о сухие травинки, ковыляя к новой норе, — возможно, это был признак слабости.

Другой довод в защиту Синды — это то, что старшие детеныши шакалов, особенно самки, очень часто остаются с родителями и помогают им воспитывать следующий помет. Эти «нянюшки» отгоняют от норы гиен и других опасных гостей и почти так же часто кормят отрыжкой своих маленьких сородичей, как взрослые шакалы (хотя порой они вместе с малышами выпрашивают мясо у родителей и ухитряются перехватить кусочек). Но сверх этих обязанностей старшие детеныши почти все время резвятся вместе с малышами и подолгу их вылизывают.

После гибели щенят Ясон и его семейство перешли обратно к пятой норе, и я скоро выяснил, что это было место их условленных встреч — охотились они обычно порознь, а отдыхать ложились рядом с этой норой. И у волков тоже есть такие места встреч, где они собираются после того, как волчата выросли и покинули логово.

Вернувшись в кратер еще раз — шесть месяцев спустя — я поехал прямиком к этой норе, надеясь вопреки здравому смыслу найти кого-нибудь из семьи Ясона на прежнем месте. И действительно, у тростников на берегу лужицы свернулся клубочком шакал. Я подъехал поближе, рассмотрел, как у него растут усы, и понял, что это Яшма.

Я ждал возле нее около часа, и все это время она лежала не шевелясь, только слегка подергивала ушами, когда ей докучали мухи. Тут я увидел, что к ней подходит другой шакал. Добрившись до небольшого холмика примерно в шестидесяти метрах от Яшмы, он остановился и осмотрелся. От меня он был совсем близко, и я почти сразу узнал Ясона. Он явно не видел свою подругу — она все еще спала — и вдруг поднял морду и провыл пять раз подряд. Яшма тут же вскочила на ноги и завыла в ответ, а из камышей ей ответили голоса других шакалов. Немного погодя оттуда показались трое взрослых шакалов. Махая хвостами, они бросились к Ясону, все по очереди поздоровались с ним — сначала терлись носами и лизали его в губы, а потом повалились перед ним на бок, раскинув лапы и не переставая молотить хвостом изо всех сил. Ясон облизал каждого из них и потрусили к Яшме. Мне понадобилось несколько минут, чтобы определить молодых шакалов, и вскоре я уже совершенно безошибочно различал Синду, Эмбу и Слитка. В шестнадцать месяцев они стали совсем взрослыми, а Слиток был даже выше своей матери. Но, невзирая на это преимущество, Слиток все еще выраживал почтение к матери. Пока Яшма возвращалась к месту, где лежала, Слиток дважды шлепался у нее под носом, прося, чтобы она за ним поухаживала. Яшма, как видно, была не в настроении и не собиралась никого вылизывать, поэтому обходила его кругом, а на третий раз, когда он сунулся ей под ноги, огрызнулась и тяпнула его за нос, словно маленького. Тогда Слиток удалился с опасливо поджатым хвостом и оставил мать в покое.

Для работы в кратере у меня была всего одна неделя. Ежедневно я находил кого-нибудь из семейства Ясона на месте отдыха или встречал на охоте — каждый охотился самостоятельно, но в пределах участка Ясона. И хотя я еще несколько раз наблюдал, как родители и дети отдыхают вместе, Руфуса с ними я никогда не видел. Не случилось ли с ним чего? Может быть, он навсегда бросил свою семью? Остальные не расставались по-

прежнему. Однажды мимо прошла пара чужих шакалов — очень близко от места отдыха. Ясон сразу же заметил их и бросился в ту сторону, оскалив зубы и ощетинившись. Во время драки с самцом подоспели остальные четверо и помогли ему прогнать чужаков за пределы своей территории.

В последний вечер я нашел на месте встречи только Синду. Когда солнце село, она вскочила и побежала рысцой, иногда приостанавливаясь, чтобы изловить насекомое. У границы гнездового участка семьи Ясона она улеглась, свернувшись и закрыв глаза, как будто собиралась соснуть. Через несколько минут она открыла глаза и огляделась. Внезапно она вся напряглась, и, проследив за ее взглядом, я увидел, что с юга к ней подходит другой шакал, самец, и шерсть у него стоит дыбом. Но Синда продолжала лежать, прижав уши и повернув морду в сторону пришельца.

Он приближался потихоньку, а затем стал обходить Синду, сужая и сужая круги. Через несколько секунд его шерсть улеглась, он быстро подошел к ней и обнюхал ее круп. Синда не шевелилась. Тогда чужак отошел, но только на десять метров, и улегся. Последние полчаса перед наступлением темноты я провел около них. Самец то и дело поднимал голову и бросал на Синду быстрые взгляды; она лежала, свернувшись, и притворялась, что спит. А когда он не смотрел на нее, украдкой подглядывала.

Ужасно обидно было уезжать на следующий день. Покидая кратер, я проехал по территории Ясона, но не видел ни Синды, ни шакала-самца, а до следующего визита прошло еще шесть месяцев. И сколько я ни обыскивал охотничьи угодья Ясона и прилегающие к ним участки, из всей семьи я встретил одну только Синду. Я находил ее на старом месте для встреч — и каждый раз рядом с ней отыхал чужой самец. Собственно говоря, только для меня он был чужаком. Я не знал, тот ли это шакал, который начинал ухаживать за Синдой в последний раз, когда я видел ее, но это был красивый и сильный шакал, гораздо крупнее последыша Синды. Стоял ноябрь, и самец ухаживал за Синдой точно так же, как два года назад Ясон ухаживал за ее матерью.

Куда же девалась вся ее семья? Может быть, молодой и сильный супруг Синды напал на Ясона, отвоевывая себе право ухаживать за Синдой в ее родных местах, и прогнал старшего самца из его охотничьих угодий? Остальные молодые шакалы, возможно, тоже обзавелись семьями и теперь отмечали и защищали собственные владения. Я не терял надежды.

Когда я увидел Синду в последний раз, она лежала, свернувшись, в полутора метрах от супруга возле пятой норы — своего родного дома. Мы с Джейн видели, как успешно завершилось ухаживание — по крайней мере Синда продолжит род Ясона, передав его кровь потомству. Тропические сумерки уступали место тьме, и я собирался повернуть машину и отправиться в лагерь. Внезапно издали донесся вой шакала. К нему присоединился второй, третий голос. Когда трио замолкло, соседи подхватили странный, пронзительный зов, потом донеслись голоса шакалов с юга, еще два голоса — с запада. Наконец и Синда с супругом завыли, сидя бок о бок. И их дуэт — по крайней мере для меня — был завершающим.

Как трудно человеку, несмотря на все усилия, разгадать тайны животных, которых он изучает! Быть может, шакалий вой, разносясь во все стороны по просторам равнин, оглашал именно то, чего я так жаждал добиться: «Это я, Яясон. И Яяяшма со мнооой», — вот что мог значить зов с запада. Может быть, с востока откликались Слиток и его половина. Но я-то был всего-навсего человеком, и мне пришлось бы месяц за месяцем проводить наблюдения, чтобы собрать по кусочкам, как мозаику, ту информацию, которую Синда за эти несколько минут уложила в своей золотистой головке. Я слегка вздохнул и взял курс на наш лагерь.

Пятнистые гиены Хохочущие охотники

Кровавая Мэри и Леди Астор, две матроны — предводительницы клана Когтистых скал, бросились бежать во всю прыть по залитой лунным светом равнине, воинственно

подняв хвосты над широкими крупами. За ними бежали еще примерно восемнадцать гиен того же клана. А метрах в шестидесяти, там, куда устремилась эта группа, спокойно отдыхали поблизости от границ своей территории две гиены из соседнего Озерного клана. Должно быть, они спали крепким сном, потому что вскочили только тогда, когда Леди Астор и Кровавая Мэри были от них всего в нескольких метрах. Одной гиене удалось удрать — она мчалась так, словно смерть гналась за ней по пятам, а вот второй не повезло. Кровавая Мэри и Леди Астор вцепились в нее, и через несколько мгновений она буквально скрылась под грудой тел — все новые и новые враги прибывали и бросались кусать и рвать несчастную жертву. Ночная тишина наполнилась жутким ревом, надрывными завываниями и рычанием торжествующего клана Когтистых скал и душераздирающими воплями их жертвы.

Но вдруг, откуда ни возьмись, из ночной тьмы возникли десять гиен Озерного клана — держась плечом к плечу, они примчались на поле битвы. Их было немного, но зато они находились на своей территории и готовы были сражаться насмерть. Толпа с Когтистых скал в беспорядке поспешно отступила, бросив израненную жертву. Бойцы Озерного клана преследовали их, но недолго — стоило им пересечь границу территории клана Когтистых скал и оказаться на чужой земле, как уверенность сразу же покинула их.

Остановились и гиены Когтистых скал. Два враждующих клана, сомкнув свои ряды, повернулись друг к другу. Хвост у каждой гиены стоял торчком, и в ночном воздухе все громче и громче слышалось глухое ворчание и завывание на низких нотах. Тем временем обе армии разрастались — к ним прибывали все новые и новые подкрепления, привлеченные воинственными звуками.

Внезапно я увидела, как неясные тени Кровавой Мэри и Леди Астор метнулись вперед, а за ними устремился и весь клан. Озерные гиены некоторое время удерживали свои позиции — до нас доносились взрывы рычания и пронзительные звуки, похожие то на хохот, то на хихиканье, когда гиены бросались друг на друга. Но вскоре Озерный клан отступил, спасаясь бегством, на собственную территорию. Немного пробежав за ними, гиены Когтистых скал пересекли границу и остановились. И снова два клана стояли лицом к лицу, глухо завывая, пока наконец озерные, доведя себя до неистовства, не бросились в бой. Последовала короткая схватка, и гиены Когтистых скал отступили на свою территорию.

Так продолжалось и дальше: каждый клан вслед за своими предводителями бросался вперед, а потом внезапно поворачивал и уносил ноги от разъяренных противников. С каждой стороны уже собралось по тридцать-сорок гиен, и в лунном свете все звенело от дикой какофонии завываний, тяжелого топота и шарканья лап, повсюду сновали темные угрожающие тени.

Через двадцать минут после первого нападения схватка внезапно прекратилась, и гиены стали уходить все дальше и дальше в глубь своих территорий — порой кто-нибудь оглядывался через плечо, словно проверяя, нет ли новых нарушений границы. Мы с Гуго и раньше были свидетелями территориальных конфликтов между разными кланами гиен, но ни один из них не мог равняться с этим по редкостной, совершенно беспринципной, на наш взгляд, злобности. Ведь если две спящие гиены Озерного клана, из-за которых завязалась драка, и нарушили границу, то они были не больше чем в нескольких метрах от собственной территории. А какой ценой пришлось одной из них расплатиться за эту неосторожность — ведь она почти наверняка была изранена насмерть!

Когда гиены разбежались, мы тоже уехали: Лакомка поджидал нас в хижине, далеко среди равнины кратера. На обратном пути мы проехали мимо нескольких гиен из клана Когтистых скал и заметили, что многие из них хромают, а у двоих с изгрызенными ушами капает кровь. Наш путь лежал через гребень Когтистых скал — это была небольшая возвышенность на плоской равнине, давшая имя клану гиен, который мы изучали. С вершины холма мы увидели мигающий, как огонек светлячка, свет в хижине Мунге. Наш дом.

Гуго и я с двухлетним Лакомкой и нашими африканскими спутниками, Моро и Томасом, в четвертый раз приехали в кратер, чтобы наблюдать за гиенами. Гуго почти весь

день разбирался в материалах наблюдений за шакалами и гиеновыми собаками, сидя в лагере с Лакомкой. А я могла без помех изучать гиен. И только по вечерам, когда Лакомка под присмотром Моро сидел в полной безопасности внутри хижины, мы выезжали вместе. За сына нам бояться не приходилось: окна хижины были загорожены решеткой, занавески задернуты, а крепкая дверь надежно заперта на засов.

Ужинаяли мы в хижине, и Лакомка, восседавший между мной и Гуго, пытался передать нам с помощью бессвязных слов и фраз, доступных двухлетнему крохе, все происходившее после нашего отъезда. Очень скоро мы улеглись, и листья гигантского фибрового дерева шелестели над нами, позади хижины слышалось журчание реки, а в маленькие квадратные окна лился бледный лунный свет.

Каждый раз, как мы возвращаемся в кратер, у меня уходит три-четыре дня на то, чтобы снова без труда различать знакомых гиен клана Когтистых скал. Примерно половину из шестидесяти гиен я знаю отлично, остальных могу узнать, справившись в своем «гиеновом определителе». В этом альбоме помещены снимки каждой гиены, сделанные с двух сторон. При некотором навыке совсем нетрудно узнавать отдельных гиен по расположению пятен на теле — как и отпечатки пальцев у людей, узоры этих пятен строго индивидуальны. А через некоторое время многие гиены становятся вашими хорошими знакомыми, потому что вы начинаете различать свойственную каждой походку, манеру держать голову, особенности «фигуры».

Надо признаться, что, когда я приступила к изучению гиен, они мне не очень нравились, хотя с самого начала меня необычайно заинтересовали их взаимоотношения внутри стаи. В то время я вполне понимала тех — а их подавляющее большинство, — кто не испытывает к гиенам ни малейшей симпатии. Но это было до того, как я узнала Кровавую Мэри и Леди Астор, старушку Миссис Браун, Нельсона и других членов клана Когтистых скал. Каждая гиена — это яркая индивидуальность со своими особенностями, ее не спутаешь ни с кем другим, и я, понаблюдав за гиенами, в скором времени обнаружила, что они мне стали нравиться и даже очень.

Кровавая Мэри была самой главной самкой в клане Когтистых скал, а так как среди гиен царит матриархат, то именно она была предводительницей всего клана. И хотя она кривя на левый глаз, это не мешало ей безраздельно властвовать над остальными; когда она бросалась на добычу, поставив торчком короткий хвост и ощетинив гриву, никто не смел встать ей поперек дороги.

Но о Кровавой Мэри нельзя говорить, не упомянув Леди Астор, — эти две гиены неразлучны. Леди Астор близка по положению к Кровавой Мэри, и они настолько похожи, что мне кажется — они родные сестры. Обе очень агрессивны, но Кровавая Мэри — быть может, благодаря своему высокому положению — спокойнее своей подруги и меньше ссорится по пустякам. Каждая из этих матрон обзавелась брюшком, столь же внушительным, как и ее общественное положение, и, несомненно, каждая из них потянет не меньше шестидесяти килограммов. Когда эта пара пускается в путь во главе своего клана — возможно, только затем, чтобы отметить запахом одну из границ своих владений, — это незабываемое зрелище: они выступают шагом или спешат легким галопом, касаясь друг друга толстыми боками и лихо заломив короткие хвосты над широкими круглыми задами.

С тех пор как я с ними познакомилась, Кровавая Мэри принесла близнецов — Коктейля и Водку, а Леди Астор родила дочь — Мисс Гиену. Но ни одна из них не допустила, чтобы возня с малышами помешала их общественной деятельности.

А вот Миссис Браун, совсем наоборот, поглощена уходом за щенками с самого первого дня нашего знакомства, а это было четыре года назад. Как раз тогда она только что потеряла в какой-то битве самый кончик носа, и ярко-красное пятно виднелось издали. Теперь рана уже давно зажила, но ноздри так и глядят наружу. По своему общественному положению Миссис Браун находится где-то посередине, и у нее мирный нрав пожилого существа. Три года назад она перестала кормить одного щенка и тут же произвела на свет другого, Пестрячка. Пока Пестрячок был еще мал, мать, казалось, была способна часами лежать у

норы, то и дело подкармливая детеныша молоком и лениво созерцая его оживленную возню. Теперь Пестрячку минуло уже двадцать месяцев, но Миссис Браун по-прежнему нянчит его и кормит молоком и почти все время лежит рядом со своим великовозрастным дитятком.

Как и у Кровавой Мэри, у Миссис Браун есть задушевная подруга — старая самка Бочка. Бочка — такая же хорошая мать, как и Миссис Браун, и часами не отходит от своих щенков Соуса и Пикуля. Бочка отличается от других огромными влажными карими глазами и невероятно объемистым брюхом, которое раскачивается и задевает за траву, когда она возвращается домой после сытной трапезы. Вдобавок у нее просто страсть к авральным уборкам. Она не может удержаться, чтобы не раскопать и не привести в порядок вход в нору близнецов, как только окажется рядом; разок-другой, а все-таки копнет, хотя бы одной лапой. Мне Бочка всегда представляется в облаке поднятой при уборке пыли.

Ее щенята, как и большинство близнецов, совершенно неразлучны, но отличить их друг от друга нетрудно — и наружность, и характеры у них разные. Соус гораздо смелее — он первым кидается приветствовать каждую гиену, первым проявляет любопытство к любому зверю или птице, появившимся возле норы. И куда бы ни пошел Соус, за ним увязывается Пикуль, и что бы Соус ни делал, Пикуль ему подражает. Так что близнецы представляют собой внушительную пару — во всякой щенячьей склоке они всегда заодно. Даже взрослые гиены зачастую обращаются в бегство, трусливо поджав хвосты, когда близнецы, воинственно ощетинившись, разом бросаются в бой.

Старый самец Нельсон слеп на правый глаз, а уши у него порваны в клочья в результате многочисленных сражений за пищу и самок — ему выпало на долю не особенно высокое общественное положение. Ходит он, держа шею как-то скованно и немного скособочившись, так что здоровый глаз смотрит прямо вперед, и это придает ему довольно потешный вид. Частенько он спотыкается о кочки или разные неровности на земле; однажды, проходя мимо норы, он запнулся о ее край и нырнул в нее вниз головой.

Но легче всего было отличить Нельсона по голосу. Тем, кто ни разу не слышал дикого басовитого «уууу-гуу» гиены, трудно представить себе, что это такое. Каждое «уууу-гуу» входит составной частью в серию из десяти и более воплей — они начинаются громко, а кончаются часто низким однозвучным «уууу». Из всего причудливого набора звуков, доступных гиенам, этот звук слышится чаще всего и служит главным образом средством установления контакта между рассеявшимися членами клана. Несомненно, гиены узнают друг друга по голосу — даже я могу узнать многих гиен только по их вокальному репертуару. У Нельсона довольно чистый баритон, и, кажется, он сам любит себя послушать: он завывает по малейшему поводу и нередко тихонько подывает на ходу — наверное, так просто «уууу-гуукает» себе под нос.

До недавних пор об образе жизни гиен было известно совсем мало. Большинство людей представляют трусливого нахлебника, который живет остатками с львиного стола или разной падалью, порой закусывая каким-нибудь кожаным сапогом (уворованным у спящего человека). Кое-кто из старых натуралистов писал, что гиены иногда выходят на охоту всей стаей, но на эту особенность их поведения по большей части не обращали внимания, пока о ней не сообщил во всеуслышание Ханс Круук, молодой голландский ученый, работающий в Научно-исследовательском институте Серенгети.

Именно тщательные наблюдения Круука показали, что гиены объединяются в общества — кланы, включающие любые количества особей, иногда до сотни. Он же установил, что кратер Нгоронгоро разделен на восемь отдельных территорий, принадлежащих разным кланам, и каждый клан регулярно патрулирует свои границы, отмечая их через определенные интервалы запахом преанальных желез.

С вершины гребня Когтистых скал открывается вид на охотничьи угодья клана Когтистых скал, которые занимают около пятидесяти квадратных километров. Если стоять лицом к кратерному озеру, находящемуся на юго-западе, территория этих гиен тянется полтора километра по ровной степи, по левую сторону холма клану принадлежит еще небольшой кусок равнины. За холмом эти гиены владеют выходом к узенькой речке Мунге, а

за ней — небольшим куском холмистой местности у стены кратера. Примерно в четырехстах метрах правее гребня Когтистых скал Мунге протекает через болото того же названия и вливается в озеро кратера. Это болото, поросшее высоким тростником, где днем бродят носороги и тростниковые козлы-редунки, а по ночам слоны и буйволы, — любимое место гиен этого клана: в самый зной там всегда прохладно. Здесь им легче всего избавиться от назойливого внимания людей: по поросшим тростником топям на машине не проедешь. На дальнем конце болота круто поднимаются склоны холма с плоской вершиной, который мы прозвали «Столовой горой»; территория клана Когтистых скал захватывает и этот холм, и большой кусок холмистой местности за ним.

К территории клана Когтистых скал примыкают территории еще трех кланов: Озерного клана, клана реки Мунге и клана Столовой горы. Границы между кланами не стабильны. Всего год назад, например, Столовая гора входила, как и следовало ожидать, в территорию клана Столовой горы. Но постепенно, месяц за месяцем гиены клана Когтистых скал оттесняли своих соседей все дальше к стенам кратера, в холмистую местность. Одновременно с этим клан Когтистых скал отступал на противоположном фланге, потому что клан реки Мунге передвигал свою границу по равнине все ближе к гребню Когтистых скал. Одно время патрульные партии гиен с реки Мунге даже оставляли свои отметки на самой вершине гребня. Но клан Когтистых скал, отвоевав порядочный кусок земли у клана Столовой горы, стал затем оттеснять пришельцев обратно на их прежнюю территорию. Так что за один год гиены Когтистых скал почти удвоили свою территорию, и мне очень жаль, что я не присутствовала при этом: должно быть, за этот год разыгралась не одна славная битва.

Все гиены Когтистых скал выращивают своих щенят на сравнительно небольшой площади возле гребня Когтистых скал. Момент появления на свет гиены мне наблюдать не пришлось; событие, самое близкое по времени, — это когда я как-то к вечеру встретила Кровавую Мэри с новорожденным щенком в зубах. Ему было никак не больше получаса от роду, потому что он даже не успел обсохнуть, а на пуповине еще болтался послед. Мать унесла крохотного черного детеныша в глубокую черную нору в заброшенном терmitнике. Я прождала там весь день, но уже стемнело, а Кровавая Мэри так и не показалась из норы.

Следующие два дня Кровавая Мэри провела у входа в нору; время от времени она спускалась вниз, очевидно, чтобы покормить щенят. Гиены в отличие от большинства хищников рождаются довольно хорошо развитыми: глаза у них открыты и многие зубы уже прорезались. Щенята поразительно активны — передвигаются они, подтягиваясь на передних лапках. И тем не менее, ежедневно дежуря у норы Кровавой Мэри, я ни разу не видела ее щенят. Но на десятый день я наконец застала мать с щенками у входа в нору. Щенки лежали один поверх другого, «месяя» миниатюрными лапками переполненные молоком соски матери. Рядом с ее огромной тушей щенки казались крохотными и очень черными.

Насосавшись, Водка и Коктейль стали карабкаться через лапы Мэри, и она быстро облизала их, одного за другим. Их серо-голубые глаза были еще мутноваты, а на ходу щенята качались и часто, спотыкаясь, падали вниз носом. Хвостики у них торчали потешными короткими «морковками», а лапы были большие и мордочки курносые, как у щенят домашних собак. Вскоре они спрятались в нору. Коктейль, которого я отличала по маленькой щербинке на ухе, спустился вниз аккуратно, а Водка оступился и мгновенно исчез, только облачко пыли взлетело вверх и осело у входа.

Еще с недавно Кровавая Мэри воспитывала своих щенят отдельно от других, и с каждым днем щенки увереннее держались на ногах, глаза у них становились все более блестящими и они все дальше оставались на поверхности. Щенки сделались более игривыми, стали чаще таскать один другого за уши, а мать за хвост, и любопытство у них росло не по дням, а по часам. Однажды стервятник опустился возле норы — поискать остатки мяса. Когда он вперевалочку заковылял по земле, я увидела, что Водка, а за ним и Коктейль высунули головы из норы и широко раскрытыми глазами смотрят на белую птицу.

Потихоньку-полегоньку, один за другим они выбрались из норы и сделали несколько шагов к посетителю, чтобы познакомиться с ним поближе. Но когда птица случайно двинулась в их сторону, они, натыкаясь друг на друга, перепуганные, кубарем скатились обратно в нору.

На протяжении этой недели Леди Астор часто приходила и ложилась возле норы своей подруги, чтобы составить компанию матери щенят. Рядом с доминирующими самками нередко лежала и дочь Леди Астор, Мисс Гиена. Я дала ей это имя, подсмотрев, как она любуется своим отражением в луже. В это время ей было около года и она была необычайно хороша собой: бледно-кремовый фон ее шкурки украшали яркие черные и блестящие-медные крупные пятна. Глаза у нее так иискрились, словно горели собственным светом, а на красивой головке ловко сидели аккуратные ушки. Она выиграла бы любой конкурс красоты среди гиен — была бы вне конкуренции.

Маленьких черных щенят охраняли лишь Кровавая Мэри, Леди Астор и Мисс Гиена, когда в одну из лунных ночей к норе приблизились семеро самцов Озерного клана, видимо совершивших рейд в чужие владения. Кровавая Мэри и ее подруги отдыхали, но встрепенулись, когда семерка была еще метрах в шести. Все трое на минуту замерли и — бросились бежать. Озерные гиены шли прямо к норе, поставив хвосты торчком. Я не знала, что они собираются делать, но тут же вспомнила ручного щенка гиены, которого Ханс Круук спас как-то ночью из зубов самца-мародера. У малыша было разорвано горло, прокущена трахея и сломана челюсть — только самоотверженная забота человека спасла ему жизнь.

Немного отбежав, Кровавая Мэри и Леди Астор остановились и стали смотреть на «озерных». Внезапно Кровавая Мэри решила вернуться. То ли материнский, то ли территориальный инстинкт проснулся в ней, и она бросилась вперед, воинственно загнув хвост, весь распушившийся от ярости, а по пятам за ней неслась Леди Астор. Мисс Гиена была слишком молода, чтобы принимать участие в подобных стычках. Их было двое против семерых. Я подвела машину поближе к норе. И теперь мне уже никогда не узнать — то ли внезапный шум мотора, то ли приближение двух доминирующих самок враждебного клана спугнуло семерых «озерных» — они повернули и побежали обратно на свою территорию.

Кровавая Мэри и Леди Астор пробежали немного за самцами, провожая их громким рычанием. Потом они, все еще рыча и обнюхивая землю, вернулись к норе. Некоторое время они кружили возле нее, а затем Кровавая Мэри в сопровождении Леди Астор испустила длинную серию воплей «ууууу-гуу». Мисс Гиена возвратилась и подтянула им. Потом обе самки побежали к гиенам своего клана, собравшимся у норы метрах в ста от них. Они не переставая рычали и, судя по их виду, пытались увлечь за собой остальных, чтобы отомстить врагам, — дважды они пускались бежать к территории «озерных», оглядываясь через плечо, но никто не побежал за ними, и они вернулись к норе Кровавой Мэри и улеглись там, хотя еще с полчаса смотрели в сторону территории Озерного клана и негромко ворчали. И вероятно, совсем не случайно на другой день Кровавая Мэри перенесла своих трехнедельных щенят в общее логово к Пестрячку Миссис Браун и двум близнецам Бочки.

Сейчас, на мой взгляд, полезно рассказать немного о половых отличиях гиен. Внешне разделить щенков женского и мужского пола невозможно, так как их наружные половые органы с виду совершенно одинаковы. Этот курьез и породил неверное представление, что гиены общеополы. Известен такой случай: одному охотнику поручили поймать шесть гиен — трех самок и трех самцов. Он быстро изловил трех «самцов», но никак не мог поймать самку. Пока он искал самок, один из «самцов» разрешился от бремени тройней.

Только после того, как самка ощенится в первый раз, становятся видны два темных соска и ее пол можно определить. Старых самок отличить тем более не трудно — из-за длительного выкармливания многочисленного потомства соски у них вытянуты и хорошо заметны.

И я тоже ошиблась: в последнее время несколько гиен, неожиданно принеся потомство, превратились из Графа Дракула в Графиню Дракула и из Хьюберта в Хьюберту. Так что для простоты я дала щенкам нейтральные имена и всех их называю «он».

Щенки неизвестного мне пола, принадлежащие Миссис Браун и Бочеке, с

присоединившимися к ним младенцами Кровавой Мэри жили все вместе в одной норе у подножия гребня Когтистых скал. Я назвала ее Логовом Золотых трав — по вечерам заходящее солнце превращало каждую травинку в чистое золото. Пестрячку исполнилось уже два с половиной месяца, и он понемногу вылезал из своей черной младенческой шкурки: голова у него стала светло-серого цвета, а на серой шерсти шеи и плеч появились первые пятна. Соус и Пикуль были месяца на два постарше, и у них черная шерсть осталась только на лапах и на крупе.

Однажды вечером, на другой день после появления озерных самцов, когда Пестрячок мирно сосал Миссис Браун, а близнецы возились неподалеку, к норе подошла Кровавая Мэри, неся Водку. Шея щенка была зажата в ее сильных зубах, а тельце беспомощно болталось. Громадный клык Кровавой Мэри находился в опасной близости от его левого глаза, и щенок судорожно зажмурил его, взирая на мир несколько однобоко, вторым глазом.

Когда Кровавая Мэри подошла ближе, близнецы нырнули в нору, а вслед за ними скатился и Пестрячок, перепуганный этой неожиданной паникой. Миссис Браун продолжала спокойно лежать в золотой траве. Кровавая Мэри прошла прямо к норе и вывалила Водку на ее край. Он не успел ни за что уцепиться и кувырнулся вниз — так произошло его первое знакомство с будущими товарищами, без лишних церемоний.

Перед тем как отправиться за вторым щенком, Кровавая Мэри подошла поздороваться к Миссис Браун. У гиен множество приветственных церемоний, но чаще всего они обнюхивают и лижут друг другу морды и область паха. Миссис Браун, не вставая, растянула губы в подобострастной улыбке, напоминающей нервную улыбку человека. Кровавая Мэри сунула нос в ее пах, и Миссис Браун в соответствии с требованиями этикета подняла заднюю лапу. Кровавая Мэри ответила тем же. Обе самки обнюхали и облизали соски друг друга. После этого Кровавая Мэри, равнодушно взмахнув хвостом, пошла к своей старой норе.

Через десять минут она вернулась, и в зубах у нее болтался Коктейль. Она сунула его в нору и, раз-другой дернув хвостом, улеглась рядом. Вскоре из норы вылезли старшие щенки — Соус, за ним Пикуль — и Пестрячок в хвосте. Прижавшись друг к другу они воззрились на доминирующую самку. Наконец Соус решился поздороваться с Кровавой Мэри. Он совершенно беспрепятственно подошел и ткнулся носом ей под заднюю лапу. Она приподняла ее на несколько сантиметров, но на его лапку, вежливо приподнятую над ее головой, внимания не обратила. Пикуль последовал примеру Соуса и тоже приподнял лапку, но, так как его надежно загораживал Соус, Кровавая Мэри этого даже не заметила.

Когда близнецы, обнюхав Кровавую Мэри, отошли, к ней с неимоверными предосторожностями стал приближаться Пестрячок. Он вытянул, как мог, свою короткую шею, а хвост поджал, совсем упрятав его между задними лапами. Двигался он неровными перебежками, быстро кивая серой головенкой. Перед каждым рывком он замирал, словно готовясь дать стрекача. Наконец он подкрался достаточно близко и, набравшись храбрости, сунул свой курносый нос к животу Кровавой Мэри, но стоило громадной гиене слегка приподнять лапу, как он короткими прыжками поскакал прочь, но потом обойдя ее, начал все представление сначала. На этот раз он уже не убежал, когда Кровавая Мэри подняла лапу, и я очень забавлялась, глядя, как маленький щенок задрал свою черную лапку и она долго и серьезно обнюхивала его в знак приветствия.

Затем Пестрячок, которому помешали сосать, вернулся к матери, а близнецы снова принялись играть, таская друг друга за уши, за «баки», за хвосты — они то носились кругами вокруг Миссис Браун с сыном, то тащили в разные стороны сухую палочку. Временами из норы высовывались черные мордочки Коктейля и Водки — крохотные щенки большими серьезными глазами следили за разыгравшимися близнецами, но, как только те приближались к норе, поспешно ныряли вниз.

Вокруг нор с щенками фокусируется вся социальная жизнь клана гиен. «Визиты» обычно начинаются на закате и продолжаются с перерывами всю ночь. Некоторые гиены, проходя мимо, немного задерживаются, чтобы поприветствовать своих друзей, а другие приходят в гости надолго, лежат возле нор, играют с щенками, здороваются с новь

прибывающими. Как правило, компания щенят, достаточно подросших, чтобы разгуливать без матерей, каждый вечер переходит к норе, где живут самые маленькие щенята, проводит там ночь, а утром подростки возвращаются к родным норам. Таков типичный образ жизни гиен у общих нор — спокойная, привольная жизнь.

Второй возле нор в этот вечер появилась Леди Астор. Она поздоровалась с Кровавой Мэри, а когда та широко зевнула — обычное поведение доминирующих гиен при встрече, — Леди Астор, сморщив нос, лизнула подругу прямо в самые губы. Тут подоспели и щенки; они столпились вокруг Леди Астор и нюхали ее живот, она же не обратила внимания на то, что каждый из них предупредительно задрал лапку, и с безразличным видом приподняла свою, давая им обнюхать себя. Потом, несколько раз дернув хвостом, она развалилась на земле, рядом с Кровавой Мэри.

Следом за матерью подошла Мисс Гиена, поздоровалась со всеми по очереди, легла и начала сосать. Леди Астор приподняла переднюю лапу, когда дочь улеглась с ней рядом, и ласково положила ее на бок Мисс Гиены.

До наступления темноты к норам подошли еще несколько гиен. Прибыли и пятеро щенков и затеяли неистовую возню с близнецами и Пестрячком. Приплелся кривой старик Нельсон, издали возвещая о своем прибытии целой серией басовитых «уууу-гуу», но эти звуки перешли в визгливое хихиканье, когда щенята всем скопом помчались на него в атаку. Такие встречи возле нор не в диковинку самцам низкого ранга. Щенята с Соусом и Пикулем во главе, поставив торчком ощетиненные хвосты, неслись навстречу Нельсону. Он было повернулся и пробежал несколько метров, но скоро остановился и встретил молокососов лицом к лицу — «психическая атака» кончилась мирным обрядом приветствия. Некоторые самцы удирают без оглядки, и случается, что щенята всерьез кусают их и вообще прогоняют прочь от норы.

После всех, в уже сгущающихся сумерках, неторопливой иноходью пожаловала солидная толстуха Бочка. Близнецы были так поглощены борьбой и кувырканьем в траве, что не заметили ее появления: она, по-видимому, тоже не обратила на них внимания, потому что направилась прямехонько к норе, сунула туда голову и принялась копать. Она все еще рыла землю, когда близнецы увидели ее и бросились здороваться. Мамаша радостно облизала их одного за другим, а потом с глубоким вздохом улеглась и стала их кормить. Как обычно, три-четыре минуты ушло на барактанье — Соус и Пикуль разбирались, кто из них окажется наверху, и, как всегда, верх одержал Соус.

Ужасно обидно оставлять гиен, уезжая с темнотой, — ведь ночью они как раз наиболее оживлены и энергичны. Именно по ночам гиены чаще всего охотятся на крупную дичь, отмечают границы своей территории, спариваются. Но, на наше счастье, существует луна — а в кратере лунный свет необычайно ярок: он отражается в озере и отсвечивает на выгоревших, высушенных солнцем травах; серые, темно-лиловые, черные тени гребня кратера словно оберегают этот свет, не давая ему растекаться. В Африке лунный свет никак нельзя назвать холодным: его серебристый поток лишает все вокруг цвета, но не может отнять у воздуха его теплоту. И если все кажется колдовским, зачарованным, то лишь потому, что мы, люди, — дети солнца; я уверена, что для гиен в лунном свете нет ничего таинственного.

Только ночью мне удалось увидеть, как резвятся и играют взрослые гиены. Я никогда не забуду, как впервые увидела такие игры. Фольксваген стоял у Логова Золотых трав (травы в сиянии полной луны стали серебряными); Лакомка, которому было тогда около года, спал у меня за спиной на большой кровати. Повсюду вокруг нас резвились гиены. Леди Астор валялась на спине, размахивая в воздухе всеми четырьмя лапами, близнецы, отталкивая друг друга, норовили покрепче вцепиться ей в правое ухо, двое других щенят с рычанием дергали ее за шерсть на шее, а Пестрячок висел у нее на хвосте.

Когда же на нее наскочила собственная дочь, Леди Астор рывком поднялась с земли и отряхнулась, да так, что щенята посыпались в разные стороны и покатились кто куда. Мгновение громадная самка стояла на месте, раздвинув губы в дурацкой ухмылке, но вот

Соус и Пикуль одновременно кинулись, норовя вцепиться ей в хвост, и тогда она, отскочив, понеслась широким кругом по низкой сухой траве. Челюсти щенят щелкнули в воздухе на том самом месте, где сию секунду был хвост Леди Астор, и близнецы, столкнувшись, растянулись на земле. Мгновенно вскочив, они устремились следом за двумя другими щенками, которые уже гнались за Леди Астор. Славная это была погоня в серебристом свете луны!

А справа от меня трое взрослых гиен носились по спирали, все уменьшая круги, и наконец с истерическим хохотом свалились в одну кучу-малу — сплошное мельтешение щелкающих зубов и лягающихся лап. В свалку с размаху врезались еще двое взрослых. Внезапно одна из гиен стала негромко поскривливать, и, включив на минуту прожектор, я увидела, что это Кровавая Мэри. Ее кусали, теребили за шею, тянули за хвост. Лежа с беспомощным видом и только изредка подергивая лапами в воздухе, она постанывала, будто ее защекотали до изнеможения. Но спустя мгновение она вскочила на ноги, и вся пятерка галопом понеслась при свете луны в полном безмолвии — только слышался топот лап по сухой земле.

Краешком глаза я заметила легкое движение у норы и догадалась, что это маленький черный щенок Кровавой Мэри. Из безопасного подземелья высунулся курносый нос и пара круглых ушей- щенок глазел на дикую свистопляску вокруг, — по мимо промчалась Леди Астор, и щенок исчез. Через несколько минут один из щенят снова высунулся, и так оно и продолжалось; время от времени оба выглядывали разом.

Игра оборвалась в одно мгновение, с какой-то пугающей внезапностью. Все гиены застыли, глядя в сторону озера. Как я ни напрягала слух, мне ничего не удалось услышать, но гиены, должно быть, слышали топот копыт вдалеке: Кровавая Мэри сорвалась с места и понеслась к озеру, а за ней Леди Астор и все остальные взрослые гиены. Глядя им вслед, я несколько секунд спустя увидела первый ослепительный разряд мощной фотоспышки Гуго. Когда луна была достаточно ярка, чтобы можно было ехать за гиенами, Гуго следовал за отдельными гиенами клана Когтистых скал, отмечал, как они себя ведут, и все надеялся, что когда-нибудь одна из них начнет погоню и ему удастся провести наблюдения и сфотографировать всю охоту — от начала до конца.

Много раз и я выезжала с ним наблюдать, как охотятся гиены. Одну из самых драматических охотничьих сцен мы наблюдали, когда следовали за Графиней Дракула. Вот уже несколько часов мы тащились следом за ней — она двигалась не торопясь, останавливалась поздороваться с другими, ненадолго примыкала к какой-нибудь группе, а потом снова отправлялась бродить сама по себе. Наконец она улеглась и даже задремала, а через полчаса снова потрусила куда-то. Все ее поведение казалось совершенно бесцельным, и мы уже стали жалеть, что так неудачно выбрали своего «лидера». Но вдруг она начала охоту, бросившись на самца гну. К Графине Дракула, преследовавшей его, присоединились три гиены. Внезапно бык остановился и обернулся к охотникам. Это была роковая ошибка — не прошло и минуты, как из темноты возникли еще десять гиен и он оказался в окружении. Он попытался было прорвать кольцо, но четыре гиены бросились на него с боков и, прыгая, хватали его зубами. Он стоял, окруженный со всех сторон, и вертелся, стараясь встретить врагов лицом к лицу. Вот ему удалось прорваться, и он подбежал к нашему лендроверу. Он остановился и, прижавшись задом к машине, обернулся к своим мучителям. Гуго мог бы дотронуться до него, высунув руку в окно.

Минуты шли за минутами. Гиены сновали вокруг, негромко подывая и ворча, но нападать не решались — острые рога гну рассекали воздух, когда он мотал головой. Вдруг, должно быть услышав, как кто-то из нас зашевелился, гну повернулся и бросился на лендровер — он так грохнул рогами в дверь, что на толстом металле осталась вмятина. Один рог попал прямо в окно, едва не задев руку Гуго. Нам пришлось отъехать, и для гну это было смертным приговором: когда он бросился бежать от машины, гиены вцепились в него. Позднее на фотографии мы увидели, что последнюю атаку возглавила Леди Астор. В минуту-другую гну был повержен на землю, и гиены клана Когтистых скал сомкнулись над

ним, а еще через несколько минут он был мертв.

Гиены, как и гиеновые собаки, убивают жертву, выпуская ей кишку, и смотреть на это не менее жутко. Как мы уже говорили, жертва вряд ли испытывает страдания, которые мы себе воображаем, но все же единственное средство побороть физическое отвращение — это сосредоточиться на поведении гиен. Зрелище само по себе неописуемое, когда все гиены клана одна за другой подбегают к добыче и ввязываются в свалку, пытаясь урвать свою долю. На этот раз туша гну целиком скрылась из глаз — прошло всего несколько секунд, а к ней сбежалось штук тридцать гиен, если не больше.

Кровавая Мэри и Леди Астор отрывали и заглатывали громадные куски мяса и их соприкасавшиеся бока мало-помалу раздувались. Мисс Гиена тоже ела рядом с матерью. Миссис Браун слегка запоздала и — без преувеличения — гигантским прыжком буквально нырнула вниз головой в самую гущу гиен. Веллингтон, главный самец клана, вскарабкался на спины рвущих мясо собратьев и какой-то момент сидел там, пока не обнаружил крохотную щель, в которую можно было втиснуться. Опаздавшие проползали к пище на брюхе, пробираясь под ногами у соплеменников.

Вскоре разгорелась свара, шум стал громче: вой и ворчание, внезапный рев, от которого мороз подидал по коже, нервное хихиканье и хохот. А с этими звуками смешивались другие — тридцать с лишним зубастых ртов чавкали, рвали, крушили мясо, шкуру, кости. Не удивительно, что в таких свалках иногда встречается и непреднамеренный каннибализм — откусывают уши, кусают за лапы и носы, потому что вскоре уже трудно отличить мясо жертвы от окровавленных, с застрявшими кусками мяса шкур других гиен. Этой ночью у Нельсона отхватили еще часть уха. Я подозреваю, что и Миссис Браун потеряла кончик носа в одном из таких полуночных пиршеств.

Постепенно добычу разорвали на куски, и шум понемногу стал стихать. Я увидела, как Миссис Браун бежит, захватив ногу гну, а за ней гонятся Леди Астор и Веллингтон. Нельсон, визгливо хихикая и глядя вперед здоровым глазом, внезапно помчался прочь унося кусок шкуры, а за ним погнался Черный Страж. Бочка потащила кость передней ноги; негромко и нервно похихикивая, она оглядывалась на Миссис Вонючку, явно вознамерившуюся отнять лакомый кусочек. Молодой самец Комик спокойно наслаждался сочным куском мяса, спрятавшись от своих соплеменников возле машины. Мисс Гиена умчалась, унося хвост гну, но быстро бросила его, обнаружив, что там ничего, кроме волос, нет. Самец низшего ранга Старатель потихоньку убрался в сторону с крохотным куском кишки. Все это смахивало на дешевую распродажу в универмаге — каждый покупатель лихорадочно хватает какой-нибудь товар и тотчас бросает, разглядев получше. А в это время подвижные, как ртутные шарики, шакалы сновали между ног у гиен, хватали мясо то тут, то там, облизывали стекавшую на траву кровь. Я насчитала одиннадцать чепрачных и трех обыкновенных шакалов.

Через пятнадцать минут после того, как гну завалили, от него остались только голова и позвоночник. Веллингтон и Медовый Пряник дернули за один конец, и позвоночник сразу оторвался от головы, которая досталась Кровавой Мэри. Доминирующая самка почти всегда под конец получает голову. Это ее привилегия.

Одно хорошо в охоте гиен — после нее ничего не пропадает. Все, что можно съесть, съедается, даже траву вылизывают так, что ни следа крови не найдешь. От гну остались лишь грива, хвост да борода, не считая рогов на черепе. Да и то рога, не нужные взрослым, порой оказываются у одной из нор, и щенки часами грызут их и возятся с ними.

Далеко не все погони кончаются удачно. Едва ли не самый верный способ удрать от стаи гиен — вбежать в гущу большого стада; это иногда сбивает охотников с толку. Порой гну пытаются спастись, прыгая в реку, но гиены воды не боятся и бросаются следом за жертвой.

Как-то раз, проезжая по берегу Мунге, мы наткнулись на группу гиен, которые сновали на берегу и вглядывались в воду. В этом месте берег круто обрывался и до воды было больше метра. Вдруг из довольно бурного потока вынырнула чья-то гладкая голова, вроде

тюленьей. Это странное существо встряхнулось, и из тучи разлетевшихся брызг на нас глянула знакомая физиономия Леди Астор. Через секунду на поверхности показалась вторая голова, и из воды вышла Кровавая Мэри. Почти сразу же обе снова нырнули, а за ними с берега бросилась объемистая Бочка, окатив водой стоящих на берегу гиен и подняв волну, далеко прокатившуюся по узкой реке.

Мы сразу же догадались, что под водой находится туша какого-то животного — возможно, оно утонуло, пытаясь уйти от преследования гиен. До воды было метра полтора, и нам казалось, что многие гиены, кружившие по берегу, не решались прыгнуть с такого высокого берега, но скорее всего они боялись своих сильных родственников, а не воды, поскольку особи высшего ранга прыгали не задумываясь.

Вот Кровавая Мэри что-то нашупала передними лапами и погрузилась в воду, так что на виду остался только хвост. Вынырнула она с куском мяса в зубах. И снова принялась старательно шарить лапами — должно быть, нашупывала, как расположена туша. Увидеть в этой взбаламученной, грязной воде ничего нельзя было: гиены, которые не шарили лапами под водой, часто выныривали без мяса.

Тем временем быстрое течение постепенно снесло тушу на более мелкое место ниже по реке, где берег был не так крут. Кровавой Мэри удалось ухватиться за заднюю ногу добычи и вытащить ее на поверхность, а потом гиены сантиметр за сантиметром выволокли всю тушу на берег. Тут же поднялась обычная возня с рычанием и хихиканьем. Но на этот раз привычную сцену несколько разнообразило одно обстоятельство: когда гиены низшего ранга, схватив кусочек, отскакивали, трусливо оглядываясь через плечо, они неизменно кувыркались с берега прямо в воду. Порой беглянке приходилось окунуться дважды, когда преследовательница тоже валилась в воду прямо ей на голову.

В кратере гиены клана Когтистых скал чаще охотятся на гну и гораздо реже на зебр, а в холмистой местности позади нашей хижины гиены клана реки Мунге обычно охотятся на зебр. Однажды мы поехали следом за несколькими гиенами этого клана, когда они вышли на охоту. Ночь была светлая, сияла луна, но среди холмов полно предательских ловушек — ям, скрытых высокой травой, так что мы потуже затянули аварийные ремни и надвинули на лбы противоударные шлемы. В группе, за которой мы ехали, было тридцать гиен — погоню за гну могут начать одна-две гиены, а для охоты на зебру обычно собираются более многочисленные партии. Внезапно гиены повернули и помчались прямо вверх по склону холма. Ведя машину следом, я с минуты на минуту ждала, что лендровер опрокинется на этой крутизне. Но мы благополучно достигли вершины, и тут перед нами открылась совершенно неописуемая картина.

Рассеянные табунки зебр собирались в одну громадную полосатую шеренгу — там было больше двухсот зебр. Табун уходил галопом, и мы видели, что с тыла его защищают несколько жеребцов. Они то и дело останавливались, оборачивались и щелкали зубами, плотно прижав уши к голове — так они отгоняли передовых гиен. Вот одна из них внезапно взлетела в воздух сантиметров на тридцать выше зебровых спин — видно, ее лягнули. Шлепнувшись на землю, она два раза перевернулась, но вскочила и снова побежала вперед. Воздух дрожал от несмолкаемого пронзительного лая преследуемых зебр, и их копыта выбивали громоподобную дробь на выбеленном луной склоне холма. Собравшихся гиен подсчитать было невозможно, их было не меньше тридцати.

Минут пятнадцать мы следовали за погоней, но вот гиены по одной, по две, маленькими группками стали отставать, обескураженные этой непробиваемой стеной зебр и отвагой защищавших табун жеребцов.

Да, зебры — нелегкая добыча для гиен, и охотники почти всегда пасуют, как только жертва перестает убегать. Должно быть, гиены, как волки и гиеновые собаки, не боятся, что крупное животное их лягнет, но стоит ему обернуться, и они пугаются его рогов или зубов. Мы видели, как гиены четыре ночи подряд преследовали хромого жеребца; каждый раз, отбежав немного, жеребец оборачивался и начинал огрызаться. Охотники, немного покрутившись вокруг него, расходились, оставляя свой вожделенный ужин мирно пастьись на

траве.

Что касается пропитания, то самое беззаботное время для гиен кратера — период отела гну. И как раз это время наносит наибольший ущерб репутации гиен. Ведь сил нет смотреть, как гиены хватают и приканчивают едва стоящего на ножках новорожденного теленка — можно ли не пожалеть и его, и мать... Мы с Гуго не раз наблюдали, как теленок появляется на свет, как мать вылизывает его мокрую шерстку, смеялись, глядя, как он пытается встать на длинные ножки, и диву давались, как быстро он осиливает эту премудрость и начинает бегать, — и вдруг замечали, что к нему подбирается одна или несколько гиен. Через каких-нибудь десять минут после рождения теленок погибает в зубах у гиены — в этот период изобилия гиены охотятся не только ночью, но и днем.

Все это глубоко подействовало на меня, когда я работала в кратере за месяц до рождения собственного ребенка. Я не могла отогнать от себя мысль о такой расточительной потере усилий и жизни: антилопа гну так долго вынашивает своего теленка, и вот когда он наконец появляется на свет, в один миг это новорожденное живое чудо погибает, даже не вступив в жизнь! Ненаучный подход к явлениям природы — но беременным женщинам принято прощать всякие слабости. Тем более что любое сочувствие в известных границах всегда оправдано. Даже женщина, помешанная на кошках, не сможет побороть в себе жалость к птенцу, которого с гордостью положили у ее ног на паркете гостиной, но обвинять свою кошечку — нет, как можно! А ведь кошечка в отличие от гиен, которым приписывают все смертные грехи, сыта и охотится не ради пропитания.

Нужно учесть и еще одно обстоятельство. Гиена немало рискует, охотясь на теленка гну, — ведь антилопа бесстрашно и решительно защищает своего малыша. Я наблюдала однажды такую полную драматизма битву разъяренной матери с доминирующим самцом клана Когтистых скал Веллингтоном.

Когда Веллингтон напал на антилопу с теленком, они поскакали прочь, но увидев, что он догоняет их, мать повернулась, налетела на него, наподдала ему рогами и снова бросилась бежать. Веллингтон молниеносно вскочил и продолжал погоню. Догнав теленка, он вцепился ему в плечо, но мать обернулась и мощным ударом лба подбросила и гиену, и теленка на метр с лишним вверх. Когда Веллингтон приземлился, мать была наготове и, бросившись «на колени», прижала его к земле своими загнутыми рогами. Однако дралась она уже напрасно: теленок был ранен и Веллингтон, вывернувшись, без труда схватил и утащил его в сторону. Он держал теленка за шею и прикончил его, встряхивая головой и скимая свои мощные челюсти. А бедная мать только и знала, что носилась галопом вокруг гиены: возможно, и бой-то она проиграла из-за того, что теленок перестал мычать. Как бы то ни было, антилопа стояла и молча смотрела, как Веллингтон и примчавшиеся три гиены в клочки рвали ее дитя. Потом она повернулась и неторопливо пошла прочь, пощипывая травку по дороге, — судя по ее виду, она и не думала горевать. Когда Веллингтон стал уходить, я заметила, что он не может ступить на одну из передних лап. Несколько дней он не участвовал в охоте.

Телятам нередко удается удрать от преследующих их гиен. Иногда в бой вступает бык: напав на гиен, он дает матери с теленком время убежать. Самец гну ведет себя так вовсе не из любви к ближнему — эти драчливые быки готовы напасть на гиену независимо от того, гонится она за теленком или нет. Однажды гну налетал на Нельсона четыре раза подряд и даже опрокинул его, никак не давая спокойно доесть молодую газель Томсона, которую тому посчастливилось изловить.

Теленок легче всего спасается в том случае, когда мать продолжает скакать вперед, не останавливаясь для нападения на преследующих гиен. Ведь детеныш обычно поворачивает вместе с матерью и бегает вокруг нее, так что гиене, ускользнувшей от антилопы, ничего не стоит схватить его. Но один раз совсем маленький теленок продолжал бежать вперед и тогда, когда мать обернулась и поддала рогами одну из двух гнавшихся за ними гиен. Он вбежал в табунок зебр, и одна из них ни с того ни с сего вдруг лягнула бегущего малыша. Теленок растянулся на земле, и я испугалась, что вторая гиена, которая была всего в двадцати метрах,

вот-вот его прикончит. Но в тот момент, когда малыш поднимался на ноги, мать бросилась на гиену и прижала ее к земле, придавив рогами, и теленок удрал без помех. Потом мать снова побежала и, поравнявшись с детенышем, быстро и ровно поскакала рядом с ним. Первая гиена больше за ними не гналась — должно быть, мать ушибла ее или ранила. Вторая несколько минут продолжала погоню, но постепенно замедлила бег и наконец совсем остановилась, отказавшись от добычи.

Само собой разумеется, телята гну — не единственные молодые животные, на которых нападают гиены, они готовы напасть на любого младенца, в том числе и на львенка и даже на маленького носорога. Мамаша-носорог обычно прячет своего новорожденного в густых зарослях — приблизительно в возрасте двух месяцев он уже становится гиенам не по зубам. Но одна мать с неслыханной самонадеянностью вывела на равнину крохотного месячного детеныша. Ей не пришлось долго его воспитывать: как-то утром мы увидели, что мать и детеныш окружены гиенами, — там было не меньше пятнадцати гиен из клана Когтистых скал. Подъехав ближе, мы увидели, что у малыша сломана ножка, но виноваты ли в этом гиены, нам уже никогда не узнать. Часть гиен понемногу разбрелась, но некоторые — среди них были Веллингтон, Нельсон и Бочка — оставались возле раненого малыша и время от времени подскакивали к нему и кусали. Мать, возможно защищавшая своего детеныша всю ночь напролет, становилась все более сонной; наконец Годдард, изучавший местных носорогов, пристрелил малыша и прекратил его мучения.

Два года спустя, к нашему несказанному удивлению, та же самая носорожиха появилась на равнине с другим месячным детенышем. И каждую ночь, не менее трех недель подряд, группы гиен из клана Когтистых скал изводили мать и младенца — они шли за ними по пятам, окружали их кольцом, неожиданно бросались на маленького носорога. Но на этот раз мать сумела отстоять своего малыша. Да и сам младенец, ростом не больше гиены, с курносым носиком, на котором даже еще не прорезался будущий рог, поставив хвостик торчком, неутомимо нападал на мучителей, и бдительная мать своей громадной тушей и внушительным рогом прикрывала его с тыла. Но детеныш подрос, и опасность миновала — гиены потеряли к нему всякий интерес.

Кратер Нгоронгоро славится своими носорогами: их можно найти на равнине, в тростниках, на холмах и в лесах по его склонам. Мне и в голову не приходило бояться носорогов, поскольку обычно они ведут себя мирно; бесчисленные туристы подъезжают и кружат возле них, так что, если нападать на каждую машину, можно замертво свалиться от усталости. Но вот я стала брать с собой Лакомку — он спал в фольксвагене, а я наблюдала за гиенами возле Логова Золотых трав. И как раз в это время в наши места со склонов кратера пришел «дурной» носорог. На Гуго он нападал уже три раза, и один раз тому едва удалось уйти.

Однажды вечером, когда сумерки неприметно перешли в лунную ночь, я вдруг услышала, как кто-то громко всхрапнул у самой машины. Машина стояла возле логова гиен, у меня был включен свет и горела газовая плитка — я кормила ужином Лакомку. Я сразу же выключила свет и увидела метрах в шести от машины громадного носорога. Пока я смотрела на него, он опять хрюкнул, затряс головой и стал рыть землю передней ногой. Потом он сделал несколько быстрых шажков в сторону, подняв хвост вертикально вверх. Наверное, он пытался сообразить, что за штука наша машина и как бы с ней справиться. Любой неожиданный звук мог его раздразнить, и я не решалась включить мотор и отъехать — носорог был чересчур близко. Я потихоньку привернула газ и ухитрилась, не напугав Лакомку, уговорить его сидеть тихо, как мышь. И мы стали вместе смотреть на носорога.

Через восемь минут — они тянулись, как восемьдесят! — наш гость, помахав рогом и потопав ногами в свое удовольствие, стал удаляться. Уходя, он то и дело поворачивался и смотрел на диковинное белое существо, неподвижное и сверкавшее в лучах луны. Щенята, которые жались все время к норе, теперь столпившись за спиной у близнецов, пошли следом за носорогом. Но вскоре остановились, чтобы насладиться его «визитной карточкой» — кучей навоза, над которой курился дымок. Для щенков гиен, как и для маленьких шакалов,

свежий навоз травоядных — изысканный деликатес.

Как жаль, что Лакомка не сможет вспомнить эти ночи возле Логова Золотых трав! Он часто засыпал, глядя на восходящую луну или на яркие звезды, а если просыпался, то слышал басовито-гулкое и отрывистое мычание гну или странный плачущий вой шакалов, а порой «ууууу-гуу» проходящей мимо гиены. Конечно, я делала все от меня зависящее, чтобы он не просыпался, — тогда мне было бы уже не до наблюдений. Когда он начинал шевелиться, я старалась усыпить его песенкой. Если случалось, что в такую минуту гиены тоже проявляли активность, я просто-напросто напевала свои наблюдения на магнитофон. На следующий день, прослушивая записи, мы покатывались со смеху. Представьте себе, например, как звучат на нежный мотив «Колыбельной» Брамса такие слова: «Кровавая Мэри пришла и ногу во рту принесла, а шея и морда ее в крови» или на мотив «Спи-усни»: «Нельсон истерически хихикает, когда близнецы лижут его пах».

Единственное, что грозило нарушить мирный сон Лакомки по ночам, — это неуклонное стремление каждого щенка и многих взрослых гиен подзакусить фольксвагеном. Гиены то и дело возобновляли свои попытки: они грызли и кусали фары, провода, выхлопную трубу — буквально все, к чему только можно было приложить зубы. Как-то раз Пикуль вылез из-под машины, ужасно гримасничая, тряся головой и что-то стирая с морды лапой. Причина стала ясна, когда мы поехали домой и у машины отказали тормоза: щенок прокусил тормозной шланг и попробовал тормозной жидкости!

Близнецы досаждали мне больше всех. Однажды, когда Соус грыз один подфарник, а Пикуль принялся за другой, я сделала все возможное, чтобы от них отделаться: мигала фарами, включала мотор — ни малейшего внимания! Они только туманно воззрились на меня, когда я открыла окно и застучала по кузову машины. Тогда я направила на Пикуля, который был ближе, струю аэрозоля против мух; он попятился, опасливо принюхиваясь, но почти сразу же вернулся. Наконец мне пришлось открыть дверь и высунуть ногу: Пикуль, а за ним и Соус удрали к норе и занялись там какой-то игрой, которая на время отвлекла их от машины.

Но все же чаще всего будили Лакомку не близнецы и не остальные щенки, а взрослые гиены. Когда они зажимали в своих мощных челюстях какую-нибудь торчащую металлическую деталь, а потом начинали ее выкручивать, звук был такой, словно машину раздирают на части. И хуже всех вели себя те, кто больше всех торчал около норы: Мастер Бейдж, старший сынок Миссис Браун, и Мисс Гиена. Эта парочка каждую ночь часами гостила у логова, да и играть они любили больше остальных гиен. Однажды они двадцать минут гоняли вокруг норы, вырывая друг у друга хвост гну, а в другой раз никак не могли расстаться с ярким деревянным грузовичком, который Лакомка выбросил из окна машины.

Мастер Бейдж часто играл и со своим младшим братишкой Пестрячком. К тому времени Мастер Бейдж уже совсем вырос, ему оставалось только немного потолстеть, а Пестрячку едва сравнялось три месяца. Однажды Пестрячок наскачил на довольно большой и очень гладкий камень. Разинув рот до предела, он попытался захватить его, но тот был великоват, и зубы — как ни бейся! — соскальзывали. И вот в ту самую минуту, когда Пестрячок, казалось, ухватил непослушный камень, подбежал вперевалочку Мастер Бейдж, сцепил младшего брата за ухо да как дернет! Пестрячок растянулся на земле, а вскочив, снова попытался поднять камень. Но ему никак не удавалось схватить свою игрушку — Мастер Бейдж и за шиворот его трепал, и за уши дергал, и за баки таскал!

Внезапно Пестрячок бросил камень и впился в хвост мучителя. Он держался изо всех сил, опираясь на свои крепкие лапки, а Мастер Бейдж оборачивался и цапал его. Так потихоньку-полегоньку они стали отступать назад — Пестрячок все еще висел на хвосте брата. И вдруг со скоростью, на какую только были способны его короткие лапки, Пестрячок кинулся к оставшемуся без присмотра камню. Но Мастер Бейдж оказался резве: он сам схватил камень и помчался прочь, оглядываясь через плечо и как бы приглашая поиграть в пятнашки. Пестрячок неуклюже затопал сзади, тогда Мастер Бейдж приостановился и позволил малышу ухватиться за камень, а потом уронил его на землю. Пестрячок еще раз

попытался захватить камень, но как раз в тот момент, когда он почти справился с этим, Мастер Бейдж наскочил на него, сцепил камень и отбежал с ним на несколько шагов. Пестрячок бросился в погоню. Мастер Бейдж снова бросил камень — игра продолжалась.

Через некоторое время Пестрячок как будто выдохся. Он поплелся в сторону, нашел низенькое шиповатое растение и стал тянуть за ветку, пока та не отломилась. Мастер Бейдж не спускал с него глаз. Пестрячок потрепал ветку, бросил и прыгнул на нее. Тут уж Мастер Бейдж не утерпел. Он подбежал к братишке, собираясь вырвать у него ветку. Но как только он покрепче ухватился за свой конец ветки, Пестрячок бросил ветку и помчался к камню. Конечно, ему, как и прежде, не удалось взять камень в зубы, но зато, когда старший брат подскочил, чтобы отнять игрушку, Пестрячок решительно и крепко уселся на нее.

Когда щенята ревились, Миссис Браун обычно лежала поблизости. Старая Бочка тоже проводила много времени возле Логова Золотых трав, и не только ради своих щенят — ей нравилось общество Миссис Браун. В жаркие дни эта пара толстых матрон частенько брела вместе к прохладным тростниковым отмелям — освежиться в жидкой грязи. И так же вместе они приходили обратно, мокрые и измазанные илом, часа в четыре-пять вечера. Неторопливо подойдя к норе, обе мамаши заглядывали в глубину, издавая порой негромкие отрывистые низкие звуки; услышав их, щенята высакивали на поверхность. Бочка почти всегда нетерпеливо раскапывала вход в пещеру в ожидании близнецов. Затем обе самки — каждая в сопровождении собственного потомства — укладывались в неглубоких ямках возле норы и принимались кормить щенят; трапеза продолжалась обычно час-полтора.

Даже Кровавая Мэри, которой, как первой самке клана, хватало дел и помимо возни с детворой, немало времени проводила у норы, пока ее щенкам не исполнилось двух месяцев. Очевидно, это объясняется тем, что маленькие щенки сосут, хотя и не подолгу, но чаще, чем трехмесячные. И если Пестрячок и близнецы сосали всего три раза в сутки, щенки Кровавой Мэри сосали вдвое чаще.

Водка и Коктейль с самого рождения обнаружили совершенно разные характеры. Коктейль был во всех отношениях спокойнее, живости в нем было меньше. Он по многу минут вылизывал Кровавой Мэри шею и шерсть вокруг ушей, когда она лежала возле норы, а потом усаживался у нее под носом и задирал голову, предлагая ей отплатить услугой за услугу. Обычно Кровавая Мэри соглашалась и немного ухаживала за ним, выкусывая что-то из его шерсти передними зубами или вылизывая его с ног до головы шершавым, как у кошки, языком. А Водка тем временем ревился, кувыркался с Пестрячком или карабкался на мать — он все старался убедить Коктейля, что есть более веселые занятия, чем наводить красоту.

Когда щенята стали подрастать, я отметила, что они проводят вместе гораздо меньше времени, чем остальные близнецы. По-моему это происходило оттого, что более смелый и предприимчивый Водка уже месяцев с четырех норовил увязаться за Кровавой Мэри, куда бы она ни шла. Уже в этом возрасте, когда задняя половина тела и ноги у него были еще черны, как у младенца, он иногда оказывался у добычи, если та была убита не особенно далеко от логова. Уверенный в своей безнаказанности — он находился под защитой самой главной самки клана — Водка таскал сочные куски мяса прямо из-под носа взрослых гиен. Частенько он наедался, пристроившись под брюхом Кровавой Мэри. Ведь если бы он не жался к матери, ему вряд ли удалось бы спокойно прожевать свою добычу. Один раз я видела, как он бежит за Кровавой Мэри к дому и тащит солидный кусок шкуры, зажав его в зубах. И хотя он задирал голову как можно выше, чтобы его трофей не волочился по земле, это ему не помогало: он то и дело наступал на шкуру и тыкался носом в землю. Пробежав немногого, он остановился и принял жевать свое лакомство; но тут компания молодых, почти взрослых гиен, которая следовала за ним, бросая алчные взгляды на его трофей, стала подбираться поближе. Кровавая Мэри не останавливалась, и стоило ей отдалиться на шесть метров, как один из молодых бросился на шкуру. С пронзительным хихиканьем Водка подхватил ее и, поставив распущенный хвост торчком, помчался следом за матерью; два раза он опять запинался о свой трофей, а настойчивые юнцы не отставали от него. Но вот

Кровавая Мэри улеглась, и Водка тут же пристроился у нее под бочком, так что старшие щенки поняли, что поживиться не удастся, и разбрелись кто куда.

Когда Водке и Коктейлю исполнилось десять месяцев и они стали уже полувзрослыми гиенами, я стала чаще видеть их вместе. Наверное, те приключения, которые манили Водку, например походы к общей добыче или небольшие разведывательные рейды за свой страх и риск, перестали пугать подросшего Коктейля. Да и Водка рас прощался со своей детской энергией, бившей через край, и настолько остыл, что с удовольствием минут по десять кряду «причесывал» и вылизывал братца.

Несмотря на все это, мне и в голову не пришло, что что-то неладно в тот день, когда я, подъехав к норе, где обитали двое щенят, увидела, что Водка бродит один, а Кровавая Мэри лежит в сторонке. Водка места себе не находил. Он бродил и бродил кругом, принюхиваясь к земле, а потом останавливался и не сводил глаз с равниной. Вдруг он бросился бежать со всех ног — прочь от логова и от матери. Кровавая Мэри подняла голову и посмотрела ему вслед, но когда он скрылся за холмом, встала и поплелась за ним. Я поехала за ней, и мы вскоре догнали Водку — тот оказался у норы, в которой они с Коктейлем жили несколько недель назад. Кровавая Мэри плюхнулась на землю, но Водка никак не мог успокоиться и минут через десять снова мчался куда-то по равнине. Я поехала следом и увидела, что он прибежал к другой норе. Он нырнул вниз, и из норы сейчас же полетела грязь — уж не собирается ли он расчистить нору? Кровавая Мэри припелась и к этой норе и вновь растянулась на земле, но Водка бросился бежать к следующей. Теперь я уже точно знала — он разыскивает своего брата. А он все копал и копал нору, как будто хотел убедиться наверняка, что Коктейль не затаился в самой ее глубине.

Только через два часа щенок прекратил поиски и лег рядом с матерью. Все это время он носился от норы к норе, копал, вынюхивал что-то на земле и в воздухе. Много раз он подвергался смертельной опасности, снуя по степи; это было в разгар гона гну, и днем быки нападали на любую гиену, пробегавшую мимо. Водка, маленький и неприметный с виду, просто огибал разъяренных быков по огромной дуге, а вот Кровавой Мэри, провожавшей своего щенка, не раз приходилось поворачивать и спасаться в норе, от которой она только что отошла. Атаки одного злобного быка шесть раз заставляли ее «окапываться», но ей все же удалось догнать Водку.

Теперь, вспоминая обстоятельства, связанные с исчезновением Коктейля, я понимаю, что Водка чувствовал, что что-то стряслось с его братом. Кровавая Мэри, провожавшая своего щенка от норы к норе, не принимала ни малейшего участия в его отчаянных розысках и была безмятежно спокойна. Но к вечеру и до нее, как видно, дошло, что случилась беда, — на этот раз уже она в сопровождении Водки обошла все норы, одну за другой, совала голову в каждую и тихонько звала. Время от времени, проходя по равнине, она испускала долгие, горестные вопли: «ууууу-гуу»! Еще два дня Кровавая Мэри обыскивала — правда, без особого рвения — разные норы, но в конце концов перестала искать. Я больше никогда не видела Коктейля.

В кратере сплошь да рядом встречаешь гиен — матерей, однопометников или просто приятелей, — которые бродят от норы к норе, разыскивая какого-то определенного щенка. Отчасти это обусловлено тем, что щенята начиная примерно с четырех месяцев переходят из одной норы в другую по собственному почину. Бывает, что, пробыв в норе три-четыре дня, они снова уходят, а иногда живут в одной норе три-четыре недели, как, например, в Логове Золотых трав. Самых маленьких щенков переносят или переводят из норы в нору матери. И я совершенно убеждена, что зачастую гиена уходит из норы только потому, что появляется другая гиена, с которой она «не ладит», а иногда она просто переходит к норе, где устроилась ее подруга. Представьте себе, к примеру, нору или скорее несколько нор вместе, в которых обитают щенята разных возрастов. Щенок ростом в четверть взрослой гиены, который приходил сюда только поиграть по вечерам, решает остаться наловсем и не возвращается в родной дом. И его мать тоже перейдет к этой норе. Но другая мать, обосновавшаяся в этой норе раньше, по рангу стоит ниже вновь прибывшей и при ней

чувствует себя не в своей тарелке. Поэтому она переносит своих щенят одного за другим в другую нору, поодаль от первой. Крохотные черные щенята очень нравятся тем, что постарше, и вскоре старшие щенки переселяются в нору к малышам. А случается и так, что общество матери двух черных щенят нравится другой матери и она переводит своих собственных детей в ту же нору. Так и идет этот круговорот, постоянная смена обитаемых нор весь год напролет.

Как-то раз я сама была виной такого «переезда», который доставил матери кучу хлопот. Ранним утром я подъехала к норе, где молодая Графиня Дракула лежа кормила своих двойняшек. Это были ее первые щенки, всего трех недель от роду, и она до ужаса боялась машины. Когда я подъехала, Графиня Дракула встала и посмотрела на щенков. В серой предрассветной мгле ее морда с уродливо рассеченной верхней губой выглядела жутковато. Вот она схватила одного щенка за шиворот и понесла, время от времени опуская на землю, чтобы перехватить поудобнее. Достигнув своей цели — это была нора в сотне метров от первой, — она исчезла под землей, все еще держа в зубах щенка. Но почти тут же вылезла без него.

Тем временем из норы рядом со мной раздавались пронзительные завывания второго щенка. Графиня Дракула поспешила на его крики. Последние тридцать метров она пробежала бегом, и, когда сунула морду в нору, завывания стихли. Но теперь принялся выть щенок в дальней норе, отчаянными воплями призывая на помощь. Графиня Дракула отдернула морду, которую засунула было в нору, посмотрела туда, откуда доносился крик, побежала обратно к орущему щенку и забралась в нору.

Разумеется, в тот самый момент, как она бросилась бежать, опять заголосил второй щенок. Замученная мать немного посидела в дальней норе, но вскоре высунула голову и стала смотреть в сторону кричащего щенка. Минуту спустя, когда она пошла обратно ко второму щенку, первый выбрался из дальней норы и увязался за матерью. Графиня Дракула остановилась, посмотрела на него и пошла дальше. Крохотный щенок ковылял за ней, то и дело спотыкаясь и тыкаясь носом в землю.

Вдруг целая рулада музыкальных «ууууу-гуу»звестила о прибытии Нельсона. Он поплелся к дальней норе, с любопытством взглядываясь в крохотного черного щенка своим единственным глазом, но щенок мгновенно скатился в спасительную нору. Графиня Дракула обернулась, увидела Нельсона и помчалась к нему. Налетев, она с громким рычанием погнала его прочь, а он, как всегда, подхихиковал на бегу. Матери оберегают маленьких щенят, держа взрослых самцов на почтительном расстоянии, — ходят слухи, что отцы не прочь закусить собственными детьми.

И вот Графиня Дракула в полной растерянности стоит возле дальней норы, а тем временем второй щенок, рядом со мной, немного передохнул и вновь принялся голосить. Мать тут же бросилась к нему. Первый щенок снова вылез из дальней норы и поплелся за ней. На этот раз он не успел отойти и десяти метров от норы, как Графиня Дракула вернулась, повела его, подталкивая носом, к норе и затолкала вглубь. А когда она подняла голову, то увидела, что Нельсон подбирается к другой норе! Одним духом она промчалась сто метров и опять прогнала Нельсона. Потом сунула нос в нору и минуты две возилась, чтобы ухватить щенка, отчаянно скулившего в глубине. Когда она наконец вылезла со вторым щенком в зубах, я увидела, что он вот-вот выскользнет и шлепнется на землю. Мать на секунду положила щенка на землю, чтобы перехватить половчее, а он тут же дал стрекача в нору. Графиня Дракула взглянула в сторону дальней норы — первый щенок, сидя у входа, разрывался на части от воя, — посмотрела на Нельсона, который стоял довольно близко, потом приняла решение и нырнула в ближайшую нору. Секунду спустя она выскочила, крепко зажав в зубах щенка, и со всех ног побежала к дальней норе. Младенец, болтавшийся как тряпка у нее во рту, прекратил свои протестующие вопли, только когда она сунула его в нору к другому близнецу.

Не меньше получаса потратила Графиня Дракула на то, чтобы переселить двух маленьких щенят на сотню метров. Наконец она улеглась, а щенки возобновили прерванную

трапезу.

Бывали случаи, когда можно было ожидать, что матери поспешили «эвакуировать» своих чад, но ничего подобного не происходило. Например, как-то раз шесть львов забрели в наши места и направились прямиком к Логову Золотых трав. Это было вечером. Кровавая Мэри, Миссис Браун и Бочка лежали у нор, кормя своих щенков. Кровавая Мэри первая почуяла львов и вскочила с негромким клокочущим рычанием, подавая сигнал тревоги. Все пятеро щенят в мгновение ока скрылись под землей, а три гиены, секунду-другую посмотрев в сторону львов, отбежали метров на пятьдесят и остановились. Львы подошли к норе и стали усиленно обнюхивать вход. Пять львиц прайда вскоре пошли дальше, а лев задержался минут на пять — он даже несколько раз лениво копнул лапой землю у входа, но потом тоже ушел.

Все это время гиены стояли и смотрели на львов, и только когда те отошли метров на двести, бросились к своим щенкам. Сунув по очереди головы в нору — словно желая убедиться, что малыши живы-здоровы, — они минут пять бегали вокруг, обнюхивая землю и отмечая запахом множество мест. Через несколько минут щенята отважились вылезти наружу и тоже вместе с матерями принялись метить все вокруг. Было похоже, что гиены стараются избавиться от ужасного львиного духа, заглушая его своим собственным. Однако, к моему удивлению, никто никуда не переселился из Логова Золотых трав.

А вот тем гиенам, которые жили в нескольких норах по соседству, пришлось хуже, когда поблизости два дня и три ночи бродила пара влюбленных львов. В норах было в общей сложности тринадцать щенят, и им пришлось просидеть все это время под землей на осадном положении. Матери время от времени подбирались поближе и стояли где-то в стороне, но не могли подойти и покормить детенышей. Львы во время ухаживания — течка у львицы длится дней десять — почти ничего не едят, а лежат рядом и довольно часто спариваются. Пока эта пара лежала возле нор, погода стояла прохладная, дождливая и даже днем не было жаркого солнца, которое, быть может, прогнало их куда-нибудь в тень. Они, вероятно, и не подозревали, что портят жизнь многим гиенам из клана Когтистых скал. Впрочем, если бы они и догадывались об этом, то вряд ли это обеспокоило бы их.

Удивительно интересны взаимоотношения гиен со львами, особенно в кратере, где гиен великое множество. Гиен так часто представляли подбирающими крохи с львиного стола, что многим и теперь трудно будет поверить последним сообщениям Ханса Круука, обнаружившего, что лев очень часто таскает куски со стола гиен. Три года назад мы с Гуго убедились в этом собственными глазами. Группа гиен с Когтистых скал загнала добычу на закате, и, когда мы подъехали, вокруг туши убитого гну было всего семь или восемь гиен — лишь по ночам, когда гиены начеку и полны энергии, они с невиданной быстротой сбегаются к свежей добыче. Через несколько секунд после того, как мы остановили машину, к добыче примчался молодой лев. Ему было года два, и грива у него едва начинала пробиваться. С яростным ревом он прыгнул вперед, и гиены отскочили, но к ним прибывало подкрепление — через несколько секунд вокруг туши с низкими рыдающими воплями стала стягиваться группа из четырнадцати гиен, хвосты у них стояли торчком.

Вдруг мы заметили, что к терзающему мясо льву с тыла подползает Леди Астор. Она с величайшей осторожностью передвигала лапу за лапой, видимо, изо всех сил стараясь сохранить элемент внезапности при нападении. Подбравшись к льву примерно метра на полтора, она метнулась вперед, куснула его за лапу и удрала с хохотом, словно потрясенная собственной дерзостью и нахальством.

Лев взревел и обернулся, и в тот же миг к добыче подскочили и стали ее рвать все гиены. Когда погнавшийся было за Леди Астор лев вернулся, от туши отбежали только две гиены. Похоже было, что лев напуган: он даже не пытался отогнать гиен от своей добычи, а стоял, хлеща себя хвостом и потирая о землю прокущенную лапу. И даже когда подошел еще один двухгодовалый лев, оба зверя не стали отгонять гиен, а просто присоединились к их трапезе. Этого зрелища мне не забыть — два льва рвут шею мертвого гну, а рядом толпа завывающих, хохочущих, рычащих гиен рвет круп.

Но хотя гиены порой и берут верх над молодыми львами или одинокими львицами, перед матерым львом они предупредительно расступаются. Как-то ночью мы ехали следом за Миссис Браун, бегущей по равнине. Вдруг мы увидели силуэты гиен, к которым подбежала Миссис Браун, — они четко вырисовывались в луином свете. Мы остановились поблизости. Метрах в пятидесяти от гиен прайд львов — две львицы и несколько полувзрослых и маленьких львят — расправлялся с тушей убитой зебры. Около добычи вертелись шакалы, но львята все время бросались на них, так что если им что-то перепало, то явно какие-нибудь крохи.

Через несколько минут из темноты вынырнула Кровавая Мэри — распущенный хвост торчком, взгляд прикован к львам. Она остановилась рядом с машиной и начала потихоньку рычать; вскоре ей стала подпевать Леди Астор. Обе самки время от времени рыли землю то одной, то другой передней лапой — признак нерешительности. Потом Кровавая Мэри испустила серию басовитых «ууууугуу», Леди Астор ей подтянула, вой подхватила еще одна гиена, за ней — другая, и вскоре повсюду вокруг нас зазвучал дикий вой. Через несколько секунд Кровавая Мэри и Леди Астор двинулась в сторону львов, за ними плотной толпой следовали остальные гиены. В наступающей на львов армии мы насчитали двадцать девять гиен из клана Когтистых скал. По мере приближения они завывали все громче, перемежая рыдающие вопли диким ревом и жутким рычанием. Никогда мне не приходилось слышать такой сумасшедшей какофонии! Гиены подходили все ближе, и шум становился все оглушительнее.

Но вдруг с неподражаемой плавной стремительностью обе львицы вскочили, и кругом прокатился вибрирующий, клокочущий рокот тревожного ворчания гиен. Одна львица демонстративно отбросила задними лапами пучки травы, готовясь к прыжку, и гиены обратились в бегство — в наступавшей тишине ясно слышался топот их тяжелых лап. Львицы гнались за ними по крайней мере метров сто, и одна из них едва не настигла старушку Бочку.

Затем львицы вернулись к добыче и продолжали пировать, а гиены, затаившись в траве, не подавали признаков жизни. Но минут через десять снова поднялось рычание и уханье. Гиены вставали и метались вокруг. Завывание становилось все громче. Леди Астор так жутко ревела под окном, что, не будь я в машине, у меня бы кровь застыла в жилах! И вот гиены стали подбираться к львам: когда передние были от прайда всего в двадцати метрах, шум достиг небывалой, невероятной силы. (А Лакомка все это время мирно спал, свернувшись калачиком на заднем сиденье.)

Вдруг весь этот таракан смолк, и снова негромкое тревожное рычание прокатилось в воздухе. Львицы не двигались, и мы ничего не понимали, но, проследив за взглядом Кровавой Мэри, увидели, что к добыче существует черногривый лев в сопровождении свиты из шакалов. С расстояния не меньше ста метров от ближайшей гиены лев бросился в атаку и гнал гиен метров двести — довольно длинная для льва пробежка. Потом он прыжками вернулся к добыче, и львицы с львятами поспешили убраться. Когда он стал есть, они все легли неподвижно и даже не пытались составить ему компанию. Теперь в своей стихии оказались шакалы. Взрослые львы — должно быть, просто от лени — обычно очень спокойно относятся к этим подвижным как ртуть воришкам. Вскоре возле добычи сновало уже семнадцать шакалов, хватая, что подвернется, и мигом отскакивая. Но на гиен появление льва оказалось как раз противоположное действие — они стушевались и притихли. Многие — в основном особи высокого ранга — вообще ушли, а остальные расположились на безопасном расстоянии, окружив львов неровным кольцом на расстоянии примерно восьмидесяти метров, дожидаясь, не останется ли после ухода львов нескольких костей.

В том, что гиены проявляют такое уважение к матерым львам, нет ничего удивительного. Однажды ночью клан Когтистых скал прикончил гну на самой вершине гребня Когтистых скал, у нагромождения серых камней. К этому времени гребень принадлежал клану реки Мунге, расширившему свои северные границы. Заслышав громкое рычание рвущих добычу гиен Когтистых скал, к этому месту стали сбегаться и гиены из

клана завоевателей. Они сновали взад-вперед у невидимой границы, в растерянности разрывая землю. Но мы-то знали, что, дождавшись подкрепления, они отважатся напасть на клан Когтистых скал.

Оба клана подняли дикий шум, и, когда из темноты с пугающей внезапностью выскочили два льва, никто из гиен их не заметил, пока они не оказались буквально в гуще клана Когтистых скал. Тут гиены бросились врассыпную, одна из них в панике побежала не в ту сторону, и лев прижал ее к скале. Прягая, он поднял облако пыли, белевшей в лунном свете, и мы с минуту ничего не могли разобрать.

Когда пыль рассеялась, мы увидели гиену, приподнявшуюся на передние лапы, — двигаться она не могла. Это был Старатель, и, как мы узнали позднее, у него была сломана спина. Оба льва бросились за другими гиенами, но вскоре один из них, громадный черногривый самец, вернулся. Немного помедлив, — хвост у него так и хлестал по воздуху — лев решительно направился к гиене. Старатель отшатнулся, обнажив зубы в устрашающей гримасе, но лев схватил его за горло и медленно придушил. Ни мне, ни Гуго никогда не забыть то злорадство, ту явную ненависть, с которой лев убивал Старателя; признаться, еще некоторое время спустя нас продолжала бить дрожь при одном воспоминании об этой неожиданно злобной расправе.

Но в то самое время, когда лев приканчивал Старателя, к добыче подошла, к нашему несказанному удивлению, одна из гиен с реки Мунге и преспокойно принялась уплетать мясо. Она наслаждалась не больше секунды — второй лев, тоже взрослый, вернулся к туше и, увидев нахалку у добычи, с громким ревом бросился на нее. Гиена отскочила и даже успела удрачить, но лев страшно изранил ее. Мы видели ее на следующий день, всю истерзанную и едва живую, и поняли, что ей уже не подняться.

Лев не стал есть Старателя; хотя мне известно много случаев, когда львы убивали гиен, я знаю только один случай, когда лев убил и съел гиену. Даже сами гиены, судя по всему, не очень-то охотно трогают мертвую гиену, по крайней мере в Нгоронгоро, где пища всегда в изобилии. Весь следующий день тело Старателя, брошенное львом, пролежало на вершине гребня Когтистых скал. Вечером несколько членов его клана приносились, проходя мимо, но останавливаться не стали. В конце концов Миссис Браун взяла на себя отвратительный подвиг каннибализма, чтобы убрать труп, позднее к ней присоединилась ее подруга. Ни одна из проходивших мимо гиен к ним не примкнула. Но вот у подножия холма показалась маленькая процессия щенят из Логова Золотых трав. Соус, сначала хорошенько покатавшись на трупе, принял жадно набивать себе брюхо. Его примеру последовал Пикуль, а за ним на мясо набросились Пестрячок и остальные щенки. И почти в тот же миг отовсюду стали прибывать взрослые гиены, и все присоединились к пирующим.

В кратере гиенам нет нужды питаться чужой добычей или падалью — дичи хватает, и кланы большую часть пищи добывают охотой. Мне даже кажется, что, чем выше по рангу гиена, тем меньше для нее необходимости становиться чьим-то нахлебником. Например, Кровавая Мэри и Леди Астор досыта наедались почти каждую ночь. К чему им пробегать километр за километром, увидев, что где-то вдали приземлился гриф, или прислушиваться к далекому хохоту кормящейся гиены на самых задворках своих владений? К чему им всю ночь напролет слоняться поодаль от пирующего прайда львов в надежде раздобыть жалкие косточки? Но гиены пониже рангом получают гораздо меньшую долю общей добычи. Поэтому они более бдительно следят за малейшими признаками пира хищников где-нибудь вдали.

Гиена по своему общему складу отлично приспособлена к образу жизни падальщика. У нее не просто тончайший слух — она способна точно определить направление донесшегося до нее звука; выносливость у нее изумительная — она может километров пятнадцать пробежать быстрым галопом; у нее хватает терпения всю ночь дожидаться остатков львиной трапезы или преследовать раненое животное, пока оно не ослабеет настолько, что с ним легко можно справиться. Вдобавок ее мощные челюсти дробят все, кроме самых прочных костей, а желудочный сок способен растворить что угодно. Кроме того, гиена умеет отлично

применяться к обстоятельствам и всегда готова попробовать любое «перспективное сырье» для поддержания своего обмена веществ — начиная с кожаных сапог и кончая внутренностями автомобиля.

Удивительно, отчего люди так брезгливы, когда разговор заходит о непривычных для них продуктах или способах питания. Многие англичане без ужаса не могут подумать о ножках лягушек или виноградных улитках; западная цивилизация возмущается при одной мысли о жареных термитах или о супе, в котором плавают живые рыбы. Да и взять хотя бы нашу собственную семью: Гуго приходит в священный ужас, когда я ем на завтрак копчушки, а я — от сырой сельди по-голландски, которую он обожает. И нет ничего удивительного в том, что большинство людей с отвращением относятся к столь далекому от нашего способу питания гиен. Поначалу я и сама чувствовала отвращение, но потом заметила, что моя брезгливость мало-помалу исчезает. Мне кажется, что, наблюдая за ними, я как бы переключаюсь на другую длину волн. Миссис Браун так нескрываемо наслаждается кусочком еще теплой кишк с начинкой из полупереваренных трав, что я смотрю на эту пищу ее, гиеновыми, глазами... просто слюнки текут! Но стоит мне вообразить, что я сама пробую этот кусочек, как у меня все внутри переворачивается. И тот же самый прием «настройки на гиен» я применяю, когда вижу, как Водка облизывает засохшую кровь или тягучую слону с губ матери или Веллингтон напускает мочи в ту лужу, из которой лакает.

Но большинство людей, несмотря ни на что, не расстанутся со своим отвращением. И туалет гиены, наверное, вызовет у них еще более острое отвращение. Потому что если гиена и проявляет признаки полнейшего блаженства, то именно тогда, когда ей удается выкататься в какой-нибудь гадости, которая людям кажется абсолютно тошнотворной, вроде куска прогнившей кишк, дохлого зверька, кучи навоза или — высший экстаз! — в отрыжке кого-нибудь из соплеменников. И вряд ли тут поможет напоминание о том, что даже самая избалованная домашняя собачка, украшение гостиной, при случае готова «надушить» свое холеное тельце теми же ароматами.

Гиен часто рвет, и они всегда катаются в своей отрыжке. Я не сразу поняла, что это не рвота в обычном смысле слова, а именно отрыжка, освобождающая желудок от массы непереваренной шерсти. Часто, покатавшись на этом волосяном комке, гиена вытаскивает оттуда кусочки полурастворившихся костей — видимо, они уже размягчены, так как гиена грызет их, а хруста не слышно.

Если гиена отрыгивает комок шерсти, находясь среди своих сородичей, ей приходится туговато, поскольку подобрать кусочки костей и всласть покататься на остатках хочется не только ей одной. Однажды я видела, как Нельсон, лежавший возле Логова Золотых трав, выплюнул такой ком шерсти. Не успел комок коснуться земли, как на него навалились трое щенят. Нельсон приготовился выплюнуть второй комок — к нему тут же подскочили два других щенка, подстерегая момент, когда комок вылетит из его пасти. Нельсон, приостановившись, поглядел на них здоровым глазом, сделал усилие, задержал отрыжку в зубах, отбежал в сторону, бросил ее, выбрал несколько кусочков кости и только-только подогнул шею, чтобы роскошно выкататься, как щенки налетели на него. И когда Нельсон, изловчившись, все же стал кататься на своем сокровище, один из щенков, лихорадочно принюхиваясь, обнаружил следы драгоценного запаха на морде старика и стал кататься... у него на голове!

Я помню еще один случай. Кровавая Мэри освободилась от комка шерсти и начала кататься на нем, подскочил Водка и стал кувыркаться рядом. Тут и Леди Астор заметила это, подбежала и тоже начала кататься, стараясь подобраться как можно ближе к комку шерсти. В какой-то момент она навалилась на Водку, которому едва исполнился год. Передо мной мелькнула сплющенная мордочка и две дергающиеся передние лапки, когда он тщетно пытался выбраться из-под увесистой приятельницы своей мамаши.

Мы еще не знаем, почему гиены, как и многие хищники, любят кататься на таких пахучих веществах. Но, в конце концов, ведь и люди (в особенности женщины) тоже любят

умащивать свои тела сильно пахнущими веществами. А если еще принять во внимание, что большинство дорогих духов сделано на основе выделений из анальных желез циветт, то, может быть, нам и не следует особенно удивляться или критиковать парфюмерные пристрастия гиен.

Многим животным неизвестно досаждает муки — муки кусающие, жалящие и просто ползающие и щекочущие. Вид спящего льва, покрытого массой насекомых, которые забираются между ног, облепляют брюхо, глаза, морду, всегда приводил меня в содрогание. Но гиена спасается от этих мучителей, покрывая себя грязью. Улегшись на бок, гиена начинает копать землю передней лапой, как совком, подбрасывая грязь высоко в воздух, так что иногда вся задняя часть ее туловища скрывается под кучей земли. И тогда, прикрыв скрещенными лапами глаза и нос, гиена предается мирному отдыху. Есть у гиен и другой способ обеспечить себе некоторый комфорт. Если стоит жара, она отдыхает в прохладной глубине норы, а то укладывается в воду или грязь. В сухую погоду, перед тем как лечь, она сначала «прудит» под себя, взбивая грязь всеми четырьмя лапами, а потом уж устраивается и сибаритствует в этой луже, приготовленной «подручными» средствами.

В сезон дождей гиены почти весь день валяются в лужах. Как-то в полдень особенно жаркого дня я объезжала гнездовой участок клана Когтистых скал. Сначала мне попался Веллингтон — он лежал в луже на брюхе, положив подбородок на вытянутые лапы и зажмурив глаза. Подальше в глубокой жидкой грязи блаженствовала Миссис Браун. Подняв голову, она взглянула на меня; с подбородка у нее капала бурая жижа, а на воспаленном кончике носа красовалась нашлепка из грязи. Потом она перевернулась на другой бок, так что грязь забулькала и зачмокала, и снова развалилась. В луже по соседству быстро-быстро копала, поднимая целый фонтан грязной воды, Бочка. Приняв «душ», она опрокинулась на спину, так что все четыре лапы заболтались в воздухе. Ее большие карие глаза постепенно закрывались. Я поехала дальше.

Кровавая Мэри и Леди Астор лежали рядышком на краю большой лужи, уютно утопив в воде лапы и брюхо. К ним подошла Мисс Гиена. Она аккуратно, как подобает барышне, вступила в мутную воду, немного добавила в нее от себя и улеглась, заливая свою пушистую блестящую шерсть жидкой грязью.

Гиены Озерного клана и в сушь и в дождь чаще всего валяются на отмелях кратерного озера. Это озеро — содовое, и мы по собственному опыту знаем, что одежда, которую часто стирают в такой воде, сильно выцветает. Может быть, по этой причине шерсть у старших гиен Озерного клана совсем бледная и почти без пятен. Шкурам гиен Когтистых скал не грозит «отбелка» — в сухой сезон они могут валяться в реке Мунге или в близлежащем болоте.

Самое быстрое купание, которое мне приходилось когда-либо видеть, произошло на моих глазах, когда Веллингтон «ухаживал» за Леди Астор, по крайней мере я сочла это ухаживанием. Но надо все рассказать по порядку. Он неотвязно, как верная тень, следовал за ней. Леди Астор подошла к реке Мунге, приостановилась и отметила участок травы. Когда же Веллингтон стал кататься в этом чарующем запахе, она соскользнула с берега вниз. Я слышала всплеск — это она плюхнулась в реку. Веллингтон заторопился, но не успел добежать до берега, как она уже вылезла, мокрая с головы до хвоста, и бодрым шагом устремилась на равнину. Веллингтон, казалось, не знал, что делать. Было сухо и страшно жарко, и видно было, что ему до смерти хочется освежиться в воде. Но Леди Астор быстро уходила, а потерять ее он не согласился бы ни за что на свете. Внезапно, приняв решение, он помчался к воде, и не успела я сосчитать до пяти, как он выскочил на берег, окунув только брюхо и половину крупы. Не выпив ни глоточка — губы у него были сухие, — Веллингтон понесся по равнине догонять Леди Астор.

Отношения полов у гиен до сих пор покрыты для меня тайной. Мы с Гуго дважды видели спаривание гиен и много раз наблюдали «церемонию поклонов», которая почти несомненно входит в ритуал ухаживания. Но всякий раз, когда я была уверена, что длительное «поклонение» наконец принесет плоды, самка и ее поклонник неизменно

скрывались в тростниковых зарослях болота Мунге — а туда, как я уже говорила, путь на машине был заказан.

Однажды вечером я видела, как Леди Астор лежит в траве, а Нельсон стоит метрах в трех у нее за спиной. Внезапно он поклонился, так низко опустив голову, что его подбородок едва не коснулся земли. Потом двинулся вперед, опять поклонился и стал быстро копать землю то одной, то другой лапой приблизительно в метре от Леди Астор. Она подняла голову — он отскочил, зацепился за кочку и растянулся. Леди Астор опустила голову, а Нельсон, поднявшись, стоял и смотрел на нее. Немного спустя он повторил свой подход с поклонами и опять рыл землю, но тут же быстро отошел, хотя Леди Астор не шевельнулась. До темноты оставалось часа два, и все это время Нельсон повторял свои поклоны с копанием, подходы и отступления. Если он подбирался чересчур близко, Леди Астор огрызаясь, и он бросался бежать, зажав хвост между ног. А в антрактах между этими сценами он лежал, не сводя глаз с самки. Временами он издавал несколько негромких мирных «ууууу-гуу», Леди Астор и ухом не вела в ответ. Стало быстро темнеть; Леди Астор поднялась и пошла к тростникам. Там в сопровождении Нельсона, который держался немного позади, она исчезла.

На следующий день Леди Астор кланялся Черный Страж — самец более высокого ранга, чем Нельсон. Нельсон околачивался тут же, но несколько раз, когда он подходил слишком близко, Черный Страж прогонял его. Когда солнце стало припекать, Леди Астор забралась в прохладную нору, а Черный Страж, пыхтя, как паровоз, остался на самом солнцепеке, у входа в нору, только набросал на себя огромную кучу земли. Он так и не сходил с места, а когда Леди Астор вышла около четырех часов, он снова стал кланяться. В сумерки пара отошла от норы и исчезла в тростниках.

Эти сцены повторялись целых шесть дней. Каждый день Леди Астор пользовалась вниманием самца несколько более высокого ранга, чем днем раньше, пока, наконец, на пятый день ее спутником не стал Веллингтон, самец номер один клана Когтистых скал. Поблизости от этой пары слонялись толпой другие самцы, но едва кто-нибудь из них приближался, Веллингтон бросался на него, и тот отступал. И в этот вечер, как обычно, Леди Астор исчезла в тростниках в сопровождении самца.

На следующий день Веллингтон ходил за Леди Астор как привязанный, буквально касаясь носом ее крупна. Когда она улеглась в позе сфинкса, Веллингтон подошел и «копнул» лапой прямо по ее спине, и хотя он быстро отскочил, она на него не огрызнулась. Он снова подошел, положил одну из передних лап возле ее бока, припал грудью к ее спине и слегка прикусил ее за шею. Я была уверена, что наконец-то увижу завершение церемонии поклонов. Но Леди Астор встала — и могу поклясться! — уходя в тростники, бросила на меня через плечо торжествующий взгляд!

Три дня я не могла даже отыскать эту пару, но когда они вернулись, Леди Астор,казалось, перестала привлекать самцов. Если вы спросите, понесла ли она, я определенно отвечу — нет! Собственно говоря, из шести самок, которые на моих глазах принимали ухаживания самцов, только одна принесла щенят через шестнадцать недель: как и полагается у гиен. И в то же время церемония поклонов разыгрывалась только перед самками, которые могли быть в течке, — это были либо молодые взрослые самки без щенят, либо самки, которые уже перестали или вскоре должны были перестать кормить щенят. И самое интересное, что каждый раз Веллингтон, доминирующий самец, получал после первых нескольких дней преимущество перед остальными.

А поклонников одной молодой самки неизменно, одного за другим, отваживали Кровавая Мэри и Леди Астор. Те четыре дня, пока удавалось наблюдать за событиями, они обе как будто несли поочередно вахту возле молодой самки. Как-то утром Кровавая Мэри — должно быть, роль дуэни в этот день исполняла она — лежала рядом с молодой самкой, а Нельсон и Черный Страж устроились неподалеку. Солнце начинало припекать, и Кровавой Мэри было все труднее оставаться на месте; наконец она поднялась и отправилась к норе метрах в сорока от этого места. Нельсон и Черный Страж сели и очень внимательно следили

за ней, а когда она отошла метров на десять, оба двинулись к молодой самке. В этот момент Кровавая Мэри обернулась и заспешила обратно. Самцы отбежали, а Кровавая Мэри снова улеглась возле молодой самки. Но терпения у нее хватило только на десять минут, и она снова пошла в сторону норы, через каждые два-три метра оглядываясь на оставшуюся позади группку. И только когда она отошла больше чем на двадцать метров, Черный страж встал и, не спуская с нее глаз, стал потихоньку подходить к самочке. Когда Кровавая Мэри снова оглянулась, Черный Страж застыл на месте, и она пошла дальше. Черный Страж тут же двинулся к молодой самке и снова застыл, когда Кровавая Мэри оглянулась. На этот раз, посмотрев на него внимательнее, доминирующая самка медленно потащилась обратно и с глубоким вздохом улеглась на солнцепеке. Все же через пять минут она встала и опять пошла к норе. Теперь уж ни Нельсон, ни Черный Страж не тронулись с места, пока она не скрылась в своей норе. Тут-то они без промедления бросились к молодой самке и принялись, загнув хвосты, рыть землю и трогать лапами ее спину. И только я одна заметила, как голова Кровавой Мэри высунулась из норы. Несколько секунд она не двигалась, потом пулей выскочила из норы и помчалась к ним. Теперь самцам пришлось признать свое поражение, и вскоре Кровавая Мэри и молодая самка вместе забрались в прохладу расположенных рядом нор.

Я никак не подыщу объяснения, чем было вызвано это постоянное вмешательство Кровавой Мэри и Леди Астор. Может быть, им не нравилось, что молодая самка привлекает всеобщее внимание, или они старались защитить ее от приставаний самцов? Но какова бы ни была причина, со своим добровольным заданием ониправлялись как нельзя лучше, а молодая самка как будто не имела ничего против.

Непосредственно перед тем, как стать привлекательной для самцов, самка-гиена может подвергнуться всеобщей травле. Как-то вечером я была поражена, увидев Леди Астор, припавшую к земле в окружении шестерых самцов. Самцы — среди них были Нельсон, Черный Страж и Веллингтон — рыли землю и кланялись. Вдруг они разом бросились вперед, воинственно загнув хвосты, и, к моему несказанному удивлению, Леди Астор, вторая по рангу дама в стае, припала к земле, улыбаясь от страха, и заскутила, как плачущий щенок. Самцы налетали на нее раз за разом, и внезапно Черный Страж укусил ее в затылок. Леди Астор мгновенно вскочила и погналась за Черным Стражем, а тот удрал с хихиканьем; разбежались и остальные самцы. Но час спустя они опять напали на Леди Астор, и их было еще больше.

Это произошло за день до того, как Нельсон первым стал ухаживать за Леди Астор с поклонами. И еще трижды я видела, как самцы всем скопом нападают на самку за день до того, как начинается серия последовательных ухаживаний и «поклонений». Одну из самок, стоящую очень низко по рангу, несколько самцов здорово искусили, но она отыгралась в следующие дни — покусала троих своих ухажеров, да так, что один из них еще долго хромал.

Подобные нападения всех на одного — своеобразное явление в жизни гиен, и вызывается оно самыми разными поводами. Я уже рассказывала, как щенки порой нападают на самца низшего ранга, иногда совсем прогоняя его от норы. Бывает иначе — общая свалка начинается из-за склоки между двумя гиенами; когда доминирующая особь торжествует победу над поверженным врагом, к ней могут присоединиться другие гиены — они сбегаются, рычат и кусают несчастную жертву. Иногда нападению подвергаются старшие самки, когда они кормят своих щенков. Так, однажды к мирно кормившей близнецов Бочеке подошли Кровавая Мэри, Леди Астор и еще одна самка — хвосты у всех воинственно загнуты на спину. Они стояли, возвышаясь над Бочкой, и со свирепым рычанием кусали ее в шею и в спину. Старая самка съежилась на земле, повизгивая и улыбаясь. Когда нападающие немного поутихли, она стала отходить, а за ней, надрываясь от крика, бежали оба щенка — стоит помешать молодой гиене сосать, и она способна устроить жуткий скандал. Бочка легла в сторонке, и близнецы опять присосались к ее соскам. Но самки не отстали — они снова напали на мать, и ей опять пришлось уходить в сопровождении громко негодящих щенков.

Все это повторилось еще раз, пока наконец ее не оставили в покое.

Только один факт, как мне кажется, мог бы пролить свет на причину такого поведения. Однажды, когда Миссис Вонючка кормила своего полувзрослого щенка, к ней стал подкрадываться ее старший детеныш (не могу сказать, какого он был пола). Каждую лапу он ставил невероятно осторожно, полусогнув ноги и явно стараясь быть как можно незаметнее. Миссис Вонючка не замечала его, пока он не подошел к ней вплотную. Тут она взвизгнула, широко раздвинула губы в улыбке и прижалась к земле. Маленький щенок сбежал, а старший стоял над ней, рыча, поставив хвост торчком и угрожающе прижав морду к спине матери. Немного погодя он утихомирился, обнюхал и лизнул мать, а потом ушел в сторонку. Младший щенок снова вернулся и стал сосать.

Возможно, старшему детенышу не нравилось, что младший сосет? Если это так, то более длительное наблюдение может подтвердить, что всеобщее нападение на мать возникало большей частью по инициативе старших ее детенышей: остальные могли присоединяться потом просто ради компании.

Гиены вообще часто докучают матерям во время кормления. Когда взрослая гиена подходит поздороваться с кормящей матерью, нередко возникают ссоры. Помню, однажды миссис Браун кормила Пестрячка, а Леди Астор сунула морду ей под заднюю ногу, чтобы поприветствовать ее. При этом она носом оттолкнула Пестрячка, щенок завопил и снова полез к соску, но Леди Астор, зарычав, опять его отшвырнула. Щенок, конечно, закатил истерику и стал с воплями носиться вокруг своей мамаши; Миссис Браун с подобострастной улыбкой припала к земле, а Леди Астор стояла над ней и рычала. Потом обе самки лизнули друг друга, и инцидент был исчерпан. Когда в роли кормящей матери оказывается более высокая по рангу самка, то рычит она, и если подчиненная гиена продолжает лезть со своими непрошеными приветствиями, то мать с щенком гонят ее прочь.

В другой раз, когда сама Леди Астор кормила полуторагодовалую Мисс Гиену, к ним подошла молодая взрослая самка, оттолкнула Мисс Гиену от соска и заставила ее дважды обежать мать, преследуя ее с заданным вверх хвостом. Леди Астор невозмутимо лежала и только глядела на них. Мисс Гиена снова начала было сосать, но молодая самка тут же оттолкнула младшую и с визгом понеслась за ней вокруг матери. Тогда Леди Астор встала и ушла, а Мисс Гиена пошла следом, но молодая самка опять увязалась за ними, и, как только младшая начала сосать, старшая потихоньку-полегоньку всунула морду между Мисс Гиеной и ее матерью. Потом она положила между ними одну переднюю лапу, за ней другую и в довершение улеглась чуть ли не на Мисс Гиену — но та продолжала самозабвенно сосать.

Подобное поведение мне приходилось наблюдать неоднократно, так же как и случаи, когда маленьких щенков, идущих за матерью, раз за разом отгоняют молодые гиены. Я подозреваю, что в этом замешаны главным образом старшие дети той же матери. И в самом деле, молодая самка, оттиравшая Мисс Гиену, была вылитая Леди Астор.

Щенки гиен, как правило, сосут до восемнадцати месяцев, и период отъема, который иногда растягивается на несколько месяцев, нелегкодается и матери, и детенышу. В этот период Мисс Гиена оказалась очень трудным ребенком. Ей было около полутора лет, и за три недели, которые мы провели в кратере, не было дня, чтобы она не закатила истерику из-за отъема. Как-то раз, когда мать не пустила ее сосать, она попятилась назад, громко скуля — звук был резкий, скрипучий, нескончаемый. Затем бросилась к Леди Астор, и, подогнув лапы так, что брюхо у нее тащилось по земле, стала кружить вокруг матери, поскуливая, улыбаясь и подняв хвостик. Через некоторое время она опять сунулась к соскам, получила быстрый укус и отскочила, заливаясь визгом. Леди Астор сдалась и покормила дитя. Так и продолжалось день за днем, истерики достигали все более высокого накала, и нередко мать и дочь затевали грызню.

За три дня до нашего отъезда из кратера я видела, как Леди Астор не подпускала дочь ни на минуту, хотя та приставала к ней не меньше часа. Снова и снова Мисс Гиена с великими предосторожностями ложилась на землю и совала нос к материнским соскам, и каждый раз Леди Астор оборачивалась и огрызалась. Наконец Леди Астор встала и начала

кружить за дочерью по маленькому кругу, почти на месте, то и дело кусая ее в шею и в спину. Не знаю, сколько продлилось бы это испытание воли, если бы не прибежал еще один щенок. Тут Мисс Гиена прекратила свои приставания ради удовольствия повозиться и покувыркаться и оставила Леди Астор в покое.

Большинство хищников кормят своих детенышей молоком всего несколько недель. В сравнении с этим восемнадцать месяцев, а то и больше, когда молодая гиена остается «сосунком», — поразительно долгий период. Тем не менее это необходимо, потому что гиена не приводит детей к добыче и, как правило, не приносит пищу к логову. Так что подрастающий детеныш почти полностью живет на материнском молоке.

Иногда матери приносят к норе кости и, хотя сами гложут их некоторое время, почти всегда разрешают и щенкам немного погрызть. Порой даже кажется, что они притаскивают кости только ради того, чтобы позабавить свое потомство. Как-то раз, например, Бочка притащила большой кусок хребтины к норе, где несколько часов назад оставила близнецов. Она положила кость, чуть присыпала ее землей, разрывая вход в нору, и негромко позвала. Но щенков как не бывало — они тем временем перешли к другой норе. Двадцать минут Бочка таскала кость от норы к норе, у каждой копала землю и звала и наконец разыскала близнецов. Бросив свое приношение перед носом у малышей, она легла отдохнуть. С места она сошла только для того, чтобы помочь своим щенкам отогнать другого малыша, который норовил к ним примазаться.

Но подобные трофеи обычно малопитательны, и до тех пор, пока щенок не подрастет и не сможет вступить в бой у туши с другими падальщиками, пока челюсти у него не окрепнут настолько, чтобы дробить крепкие кости, и — самое главное — пока он не сумеет занять свое место среди членов собственного клана в борьбе за добычу, он всецело зависит от молока матери. В сплетении этих причин и следствий и кроется ответ на вопрос, почему некоторые щенки гиен растут гораздо быстрее других, — это зависит от общественного положения матери. Самка высокого ранга всегда добывает больше пищи, ей достаются лучшие куски, так что, видимо, и молока у нее больше, и оно много питательнее. Кроме того, щенок доминирующей матери обычно начинает подходить к добыче раньше, чем щенки подчиненных матерей.

Так, Пестрячок, единственный детеныш, в свои двадцать месяцев намного обогнал в росте близнецов, которые были месяца на два старше. Матери — Миссис Браун и Бочка — были примерно равны по расположению, но Пестрячок, должно быть, получал больше молока, чем близнецы, которым приходилось все делить на двоих. И в то же время близнецы росли гораздо быстрее другого единственного щенка, матери которого была значительно ниже Бочки по расположению в клане.

Но особенно разительный пример быстрого развития щенка являл собой, как и следовало ожидать, Водка, уцелевший щенок главной самки клана. Водка, если вы помните, стал прибегать к добыче в очень раннем возрасте и, как правило, наедался до отвала. Когда ему исполнился год, он сравнялся ростом с щенками старше его на полгода; более того, Кровавая Мэри перестала его кормить уже в этом возрасте, на полгода раньше, чем большинство гиен. И я ни разу не видела, чтобы Водка поднимал шум, когда мать отказывалась его кормить: должно быть, он достаточно хорошо питался и молоко стало для него просто лакомством.

Наше изучение гиен пока находится на самом начальном этапе, и все же мы уже понемногу разбираемся в тех отношениях, которые складываются у матерей со взрослыми детьми. Миссис Браун почти не соприкасалась со своим старшим сыном, Мастером Бейджем, а если им и приходилось сталкиваться, то они чаще всего вели себя недружелюбно. Две другие самки относились к своим сыновьям так же. А Леди Астор и Мисс Гиена (которой в ту пору было года четыре), совсем наоборот, всегда находились в одной группе, вместе ели добычу и, отдыхая, лежали рядышком. Когда Леди Астор укладывается и дочь подходит к ней поздороваться, это частенько смахивает на очередную попытку пососать: она шлепается на землю, почти прижав морду к соскам матери. А Леди Астор обычно

миролюбиво кладет переднюю лапу на бочок Мисс Гиены — точь-в-точь, как и в ту пору, когда она была еще маленьким щенком. Очень интересно, что и Водка, уже перестав сосать, часто приветствовал свою мать и лежал около нее, как Мисс Гиена. Вполне возможно, что Водка окажется самкой.

И хотя мы знаем еще совсем мало, все же можно предполагать, что ранг матери влияет на общественное положение потомства в клане. Например, Мисс Гиена уже сама по себе была особью высокого ранга, даже в отсутствие Леди Астор. А если оказывается, что мать высокого ранга воспитывает сына, то ее положение в клане косвенно влияет и на его последующее территориальное поведение, потому что именно самцы высокого ранга наиболее строго соблюдают границы территории. Ни разу мне не приходилось видеть, чтобы Веллингтон, первый самец стаи, нарушил границы соседних кланов — разве что в толпе своих соплеменников, как, например, во время пограничных конфликтов. А вот одноглазый и почти всеми притесняемый Нельсон сплошь да рядом забредает на чужие территории, одиноко рыская в поисках пропитания. Я даже видела, как он лежит по ту сторону границы территории клана Когтистых скал. Для самца вроде Нельсона, конечно, выгодно такое расширение территории поисков: он стоит ниже даже наиболее подчиненных самок, и вместе с щенками, едва подросшими, чтобы принимать участие в трапезе, ему перепадают сущие крохи. Но вообще вопрос о территориальном поведении самцов гиен еще далеко не ясен, потому что, как вы сейчас увидите, даже молодые самцы достаточно высокого ранга могут стать членами двух кланов одновременно.

Вполне вероятно, что многие гиены моложе двенадцати-восемнадцати месяцев до некоторой степени свободны от строгих правил, касающихся большинства взрослых гиен. Однажды, когда гиены с Когтистых скал и с реки Мунге препирались из-за добычи, щенок из клана Мунге преспокойно подошел к щенку с Когтистых скал, и они дружески поприветствовали друг друга. Я следила за тремя разными щенками с Когтистых скал, поодиночке отправлявшимися в походы за продовольствием и уходившими далеко за границы территории клана. Когда щенок, которому предстоит стать самцом высокого ранга, подрастает, то на формирование у него более строгого территориального поведения, возможно, влияет его активное участие в патрулировании и разметке границ, а также в пограничных стычках.

Но особенно любопытны те случаи, когда самец гиены чувствует себя как дома сразу в двух кланах. Такой самец может занимать сравнительно высокое положение в клане, где он родился, и, тем не менее, старается — и, по всей видимости, совершенно сознательно, с завидной настойчивостью — установить хорошие отношения с отдельными членами соседнего клана. Если это ему удается, его терпят не только на охотничье территории соседей, но и при дележе добычи. И в то же время он сохраняет право участвовать в жизни своего родного клана.

Нам очень повезло — мы смогли наблюдать, как молодой самец из клана Когтистых скал постепенно становился своим в Озерном клане. Но необычайное положение этого самца, которого мы назвали Комиком, трудно правильно оценить, не познакомившись с отношениями этих двух кланов гиен.

Представители обоих кланов часто патрулируют границы своих территорий, которые тянутся примерно полтора километра по открытой равнине; в некоторых точках этой линии они регулярно «отмечаются». Патрульная группа может состоять из нескольких особей, но иногда она насчитывает до тридцати гиен обоего пола.

Щенки, которые еще сосут, насколько нам известно, участия в таких экспедициях не принимают.

Одну из типичных патрульных групп клана Когтистых скал возглавляли Кровавая Мэри и Леди Астор, с ними были и их детеныши — Водка и Мисс Гиена. Веллингтон шел следом за ними. Перед тем как маленькая группа покинула логово, возле которого гиены лежали весь вечер, Кровавая Мэри и Веллингтон испустили несколько воплей «ууууу-гуу». Приближаясь к территории Озерного клана, они двинулись быстрее, и постепенно в их ряды

стали вливаться все новые и новые члены клана. В тридцати метрах от границы предводители бросились галопом вперед, загнув хвосты на спину. Остальные бежали за ними. Вдруг Кровавая Мэри и Леди Астор с ходу остановились и, отталкивая друг друга, стали обнюхивать тот самый участок высокой травы, который прошлой ночью на моих глазах отмечали гиены Озерного клана. Вскоре подбежали остальные гиены патрульной группы, и особи высокого ранга столпились в одном месте, причем каждая старалась оттолкнуть нос соседа, чтобы понюхать самой. Гиены более низкого ранга сновали вокруг, и все были очень возбуждены.

Кровавая Мэри первая отметила это место запахом клана Когтистых скал. Подогнув задние ноги, она медленно двигалась вперед, так что длинный стебель травы попал как раз между ног. Мне были видны ее пахучие железы, выпятившиеся над анальным отверстием, они оставляли очень пахучий след на траве. Леди Астор шла за ней по пятам и стала отмечать траву с того места, где кончила Кровавая Мэри. Пока две доминирующие самки отмечали следующий стебель, остальные гиены встали в очередь, готовые последовать их примеру. Веллингтон, отметив один стебель, стал мочиться, разбрасывая землю передними лапами в том месте, где струя падала на землю, и обрызгивая себя и все вокруг. Вскоре и другие самцы занялись тем же.

Но не успели подчиненные гиены дойти до избранных травинок и отметить их, как Кровавая Мэри и Леди Астор уже побежали к следующему «пограничному столбу» — они бежали бок о бок, по-прежнему загнув хвосты кверху. Остальные гиены, покончив с отметками, помчались догонять своих предводительниц. Так они и следовали вдоль всей границы. Ни одна гиена Озерного клана не показывалась, и, отметив заодно часть своих границ с кланом Мунге, наши гиены возвратились на свою территорию и разошлись.

В тех случаях, когда патрульные группы двух кланов сталкивались, неизменно разгорались ссоры, причем гиены Когтистых скал гнали озерных и наоборот — каждый клан становился нападающей стороной, как только противник проникал через склон далеко на чужую территорию. После этих стычек кое у кого сочилась кровь из ушей, кое-кто прихрамывал, но лишь один раз — об этом рассказано в начале главы — мы видели, как патрульная группа схватила и тяжело ранила соседнюю гиену.

Большая часть ссор между кланами, которые мы изучали, происходили из-за пищи. Например, один раз гиены Когтистых скал загнали и убили гну в тридцати метрах от границы с Озерным кланом. Гиены Когтистых скал все громче ссорились над добычей, а тем временем к ней быстро прибывали члены Озерного клана. Прошло несколько минут, и голодные, полные зависти озерные гиены довели себя до состояния исступленной злобы. Когда они плотной массой напали на гиен Когтистых скал, те обратились в бегство: предводители уже успели наесться досыта и явно не чувствовали себя достаточно озлобленными, чтобы встретить врага лицом к лицу. Но минут через пять озерные гиены высокого ранга тоже успели наесться, и когда скальные гиены, доведенные до исступления видом пиরящих врагов, бросились в атаку, клан противника бежал. Добыча пять раз переходила «из лап в лапы», пока с ней не покончили.

Подобные инциденты мы видели много раз — дважды гиены обоих кланов одновременно рвали тушу с разных сторон, но это продолжалось всего несколько секунд и сопровождалось невероятно свирепым ревом и рычанием.

Положение меняется, если добыча убита в глубине территории соседнего клана. В этом случае охотники, как бы голодны они ни были, все же быстро отступают перед владельцами территории, даже не успев урвать ни кусочка от туши. Однажды гиены Озерного клана свалили добычу на территории клана Когтистых скал; не прошло и пяти минут, как на место происшествия примчалась группа хозяев территории. Нарушители бросились бежать, но одному молодому самцу уйти не удалось. Большая группа предводительствующих гиен клана Когтистых скал, не обращая внимания на тушу гну, бросилась рвать чужака. Они так жутко изгрызли его, что, когда они наконец отошли, он не мог двинуться с места. К утру он подох от ран. И еще несколько раз после этого мы видели, как клан так же расправлялся с

другими гиенами, и каждый раз это были очень молодые самцы. Не исключено, что они, подобно юному Комику, только что стали членами соседнего клана, но в пылу битвы их немногочисленные друзья позабыли об этом.

Свирепая вражда соседей придает истории Комика особый интерес. Комик не только занимает высокое положение в своем клане — ему теперь четыре года, — но и верховодит многими молодыми самками клана Когтистых скал. С чего это ему взбрело в голову искать дружбы враждебно настроенных озерных гиен?

Его первые попытки подружиться с гиенами Озерного клана я наблюдала в довольно накаленной обстановке. Клан Когтистых скал убил добычу у самой границы с Озерным кланом, хотя и со своей стороны. Не прошло и нескольких минут, как возле добычи собралось тридцать девять гиен клана Когтистых скал, и у многих морды и шеи вскоре обагрились кровью, ярко-алой в ослепительных лучах восходящего солнца. Сбежались и озерные гиены, рыча и завывая, взрывая белую пыль на самой границе своих владений.

Внезапно до меня донеслось негромкое клокочущее ворчание — сигнал тревоги. Гиен как ветром сдуло: к добыче подскочили два льва. Пока львы расправлялись с добычей, гиены обоих кланов выстроились по обе стороны невидимой «пахучей» границы — и те и другие расхаживали туда-сюда, загнув хвосты, а кое-кто лежал, не сводя глаз со львов. И вдруг в коридоре, образованном двумя кланами, появилась одинокая фигура. Это был Комик. Подойдя к ближайшим гиенам Озерного клана метров на двадцать, он остановился и стал смотреть на них, подняв голову и опустив хвост. Несколько секунд спустя навстречу ему вышла молодая гиена, примерно одного с ним возраста. Когда она подошла поближе, Комик отбежал на несколько шагов, поджав хвост. Но он остановился и не сделал ни шагу назад, когда озерная гиена поздоровалась с ним — нырнула под его подбородок и потерлась о его грудь. Потом оба обнюхали друг друга, приподняв задние лапы. Я была уверена, что они уже давно знакомы.

Но когда Комик, занятый приветствиями, поднял голову, к нему уже подходила шеренга из восьми озерных гиен, и хвосты у всех были воинственно загнуты вверх. Поглядев на них, он повернулся и помчался к своим. Он бросился прямо к Кровавой Мэри и стал увиливаться вокруг нее, подсовывая морду ей под заднюю ногу, терся об нее, тыкался носом ей в пасть и облизывал ей губы, и все время, слегка приседая, неистово вилял хвостом и судорожно кивал головой — полный набор приемов подчиненной гиены. Потом он обошел и поприветствовал остальных гиен, никого не пропуская. Казалось, он старается умилостивить гиен родного клана после своего заигрывания с чужаками.

Комик пробыл на территории озерных гиен в общей сложности тридцать минут, и я уже думала, что тем дело и кончится. Но через двадцать минут после возвращения он опять перешел границу. К тому времени возле нее оставалось всего пять озерных гиен и среди них — самец очень высокого ранга. Никто из пятерки не двинулся с места, пока Комик подходил, а он, на минутку остановившись, пошел прямиком к одной из гиен, намереваясь поздороваться. Но тут доминирующий самец встал перед ним, загнув хвост, и Комик метнулся прочь, но отбежал всего несколько метров, остановился, повернул и снова подошел к одной из гиен.

С полчаса Комик заигрывал с этой пятеркой озерных гиен и несколько раз обнюхивался с тремя из них. Озерные гиены держали при этом хвост торчком или спокойно опускали его, а у Комика хвост был смиренно поджат, и он все время быстро кивал головой. Но каждый раз, когда доминирующий самец подходил метров на десять, Комик в панике отступал. Озерные, следя примеру своего предводителя, часто отмечали одни и те же травинки возле Комика, но сам он, тщательно обнюхивая это место, ни разу его не отметил.

Вдруг оба льва встали и ушли от туши. Пятеро озерных бросились было к остаткам, но с другой стороны подскочили двадцать гиен клана Когтистых скал, так что пять озерных повернули и убежали. К моему удивлению, Комик, созерцавший всю эту сцену, перешел обратно на территорию Озерного клана и встал около пяти отступивших гиен.

Когда почти вся туша была съедена и возле объедков оставалось всего шесть гиен,

озерные снова попытались подойти, но шестерка гиен с Когтистых скал быстро их прогнала. На этот раз Комик встал в ряды своего клана и вместе с ними прогонял озерных гиен, но когда его товарищи вернулись к добыче, он за ними не пошел. Вместо этого, как бы набравшись храбрости от своих сородичей, он в первый раз подбежал к «заявочному столбу» и, лихо заломив хвост, отметил его своим запахом. Ну, уж этого они ему спустить не могли! Все пять озерных гиен как одна бросились на Комика, а он дал тягу на свою территорию. Там он и остался. Но в общей сложности на территории озерных гиен он провел час пятнадцать минут и вступил в контакт с четырьмя особями соседнего клана.

После этого Гуго своими глазами видел, как Комик дважды кормился у добычи Озерного клана вместе с хозяевами, и хотя ему перепало не так уж много, во всяком случае, он получил не меньше, чем некоторые самцы этого клана. После одной из таких трапез Комик даже отправился с группой озерных самцов к общим норам этого клана, но, не дойдя, остановился, посмотрел немного вслед новым друзьям и вернулся на свою территорию. В другой раз Комик внезапно отбился от патрульной группы гиен клана Когтистых скал и в одиночестве побежал на территорию озерных гиен. Чувствовал он себя не слишком уверенно — то и дело останавливался, прислушивался, — но тем не менее шел вперед. Наступившая темнота скрыла от нас Комика — он казался очень одиноким, но все так же настойчиво продвигался в глубь территории озерных гиен.

Есть картины, которые я никогда не забуду, они хранятся в запасниках моей памяти. Хотя уже миновало много месяцев с тех пор, как мы работали в кратере Нгоронгоро, но стоит мне закрыть глаза, и гиены снова встают передо мной как живые. Я вижу Миссис Браун с откусенным, изуродованным носом — она лежит у норы и смотрит, как Пестрячок грызет кусок черепа гну. Но к нему начинает подбираться более взрослый щенок, и Пестрячок второпях старается ухватить зубами увесистую кость. В конце концов это ему удается, и он, пошатываясь под тяжестью ноши, идет прочь, а рога качаются по обе стороны его морочки, как громадные усищи. А вот близнецы выходят во главе небольшой процессии на вечернюю прогулку. Соус, за которым, как всегда, следует Пикуль, подбирается к быку гну. Оба храбро мчатся вперед, лихо задрав свои хвостики, а остальные щенята идут за ними более опасливо, и хвосты у них подняты горизонтально. Гну уставился на них; щенята один за другим останавливаются и тоже глазают на него. Внезапно гну всхрапывает и взмахивает головой, и щенята, порастеряв напускную храбрость, опрометью кидаются назад, накрепко зажав хвостики между ног. Они мчатся к спасительной норе, а тем временем появляется Бочка, задевая своим отвислым брюхом верхушки золотых травинок. Она сует голову в нору и начинает копать, даже не подозревая, что ее малыши сзади. Подбежав, оба скрываются в поднятом ею облаке пыли.

Я вижу и Графиню Дракулу с ее приподнятой в пренебрежительном оскале рассеченной губой — она переносит с места на место одного из своих крохотных щенят. Рядом с ней трусят две большехи лисицы. Насторожив свои громадные уши, они с любопытством всматриваются в черное тельце, болтающееся в зубах у гиены. Когда Графиня Дракула исчезает в норе, лисицы заглядывают в глубину и неторопливо уходят, ловя по дороге насекомых. Хранится у меня в памяти и прекрасная, яркая картина, в центре которой Нельсон. Закатное солнце окружило его ореолом из чистого золота — он идет по колено в сияющих, розовых цветущих травах. «Уууу-гуу! Уууу-гуу!» — негромко напевает он себе под нос, а вокруг него вьются озерные мухи, как тысячи серебряных искр на фоне залитого тенью склона кратера Нгоронгоро.

Я вижу Кровавую Мэри и Леди Астор, когда они плечом к плечу стоят возле поверженной добычи и их морды и шеи обагрены алеющей в свете прожектора кровью. Мисс Гиена жмется к матери, а Водка забрался прямо под брюхо Кровавой Мэри, улегся на тушу и уплетает мясо в свое удовольствие. А за световым кругом глаза подчиненных гиен, снуящих поодаль от добычи, горят как звезды. Рычание, рев, завывания и хихиканье малопомалу стихают, словно растворяясь во тьме.

Вот и еще одна картина на прощание. Водка, неся в зубах большую кость,

возвращается следом за матерью от утренней добычи. Он прижимается к ней, потому что рядышком идет Мисс Гиена и бросает на его косточку алчные взоры. Когда Кровавая Мэри ложится рядом с Леди Астор, Водка укладывается тоже. Но ему страшно хочется пить. Прихватив свою кость, он идет к ближайшей луже. Там он опускает голову, чтобы попить, но краешком глаза замечает Мисс Гиену, которая тихонько крадется к отложенной косточке. Он хватает кость и бежит обратно под защиту матери. Но жажды мучает его невыносимо. Он снова идет к воде и кладет кость — и снова, уже загнув язык, чтобы опустить его в прохладную воду, вынужден обернуться и выхватить кость из-под носа у Мисс Гиены. Он стоит с костью во рту, глядя то на воду, то на Мисс Гиену, то на свою мать. Кровавая Мэри дремлет. Еще два раза Водка пытается напиться, но напрасно; на третий раз Мисс Гиена добралась-таки до кости. Она бежит под бочок к Леди Астор, чтобы ей никто не смог помешать гладить кость, и Водка смотрит ей вслед, не трогаясь с места. Он напивается всласть и с раздутыми от мяса и воды боками подходит и ложится, прижалвшись к Кровавой Мэри.

В последний раз, когда мы были в кратере, Кровавая Мэри снова готовилась стать матерью. Теперь, если все сошло благополучно, ее щенята уже появились на свет. Интересно, устроит ли она детскую в глубокой норе возле заброшенного термитника? И сколько черных мордочек с мутноватыми серо-голубыми глазами выглядывает из темной норы в зеленый дождливый мир? Но самое интересное — как Водка, неразлучный спутник и единственный детеныш своей матери, встретил своих новых маленьких родственников? Я надеюсь, что скоро мы с Гуго увидим все собственными глазами.

Эпилог **Глядя вперед**

Более двух лет мы изучали гиен, шакалов и гиеновых собак. Мы провели бесконечные часы, наблюдая за ними, сопутствуя им в их ежедневных походах. Мы проводили с ними дни и ночи, видели, как подрастают их малыши, принимали участие во многих горестях и радостях этих животных. Короче говоря, мы старались понять, почему они живут так, а не иначе.

Теперь для своей новой книги «Крадущиеся убийцы» мы изучаем образ жизни львов, леопардов и гепардов. Впереди два года работы. Но как бы эти большие кошки со своими яркими характерами ни околдовали нас, мы никогда не забудем о тех, других. Например, мы планируем периодические посещения кратера Нгоронгоро — нам интересно знать, как идет жизнь гиен из клана Когтистых скал. Нам хочется узнать, как сложится судьба щенка Кровавой Мэри, которого мы назвали Водкой. Для начала неплохо было бы разобраться, какого он все-таки пола. Надо узнать, кто станет предводителем клана, когда Кровавая Мэри состарится или умрет. Нам интересно, как отнесется вторая самка в стае, Леди Астор, к первым щенятам своей красавицы-дочери Мисс Гиены. И особенно нам интересно узнать, каких новых успехов добьется Комик — полноправный член двух кланов. Если так пойдет и дальше, то к старости (годам к тридцати) он, пожалуй, будет чувствовать себя как дома в нескольких кланах кратера.

Нам также не терпится узнать, как идут дела у наших шакалов. Мы хотим поехать в Нгоронгоро через несколько недель, потому что к тому времени Синда, дочь Ясона и Яшмы, уже должна принести щенят. Интересно, будет ли она воспитывать своих малышей в норах, где прошло ее детство? Мы-то помним это время — сколько ярких, живых воспоминаний! Мы помним, как Слиток, Руфус и их сестренка Эмба весело кувыркались в траве; помним, как Синда, последыш, лежала одна в сторонке, свернувшись калачиком; помним Синду в когтях у орла и слышим ее пронзительный вопль, когда она падала на землю; вот Яшма ловит и переворачивает на спину своих детей одного за другим, вылизывает с головы до хвоста, пока они не увернутся и не удерут поиграть с другими щенками; вот Ясон, снующий под самым носом у львов и гиен возле свежей добычи; Ясон, сражающийся со змеей; Ясон,

один на один идущий в бой с ушастым грифом и прогоняющий его от мяса, которое ест щенок.

Неужели из всей этой на редкость жизнеспособной семьи выжила одна Синда? Мы задержимся в кратере подольше, чтобы получше обыскать его, — как раз в это время у большинства шакалов рождаются щенята и именно сейчас легче всего будет разыскать старого Ясона с Яшмой, Руфуса, Слитка или Эмбу.

Теперь мы расположились в палаточном лагере для туристов в Ндуту, у нашего друга Джорджа Доува. Мы с ним очень подружились, и нам стало неудобно жить на разных берегах озера: сколько раз приходилось приезжать в его лагерь, чтобы запастись припасами и питьевой водой, да и перекинуться несколькими словами; сколько раз он навещал нас — конечно, ради своего закадычного друга Лакомки. Так что мы объединились — работаем и спим в своих палатках, а обедаем с Джорджем. Теперь мы можем болтать сколько и когда угодно.

Сейчас я пишу, а повсюду вокруг озера пасутся мигрирующие стада гну, зебр и газелей в сопровождении обычной свиты: львов, гепардов, гиен и шакалов. И, разумеется, гиеновые собаки тоже тут как тут. Каждый раз, как в степи замечают стаю собак (а туристы, подопечные Джорджа, помогают нам изо всех сил), мы срочно выезжаем на место — записываем наблюдения и делаем снимки. У нас в картотеке уже хранятся опознавательные фотографии ста шестидесяти отдельных собак. В прошлом году, когда мы ездили на озеро Лгарья наблюдать за гиеновыми собаками, стай было мало, они встречались далеко друг от друга и редко выпадал денек, когда к нашим наблюдениям прибавлялись новые, увлекательные сведения. А в этом году каждые три-четыре дня мы обязательно встречали одну или несколько стай.

На прошлой неделе нам встретилась стая Чингиз-хана — мы до сих пор зовем ее так, хотя старого вожака давно нет на свете. Щенята уже вымахали в половину взрослой собаки, и все в отличном состоянии, хотя одного мы не досчитались. Мы встретили стаю в самое подходящее время — у доминирующей самки, Ведьмы, как раз началась течка. Трудно даже рассказать, как захватывающе интересно было наблюдать ее отношения со стариком Желтым Дьяволом, с доминирующим Стрижом и Баскервиллем; к сожалению, нам довелось наблюдать за ними всего три дня. Мы видели также драку в стае: все как один набросились на Желтого Дьявола — и щенята, и взрослые. И при этом собаки издавали звуки, которые нам еще ни разу не приходилось слышать. Собственно говоря, за эти три дня мы не только раздобыли совершенно новую для науки информацию, но и сняли основные эпизоды будущего фильма, а собранный материал может составить новую книгу об этих интереснейших животных.

Мы потеряли стаю в ночной темноте, и, как ни искали ее на следующий день, разъезжая на трех машинах, найти собак нам не удалось. И на другой день, когда летчик, доставлявший туристов в резерват, предложил нам пролететь над всей территорией, поиски были так же безуспешны. Лакомка, конечно, тоже увязался за нами и сидел на коленях у Джорджа, совершенно околдованный и самолетом, и громадными стадами внизу. Но несмотря на то, что мы летали зигзагами туда и обратно над равнинами битых два часа, нам попадались львы и гепарды, гиены и шакалы, только не гиеновые собаки.

Куда они пропали и отчего? Они ушли из мест, где дичь так и кишила, где их ждала сытая, привольная жизнь. Может быть, они, как бегуны в стихотворении С.Г. Сорли, кричат: «Мы бежим, потому что так надо...» или «Мы бежим, потому что нам любо бежать по широкой земле».

Но мы все же не перестанем искать наших собак, хотя тем временем вместе с помощниками ведем наблюдения за львами и гепардами, которые бродят возле мигрирующих стад. И если не сумеем найти их за эти восемь недель, то зафрахтуем другой самолет и будем летать туда-сюда над всем парком Серенгети, пока не разыщем стаю. Ведь к тому времени у Ведьмы уже будут щенки. Будет ли Черная Фея в таком же восторге от щенков Ведьмы, как от щенков Юноны? Я до сих пор вижу ее в окружении восьми малышей

с круглыми брюшками — она вылизывает их, таскает с места на место, поглощенная до самозабвения этими крохотными существами. И может быть, если это случится, отчаянная решимость, с которой она охраняет щенят от остальных собак, смоет с нее наконец клеймо отверженной и она снова станет самкой номер два — когда мы расстались с ней, она все еще занимала последнее место в стае.

Пока что характеры крупных кошек, за которыми мы наблюдаем, остаются для нас тайной, не считая самки леопарда с почти взрослым детенышем — мы следим за ней вместе с нашими помощниками почти без перерывов четыре месяца подряд. Но ленивые львы и обремененные заботами львицы прайда остаются для нас пока львами — и только. А самка гепарда с котятами и самцы, которые так редко попадаются на глаза, — все это для нас еще более призрачные существа. Но мы очень надеемся, что, как только узнаем их привычки, поймем те побуждения, которые управляют их жизнью, начнем узнавать черты характера отдельных особей, они станут в наших глазах такими же яркими личностями, как Кровавая Мэри, Синда и Черная Фея.

Учитывая, что мы все еще с глубоким интересом изучаем жизнь примерно пятидесяти диких шимпанзе на берегах озера Танганьика, надо полагать, что работы нам хватит на целую жизнь — мы должны быть в курсе всех дел более чем сотни отдельных животных семи различных видов, которые разбросаны по необозримым просторам Танзании.